

Падение Рыжего Орка.

Действие первое. На сцену непринужденно выходит герой. Героиня в шоке.

Сиплый голос из авторской суфлерской будки:

«Предупреждаю: герой – упырь! В самом худшем переносном значении этого слова».

Пятница, вечер. В травмпункте бенефис. Длится он уже три часа, и конца-краю ему не видно. Каждой второй – пьяный. Каждый первый – рассечения, вывихи и переломы в результате драки. Добрый вечер, «пятница, вечер». Спасибо, что число не тринадцатое. Дежурный врач - Варвара Глебовна Самойлова, двадцати семи лет от роду, хирург, хоть и молодой, но настоящий, по призванию, да еще из хирургической династии. Отец – травматолог, брат – детский хирург. Сама Варвара Глебовна нашла себя на ниве общей травматологии. Хотя сейчас, зашивая очередную распоротую руку, со спиной в мыле, про себя не без сожаления вспоминала, как отец с братом в два голоса советовали ей идти в челюстно-лицевую. Нет же. Ей тогда казалось, что травматология – самая настоящая специальность. Все там есть. Да уж, все. Столько, что не унести.

К десяти вечера поток сырых и калечных, наконец-то, иссяк. Но стоило Варе взяться за телефон, чтобы позвонить наверх, в отделение - дверь распахнулась. И не как положено, а с грохотом об стену. Первой в кабинет вкатилась невеста в пышном платье, следом протиснулся слегка поцарапанный свидетель, потом под руки ввели огромного человека с багровым пятном вместо лица. А потом ввалились еще с пяток человек. В травмпункт пожаловала русская свадьба во всей красе – бессмысленная и беспощадная.

- Всем, кроме пострадавшего, – выйти, - скомандовала Варвара. Из-за стола напротив сурово и неумолимо вставала ей в помощь медсестра Зоя Анатольевна Волгина.

- Не слышали, что доктор сказал?! Всем посторонним выйти из кабинета!

Тут же начались споры на тему «Кто тут лишний?» и суতোлка у двери – Зоя Анатольевна умела одним лишь видом и взглядом внушить уважение и трепет. Варя Самойлова искренне надеялась, что с годами тоже приобретет этот полезный навык.

В конце концов, из всей толпы в кабинете остались двое: здоровенный детина с отеком и залитым кровью лицом и поддерживающий его тип – габаритами и степенью помятости чуть уступавший товарищу.

- На кушетку, - Варя встала из-за стола. Судя по тому, что верзилу его друг вел под руку, в первую очередь надо осмотреть глаза. Нет, сначала отмыть кровь. Варя кивнула Зое Анатольевне, но та уже была на полпути к перевязочной.

Осмотр показал, что глазные яблоки видимых повреждений не имели. Глаза заплыли из-за гематом. А вот глубокое рассечение по линии челюсти требовало к себе серьезного внимания. Из парня – а после того, как смыли кровь, стало ясно, что мужчина молод, по виду ровесник самой Вари, может, чуть старше - чуть Гуинплена не сделали.

- Чем это его? – Варвара спросила у второго, обернувшись от раковины.

- «Розочкой», - охотно ответил тот.

- Заявление будете в полицию писать?

- Нет, нет! – замахал руками товарищ пострадавшего. – Вы там запишите, что он упал и о стекло порезался. А мы так... Свои люди – сами сочтемся.

Как могут посчитаться «свои люди», раскраивающие друг другу лица осколками бутылок, Варя предпочитала не думать. Ей было чем заняться.

В зашивании подобных ран она успела порядком поднатреть. И теперь руки делали свою работу механически. А хозяйка рук отдала себя на откуп усталым мыслям и вполуха слушала, как Зоя Анатольевна заполняет карточку и задает вопросы спутнику того, кого сама Варя как раз в это время зашивала.

Умение за работой болтать, так, ни о чем, чтобы не молчать, чтобы развлечь себя и пациента, тоже пока не давалось Варе. Особенно сейчас, когда над всем превалировало желание упасть вот на эту кушетку и вытянуть ноги. Или – протянуть. Устала что-то. Прямо очень.

- Ты блондинка?

Варя вздрогнула и чудом не выронила иглу. И только сейчас сообразила, что человек, которому она оказывает медицинскую помощь, впервые заговорил. А до этого он молчал – только шипел, когда убирали кровь с разбитых губ. Всю необходимую информацию Варвара с Зоей Анатольевной получили от его словоохотливого товарища. А теперь пациент вдруг заговорил. Голос у него оказался хриплый. И вопрос мужчины задал неожиданный. Варе вдруг захотелось ответить: «Да». Просто чтобы не спорить. Не спорить с человеком таких габаритов, с разбитым в драке лицом и хриплым, даже грубым голосом.

- Почему вы так решили? – Варя снова принялась за работу. Он поморщился.

- Я люблю блондинок. Они красивые и послушные. Ты пахнешь, как блондинка, - он продолжал ей бесцеремонно «тыкать», но Варвара решила и на это тоже не обращать внимания. Он явно не трезв, а связываться с пьяным – себе дороже. – У тебя хорошие духи. И руки мягкие. Как у блондинки. И задница как у блондинки.

Нет, настоящим чудом было то, что иглу она не выронила сейчас – когда здоровенные мужские ладони нагло легли ей на ягодицы. Он сидел на кушетке, она стояла перед ним – поэтому все условия для такого бессовестного вторжения в ее личное пространство у него были – тем более, с такими длиннющими руками. Варя осознала, что открыла рот, но звуки почему-то не произносились - видимо, от возмущения перехватило горло. Но это было только начало.

- Классная корма. И сиськи у тебя как у настоящей блондинки.

Подтверждая слова, руки оказалась на ее груди. Уж тут Варя не выдержала.

- ТЫ!!! УБЕРИ РУКИ!!!

За спиной послышался грохот стульев, который скоро перекрыл грозный окрик Зои Анатольевны.

- Ты что творишь, паразит?!

А «паразит» продолжал гладить ее грудь. На руках у Вари хирургические перчатки, в правой – игла. После первого окрика на Варвару напал какой-то ступор, и она никак не могла сообразить, что правильнее всего сделать. А он все гладил. Его здоровенные лапищи целиком обхватывали ее грудь, которую слабо защищали тонкая хлопчатобумажная ткань светло-зеленого хирургического костюма и кружево бюстгалтера под ним. И вдруг к возмущению добавилось приятное тепло – там, под его ладонями. Эти огромные лапы прикосались как-то странно нежно. И одновременно – уверенно. Но, что хуже всего, Варя почувствовала, как среагировали соски. И это ее окончательно отрезвило.

- Убери руки, бесстыжий! - Зоя Анатольевна, кипя праведным гневом, уже стояла за Вариним плечом. – Да что же это творится!

- Тин, ты чего! – с другой стороны подоспела помощь в виде товарища «бесстыжего». – Тиныч, это же доктор! Она тебе морду зашивает. Тин, убери лапы, добром прошу!

- Не могу, - честно ответил человек со странным именем – а впрочем, наверное, прозвищем – Тин. – Они же так и просятся потискать.

Пальцы сжались сильнее. Возмущение в голове и тепло внизу живота заставило Варю зашипеть. Нет, это уже просто ни в какие ворота не лезет! Она, врач, человек с высшим образованием, позволяет какому-то упырю лапать себя в процессе оказания медицинской помощи.

- Руки убрал быстро! – но получилось почему-то шепотом.

- Неа, - он помотал головой и попытался улыбнуться. И то, и другое делать с распоротой щекой не стоило.

- Не смейся и головой не мотай! – Варя мигом забыла о том, где находятся его руки. – Рана разойдется!

- Так, все, я звоню Даниле Григорьевичу! И охранника сейчас позову, - медсестра решительно обернулась к двери. – Если по-хорошему не понимает!

- Не надо никому звонить! – всполошился друг неугомонного Тина. – Сейчас я его уговорю. Тиныч... Тишка... прекрати дурака валять. Это же доктор. Так же нельзя. Давай, убери руки.

Попытка отвести руку силой провалилась. Мужчина на кушетке дернул плечом и рыкнул:

- Славян, не лезь!

- Я за охранником, Варвара Глебовна! – уже от двери крикнула медсестра. – Сейчас быстро ему объяснят, что к чему, и как себя вести надо в медучреждении.

- Не надо охранника, Зоя Анатольевна. Сама справлюсь.

Ей ведь говорили. Ее ведь предупреждали. Что будет непросто. Что хирургия – дело не женское. Она никого не стала слушать. Так что теперь обязана справляться сама. Без охранника, без Данькиной помощи и, по возможности, без скандала. Навык пресекать хамство пациентов тоже необходимо приобретать. И – самой. Никто не научит. Она сама в это ввязалась.

- Так, слушай, ты. Тин или как там тебя. Если ты сию же секунду не уберешь руки, я зашью тебе рот. Понял меня?

Хорошо бы еще в глаза сурово посмотреть. Но его глаза заплыли, и вряд ли он ими что-то разглядит.

- Ну что, будем рот зашивать?

- Что ж ты злая такая, лапушка? – он вздохнул. Погладил еще раз, самыми кончиками пальцев – и тепло снова вспыхнуло неуместными искрами. А потом руки все-таки убрал.

- За задницу хоть можно подержаться?

- И нос зашью.

- Понял, - опустил руки на кушетку. – Тебя величать-то как, сердитая?

Варвара промолчала. Зато мысленно поздравила себя с победой над пьяным хамом. Так держать.

- Варвара Глебовна, охранника звать? – поинтересовалась Зоя Анатольевна.

- Не надо. Так договорились, - Варя снова принялась за работу. Пока они препиралась, накровило презрительно. Пришлось менять марлевую турунду.

- Значит, Варвара? - не унимался ее горе-пациент. - Не идет тебе это имя.

- Помолчи, а? Ты мне шить мешаешь, - Варвара поняла, что церемониться смысла уже нет.

- А я шепотом, - просипел он. Варя невольно улыбнулся - вышло у него это забавно. - Ты замужем?

- Нет.

- Почему?

- Принца жду.

- А... Чего, не торопится пока принц?

- Да не видно что-то.

- Капризная, - почему-то весело хмыкнул тип.

- Мы, блондинки, все такие. Слушай, серьезно тебе говорю – помолчи. А то шов кривой будет. Ты и так не красавец.

Он едва слышно фыркнул. А Варя почувствовала, как ноги коснулись его пальцы. Провел вверх. Потом вниз, до колена. Да шут уже с ним, за ногу пусть лапает, все равно два стежка осталось. Лишь бы не мешал!

Но вот, наконец, последний узелок завязан, повязка наложена, листок с рекомендациями вручен в руки сопровождающего лица, которое рассыпалось в благодарностях, выводя своего подопечного из кабинета. Перед дверью ее бедовый пациент обернулся.

- До завтра, красавица. Я завтра забегу.

- Забегай. На перевязку. Трезвый.

Дверь закрылась. И доктор с медсестрой остались в кабинете одни.

- Зоя Анатольевна, посмотрите, там еще есть кто?

- Пусто! – довольно отрапортовала медсестра, выглянув за дверь. – Чай пьем?

- Пьем, - согласно кивнула Варя, садясь на место. И тут заметила на углу стола красную бумажку. Пять тысяч рублей. – Это они оставили?

- А кто же еще? – пожала дородными плечами Зоя Анатольевна. – Хоть какое-то понятие о совести есть – если денег оставили за все, что тут натворили.

- Заберите себе, - голос Вари прозвучал резко.

- И не подумаю, - отмахнулась медсестра. – И вы эти ваши привычки бросайте, Варвара Глебовна. Считайте это компенсацией за потраченные нервы.

Но Варю не оставляло ощущение, что эти деньги – плата за возможность поладить с ней. Однако пришлось взять – переупрямить Зою Анатольевну невозможно. Убрав купюру в стол, Варя сняла трубку с телефонного аппарата для местной связи.

- Данила Григорьевич, привет.

- О, разговариваешь? Хороший признак. Давай, Вареничек, поднимайся, чайник как раз вскипел.

Варя вздохнула. За то, что любимый братец растрезвонил всем общим друзьям ее домашнее прозвище, которым называл ее отец, Варвара была готова Николеньку придушить. Да что толку от той готовности? Мечтать, как говорится, не вредно. Опять же, грех не рожденную еще племянницу безотцовщиной оставлять.

- Леськины слойки с сыром не все умял?

- Самую маленькую и черствую тебе оставил, - рассмеялся в трубку Данила Шаповалов, сокурсник ее дорогого брата и Варин нынешний коллега. – Давай, шевели лапами, Вареник.

- Я в отделении чаю попью, - трубка глухо звякнула о рычаг.

- И то верно, - кивнула медсестра. – Поди никто тут к нам под дверь помирать не приползет хоть полчаса.

- Тьфу-тьфу-тьфу, - демонстративно сплюнула через левое плечо Варвара. И уже от входа вдруг обернулась. – А у этого последнего как имя? Товарищ его Тинном называл. Это от чего сокращение?

- Да все у этого упыря не как у людей! – фыркнула Зоя Анатольевна. – Тихон его имя.

- Тихон? – Варя удивилась. Имя редкое.

- Тихон! – подтвердила медсестра. – Так мало того, что Тихон. Так он же еще и Аристархович! Да еще и Тихий.

- В каком смысле – тихий? Что-то я не заметила, что он особо тихий.

- Фамилия его – Тихий. Тихий Тихон Аристархович. Вот же дали Господь и родители имя-отчество.

Насчет Господа Варя не была уверена, а вот родители у гражданина Тихого явно со странным чувством юмора люди. Тихон Тихий. Трудно подобрать имя и фамилию, которые ему подходили бы меньше. Да еще и Аристархович. Чудной.

Позже, после чаепития в обществе Шаповалова и слоев с сыром, испеченных хозяйственной Данькиной супругой, уже проваливаясь в долгожданный сон, Варя вдруг подумала, что такие странные типы, как Тихон Тихий – неизбежная часть работы хирурга. В травмпункте еще и не такое увидишь. Хотя после особо тяжелых дежурств – как сегодня – ей казалось, что весь мир состоит из таких придурков, как гражданин Тихий. А еще она успела подумать о том, что надо бы поумерить требования и снизить планку. И завести себе какого-то мужика для здоровья. Чтобы организм не подводил в самые неподходящие моменты. На этой мысли Варя заснула.

Действие второе. Герой отмыт и выглядит чуть симпатичнее, но героиня по-прежнему не в восторге. А еще на сцене появляется любимец публики.

Из авторской суфлерской будки слышится звяканье ложечки о стены стакана. Потом слышится довольное причмокивание и голос: «Коля, помни: тут ты – не главный герой. Поэтому много не выступай»

Любой, кто обратил бы внимание на сидящую за угловым столиком пару, понял бы сразу – это близкие родственники. А если этот «любой» еще и не идиот, то он догадался бы и о том, что они - брат с сестрой. Потому что оба – рыжие. У нее волос много, они яркие, солнечная кудрявая копна, которая притягивает взгляд. У него – короткий ежик жестких светло-рыжих волос. Но глаза, голубые, внимательные, с каким-то не по возрасту мудрым спокойствием в них – одинаковые. И абсолютно одинаковые улыбки. При том, что габариты у этих двух кардинально противоположны. Он – высок, широкоплеч, основателен и кажется неуклюжим – на первый взгляд и для тех, кто не видел его в операционной. Она – едва достает ему макушкой до плеча, вся состоит из изгибов и округлостей: и фигура, и кудри на голове, и улыбчивый рот. Но все равно любому и каждому ясно, что это – ветви одного древа. А уж если прислушаться к их разговору – это станет совершенно неприлично очевидным.

Обсуждены последние новости с работы – текучка взрослого травмпункта и детского хирургического отделения. Брат доложил сестре о состоянии супруги и ребенка, которого Люба носит под сердцем. Перемыли косточки родителям – со всевозможным пиететом, конечно. Заодно обговорили грядущий юбилей отца. А потом разговор неизбежно вернулся к тому, что занимало их больше всего. К работе. К будням тех, кто должен, согласно старой поговорке, иметь глаз орла, силу льва и сердце женщины. На двоих у брата и сестры Самойловых все это есть.

- Наверное, мне тоже пора уже начинать готовить материал для квалификационной работы, - Варя медленно размешивала чай. – Как думаешь?

- Конечно, пора, - кивнул брат. – Год пролетит незаметно. А потом, как только время придет, Глеб Николаевич с тебя не слезет, пока ты не сдашь на категорию. Жизни тебе не даст.

- Подумаешь, Глеб Николаевич! – фыркнула Варя. – Наш маленький, но гордый травмпункт травматологическому отделению не подчиняется.

- Ваш травмпункт, может, и не подчиняется, - улыбнулся Николай. – А вот если Глеб Николаевич возьмется за ремень...

Брат с сестрой дружно расхохотались. Это был семейный мем – «папа возьмется за ремень». При том, что за всю жизнь хирург-травматолог, а ныне заведующий травматологическим отделением, Глеб Николаевич Самойлов не то, что руку на детей не поднимал – он и голос-то на них повышал от силы пару раз, и то - только на сына, и то – совершенно за дело.

- Ладно, убедил, - отсмеялась Варя. - И в самом деле – чего время терять? Чем раньше получу высшую категорию – тем раньше стану заведующей отделением или травмпунктом.

Брат ее веселье, однако, не поддержал.

- И зачем тебе это? Всерьез хочешь сделать карьеру?

- Коля, ты такие странные вопросы задаешь, - Варвара несколько резко отложила ложечку. – А ты не хочешь добиться успеха в своей профессии?

- Так то я, - пожал здоровенными плечами Коля.

- Ах, вон оно что... - протянула Варвара. – Знаешь, вот от тебя я такого шовинизма не ожидала. Плохо тебя Любаша воспитывает. Надо ей выговор сделать. Потом. После того, как родит.

- Не передергивай, - Колька никак не хотел говорить шуточно. – Я о другом. Посмотри на нашего отца. Ты знаешь, кто для него на первом месте.

- Мама и мы.

- Не идеализируй. Ты прекрасно понимаешь, на ком женат наш отец. На своей работе.

- Он любит маму! У них до сих пор такие отношения, что даже мне завидно!

- Да, это так, - серьезно кивнул брат. – А все потому, что мама наша - мудрая женщина. И понимает отца. И поддерживает его. Всегда поддерживала. Хотя, думаю, временами ей было очень непросто. Но она никогда не упрекала отца, когда из-за его работы срывались запланированные семейные мероприятия. Когда он сутками не приходил домой. Когда приходил и молчал. Да что я тебе это рассказываю – ты это сама не хуже меня знаешь!

- Предположим. Какая связь со мной?

- Знаешь, - Коля отпил остывшего чая, задумчиво позвякал крышкой белого фаянсового чайника. – Я на своей шкуре почувствовал. Как при нашей работе это важно. Что тебя дома ждет тот, кто понимает. Понимает и поддерживает. Потому что при нашей работе надо или одному быть. Или твоей половине придется подстраиваться под тебя. А иначе это будет мучение для двоих. Согласна?

- Коль, ты когда начинаешь философствовать, я прямо пугаюсь. У вас с Любой все в порядке?

- В полном. Не без эксцессов, но научились. Мне с Любовью повезло, - тут брат все-таки улыбнулся – как всегда улыбался, когда говорил о жене. – Повезло от слова «очень». Поэтому я знаю, о чем говорю. Понимаешь?

- Прекрасно понимаю. Я-то одна. Никому жизнь не порчу своим карьеризмом. В чем проблема?

- Ты так и собираешься всю жизнь быть одна? Твоим мужем будет работа?

- Знаешь, не все имеют тягу строить монументальные планы на двадцать лет вперед! – Варя раздраженно откинулась на стуле. – Посмотрим. Может быть. Я пока не знаю.

- А ты подумай, - Колька снова смотрел даже не серьезно – хмуро. – Думаешь, найдется мужчина, который сможет смириться с таким режимом работы жены? Хирургия – дело...

- ... не женское! – зло закончила за брата Варя. – Я прекрасно помню! И знаешь что? Это МОЙ выбор! Мне нравится этим заниматься. Я хочу добиться успеха в том, что мне нравится. Разве это плохо?!

- Не плохо, - Николай как-то сокрушенно покачал головой. – Но спроси себя: ты готова добиться успеха ценой личного, человеческого... женского счастья? Ты не хочешь детей? Или хочешь? Как ребенок впишется в карьеру успешного, много оперирующего хирурга?

- Такое ощущение, что гормоны на фоне беременности шалят не у твоей жены, а у тебя!

- Задел за живое?

- Да иди ты! – прошипела сквозь зубы Варя. – Вот скажи мне, раз ты такой умный: что мне теперь диплом свой на помойку выкинуть и срочно кинуться личное счастье обустроить? Раз ты у нас такой великий планировщик человеческих жизней, подскажи, что делать? Дай совет.

- Работай пока в травмпункте – раз уж тебя туда занесло. Сдай на категорию. Выходи замуж. Роди ребенка. И после декретного отпуска уходи работать в частную клинику. В косметологию, например. Или в пластическую хирургию. Работа спокойная и при деньгах всегда будешь.

- Лазером послеоперационные швы выводить и ботокс вкалывать?

- Чем плохо?

- Знаешь. – Варя смерила брата таким взглядом, словно видела впервые. – Сейчас, как никогда, мне хочется разбить что-нибудь о твою голову.

- Если тебе полегчает, разбей. Правда, Любе, например, это не помогает.

- Ты все-таки Звероящер!

- Я твой брат. Я хочу, чтобы ты была счастлива. И чтобы у моего ребенка были двоюродные братья или сестры. А не только тетя – заведующая отделением.

- Там этот наглый Тихий пришел, - в кабинет, посмеиваясь, зашла Зоя Анатольевна.

- Так наглый или тихий? – спросила Варя, не отрываясь от заполнения очередной медицинской карты.

- Два в одном. Хоть трезвый. А не как в прошлый...

Медсестру прервал звук открывшейся двери. Варя подняла голову. Гражданин Тихий явился на перевязку.

Отеки немного спали, и стало видно глаза. Это придало его лицу несколько более осмысленное выражение. В остальном Тихон Тихий выглядел ненамного лучше, чем накануне. Мелкие царапины, гематомы и белая повязка украшали лицо. Весьма впечатляющие габариты мужчины облачал костюм. Варя не смогла вспомнить – тот ли это, в котором он был вчера, или другой. Но ощущение было такое, что в этом костюме гражданин Тихий спал. Что обидно, костюм явно дорогой: видно было и по покрою, и по тонкой ткани – только стопроцентно натуральные ткани могут так беспардонно измяться. Похоже, Тихий относился к категории мужчин, вовсе не умеющих носить костюм. Например, Варин брат Николай костюмы ненавидел люто и утверждал, что они идут ему, как корове – седло. Тихон Аристархович, похоже, был из той же породы. Потому что выглядел Тихий в своем дорогом костюме как самый натуральный бомж. Варя поймала себя на том, что вот-вот улыбнется. Непонятно чему.

- Явился – не запылится, - фыркнула Зоя Анатольевна. – Проспался?

- Здравствуйте, - он медленно повернул голову к медсестре. Потом снова обернулся к Варе. – А... Варвара где?

Варя прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

- Я за нее сегодня. Проходите.

Она встала из-за стола. Он сделал пару шагов ей навстречу. И хмуро уставился сначала на ее рыжие волосы. Потом - на грудь. Точнее, на бейдж. Несколько раз моргнул.

- Значит, это вы... Варвара... Глебовна.

- Рада, что мы снова на «вы» как цивилизованные люди, - Варя никак не могла понять, чем ее так веселят присутствие этого «Тина» и его растерянное лицо. Вчера он ее бесил. А сегодня почему-то, глядя на него, хотелось улыбаться. – Садитесь на кушетку, Тихий.

- Раздеваться надо?

- Нет.

- Жаль... - он послушно опустился на кушетку. Наморщил лоб. – А почему я решил, что ты... вы... блондинка?

- Отличный вопрос, - хмыкнула Варя, осторожно убирая повязку. – Это у вас была вчера такая эротическая фантазия.

- Что эротическая – это я помню, - ответно хмыкнул он.

- Так, все, помолчите, пожалуйста, - Варя приготовилась обрабатывать шов, мысленно дав себе наказ внимательнее следить за тем, что говорит. – Надеюсь, предупредить второй раз о том, чтобы вы держали руки при себе, не нужно? Рот не будем зашивать?

Он вдруг запрокинул лицо к ней. У него серые глаза. Темно-серые и веселые.

- Значит, это правда? А я думал, Славка надо мной прикалывается. Пользуется тем, что я почти ни хе... ничего не помню. Я тебя лапал?

- Еще как лапал! - подала голос Зоя Анатольевна. – Сколько лет в травмпункте работаю, а такую наглость в первый раз видела!

- А я вообще уникам.

- Уникам, помолчи минуту, а? Дай перевязку нормально сделать.

Он дисциплинированно замолчал. На то, что его правая рука гладит ее по колену, Варя решила не обращать внимания. А, может, просто уже не удивилась. Зато все сделала быстро. И шов хороший, ровный и чистый. Несмотря на все безобразие, что вытворял в процессе его наложения пациент.

- Ну, все, Тихон Аристархович, в понедельник в то же время. А потом через день.

- Давай в кино сходим?

Он сидел рядом с ее столом, положив ногу на ногу и подперев ладонью не травмированную щеку. Сидел как ни в чем не бывало: лицо в царапинах и гематомах, весь словно бегемотом изжеванный костюм и свежая белая повязка. Какой-то настолько нелепый и несуразный, что даже сердиться на него не получалось - при всем на то желании и поводах.

- Кино? - Варвара отложила авторучку. - Я узнаю в лекционном зале, когда будут показывать документальный фильм о вреде алкоголизма.

- Тебе парк ВДНХ нравится? – он будто не слышал ее слов.

- Тихий, изыди! – она все-таки рассмеялась. – Меня пациенты ждут, мне работать надо. И вообще, ты блондинок любишь, - Варя не заметила, как снова сбилась на «ты».

- Я уже смирился с тем, что меня нагло обманули.

- Нет, вы посмотрите на него! – не выдержала Зоя Анатольевна. – Обманули его! А ну марш отсюда, обманутый! Не мешай людям работать.

- Злая вы, тетенька, - вздохнул Тихий.

- Тамбовский волк тебе тетенька! – а потом суровая медсестра не выдержала и как-то совсем по-девичьи прыснула. – Иди домой, Тихон. Отлежись как следует. Проспись. С такой помятой рожей разве ж девушек в кино приглашают?

- Разумное замечание, - он легко поднялся на ноги. – Ну, до понедельника тогда. Дамы цветы, шампанское, конфеты любят?

Зоя Анатольевна уже в голос рассмеялась.

- Дамы любят послушных и спокойных пациентов, - ответила Варя за двоих, изо всех сил сдерживая улыбку.

- Вот чего нема – того нема.

Дверь за Тихоном Тихим закрылась.

На следующий день Тихий явился на перевязку с огромным букетом бордовых роз и коробкой каких-то явно дорогих шоколадных конфет. А еще он наконец-то сменил мятый костюм на вполне нормальные джинсы и рубашку. И то, и другое было чистое, не мятое и шло ему гораздо больше, чем изжеванный костюм из серого льна. Да и отеки почти сошли на «нет». В общем, вполне похож на человека. Только повадки все те же - упырские.

- А где шампанское? – неизвестно зачем подначила его Варя.

- В машине. Сбегать?

- Добегаешься сейчас! Марш на кушетку.

- Раздеваться? Я сегодня без трусов.

- Тихий, я все-таки зашью тебе рот! – у Вари с утра настроение повышенно-кровожадное. Причина банальна и имеет гормональную основу. ПМС как он есть. И рука, глядящая колено, вызывает особенно сильное раздражение.

- У тебя такие пальцы нежные. И не только... пальцы, - ничуть не испугался Тихон.

– И будешь с зашитым ртом смотреть культурно-просветительское кино о вреде алкоголя и пользе ношения нижнего белья.

- А нету кина о пользе алкоголизма и вреде ношения нижнего белья? - рука поползла от колена выше.

- Чего нема – того нема. Тихий, прекрати!

Разумеется, он ее не послушал.

На следующую перевязку Тихий принес белые розы – все в том же вульгарном огромном количестве.

- Тихон, ты подрался-то из-за чего? – медсестра развлекала пациента, пока доктор обрабатывала руки. Варя с удивлением поняла, что Зоя Анатольевна радикально поменяла свое отношение к самому наглому на Вариной памяти пациенту. Причем причина Варваре так и осталась не понятна. Не в букетах и конфетах же дело? Уж этого добра Зоя Анатольевна повидала. Но сейчас в ее голосе явственно сквозили почти материнские интонации. При том, что сына у Зои Анатольевны не было. Зато наличествовали взрослая замужняя дочь и зять, в котором как раз Зоя Анатольевна души не чаяла.

- Да так... - пожал он плечищами. – Не из-за чего. Не помню.

- Душа просила, видимо, - вставила свое слово в диалог Варя. – И кулаки чесались.

- Вроде того.

- А женился-то кто? – не унималась Зоя Анатольевна. – Ты?

- Не. Друг.

- И хорошо, что не ты, - усмехнулась медсестра. – Потому что после всего, что тут вытворял, ты, как порядочный человек, должен на Варваре Глебовне жениться!

- Давай, Тихий, иди сюда. Жениться будем, - Варвара приглашающе махнула рукой.

- Не, я жениться не могу, - он привычно устроился на кушетке. – Во-первых, я непорядочный. Во-вторых, у меня на женитьбу аллергия.

- Пробовал что ли? – рассмеялась Зоя Анатольевна.

- Я и так знаю. Зато все остальное, кроме женитьбы... Вы только намекните, Варвара Глебовна...

- Слушай, на тебе все заживает, как на собаке, - Варя проигнорировала его слова и залюбовалась чистым темно-розовым швом.

- Давай сегодня в ресторане поужинаем? В очень хорошем. Я за тобой заеду после работы. Во сколько ты заканчиваешь?

- У меня дежурство сегодня.

За спиной кашлянула Зоя Анатольевна. Кашлянула, но промолчала.

- А завтра? – не унимался Тихон.

- А завтра я ужинаю у родителей. Пойдешь со мной?

- Пожалуй, нет. Рановато для знакомства с родителями. Ладно, обсудим в следующий раз.

За время своих посещений травмпункта Тихий оставил в кабинете пять букетов и столько же коробок конфет. Данила Шаповалов, заглянувший как-то к Варе, сравнил ее кабинет с братской могилой, за что получил нагоняй от Зои Анатольевны, и быстро исправился сравнением с цветочным магазином.

В последний день Тихон все-таки притащил шампанское, и Зоя Анатольевна клятвенно пообещала вечером выпить за его здоровье. Варя же тихо радовалась, что гражданин Тихий больше в услугах травмпункта не нуждается – в полном соответствии со стандартами оказания медицинской помощи.

- Ну, сегодня я за тобой заеду? – Тихон выглядел уже совсем как нормальный человек – немножко поцарапанный, но вполне интересный молодой мужчина. И заклеенная пластырем щека его не слишком портила. Он мог бы даже вызвать симпатию – высокий рост, широкие плечи, короткие русые волосы, серые глаза и ямочки на щеках от улыбки. Если бы не совершенно упырский характер.

- Нет.

- Почему? - с искренним удивлением.

- Потому!

Тихон обернулся за расшифровкой к своему свежесобранному союзнику. Зоя Анатольевна пожала плечами.

- Ну, не нравишься ты Варваре Глебовне.

- А как же последний шанс? – Тихон, обернувшись снова к Варе, изобразил мимический этюд «губки бантиком, бровки домиком». Спас Варю звонок местного телефона. После чего Варвара со страшно умным и деловым видом заявила, что ее вызывает начальство, и быстро вышла. Сбежала, говоря откровенно. Тихий ее утомил просто до ужаса за все это время. Бывают же такие настырные люди!

Когда, по возвращении, Варя выразила удовлетворение тем, что с пациентом Тихим они наконец-то распрощались, Зоя Анатольевна с сомнением покачала головой.

- Помяните мое слово, Варвара Глебовна. Уж вы-то точно его еще увидите. Наглость вперед Тихона родилась. Он на вас глаз положил и так просто не отстанет.

Варя лишь фыркнула, принимаясь за заполнение очередной бумажки.

- Вот помяните мое слово! – повторила Зоя Анатольевна.

Многоопытная медсестра оказалась права.

Действие третье. Герой уже совсем пришел в себя и блещет гранями своего таланта. Героиня в легкой растерянности от его напора.

Из авторской суфлерской будки, с завистливым вздохом: «Шоб я так жил!»

Мелкий осенний морозящий дождь накрыл влажным одеялом Москву. Варя подняла воротник плаща, глядя на серую хмарь за стеклянными дверями. Выходить туда не хотелось. Зонтик, стопроцентно работающий амулет от дождя, Варвара утром из дома не взяла – отвыкла. О зонте не думаешь, если у тебя есть машина.

Автомобиль у Вари по-прежнему имелся, только уже вторую неделю железный друг грустит в сервисе – ждет какого-то там хитромудрого лямбда-пси-омега-или-имени-еще-какой-то-другой-буквы-греческого-алфавита датчика. Датчик сломался, без датчика законопослушная корейская машина ездить отказывалась, нужная деталь неспешно добиралась в Москву из далекой Кореи, а Варя вторую неделю маялась без машины.

Стой - не стой, а домой ехать надо, и туда хочется даже. Под теплый плед и к горячему чаю. Правда, ввиду отсутствия автомобиля, с продовольственными запасами было неважно – Варя все ждала, когда отдадут машину, и можно будет съездить в гипермаркет и затариться капитально. А машину все не отдавали, и надо все-таки зайти по дороге в ближайший к дому магазин и пополнить запасы провизии – а то на одном чае с вареньем и сыром долго не

протянешь. Только вот по дождю тащиться из магазина с пакетами не хотелось, да и вообще... Может, позвонить отцу? Он работает в том же огромном больничном комплексе, что и Варя, в соседнем корпусе. Если обойти серое с синим здание, то можно увидеть отцову машину. И если попросить – отвезет домой. Варвара трянула головой и решительно шагнула к дверям. Делать больше ее отцу нечего, как после тяжелого рабочего дня заведующего травмой везти свою великовозрастную дочу домой, на другой конец города.

Отставить нить и марш на остановку.

Все тот же мелкий дождь украсил бисером капель наполовину застегнутую черную кожаную куртку и затемнил русые волосы. Под курткой виднелся темно-серый джемпер. Джинсы – тоже темные, синие. Весь такой чуть ли не нарочито скромный гражданин Тихий стоял в нескольких метрах от дверей травмпункта. Прислонившись спиной к совсем не-скромной машине. Огромный черный джип, сверкающий металлом и каплями дождя. И первое, о чем почему-то подумала Варя: «Как Тихий умудрился проехать на территорию больничного комплекса – ведь там шлагбаум на въезде?». Хотя... чему удивляться? Это же Тихий. Как верно заметила Варина медсестра – наглость вперед него родилась.

Он улыбнулся. Оторвал спину от машины. И приглашающе распахнул пассажирскую дверь джипа.

Зоя Анатольевна оказалась права. А Варя ей не поверила. Надо было пройти мимо. Надо было. Но она остановилась. Просто чтобы посмотреть на тонкий шрам по линии челюсти. Прекрасно. Просто прекрасно. Знает свое дело потомственный хирург Варвара Глебовна Самойлова.

- Как самочувствие, Тихий?

- Спасибо, неплохо. Вашими молитвами, - он улыбнулся еще шире. – Ну что же вы под дождем мокнете, Варвара Глебовна? Прошу, садитесь.

- Благодарю вас, мне в другую сторону, - Варя подчеркнуто церемонно склонила голову.

- Уверяю вас, и мне в ту же самую «другую» сторону, - Тихий явно забавлялся. А вот у Вари напрочь отсутствовало настроение шутить. Надо было пройти мимо. Надо было.

- Желая здравствовать, Тихон Аристархович, - она шагнула в сторону. – Прошу простить, дела, спешу.

- С удовольствием подвезу, - он зеркально шагнул в сторону. Встал перед ней. – А, может быть, все-таки ну их – дела? Давай поужинаем вместе?

Варвара вздохнула. Кроме банального «Отстань» или даже «Отвали», других слов не было. От слова «совсем».

- Устала? – вдруг спросил Тихон.

- Как собака, - честно созналась Варя. А вдруг Тихий сообразит, что она не в настроении для совместных ужинов?

- Голодная?

- Как целая собачья упряжка!

- Поехали.

Она так и не смогла потом себе объяснить, почему села в машину.

В просторном салоне пахло приятно – не ароматизатором, а просто приятно. Или Варя так казалось из-за того, что капли красиво сверкали на лобовом стекле, а ее саму уютно обнимало кожаное сиденье. И тепло, и что-то мелодичное мурлыкает из динамиков, и машина куда-то катит по умеренным пробкам, и можно расслабиться и вдруг взять – и ни о чем не думать. Ни о других участниках дорожного движения, норовящих тебя подрезать, ни о пассажирах маршрутки, норовящих наступить тебе на ноги. Сейчас Варя до этого нет никакого дела – она единственный пассажир в машине, созданной не столько для внедорожья, судя по клиренсу и колесам, сколько для комфорта. И Варвара будет им наслаждаться. Комфортом, в смысле.

- Куда мы едем? – она сознательно отрешилась от пейзажа за окном. Гражданин Тихий явно любит быть хозяином положения. Вот и пусть хозяйничает.

- Кормить собачью упряжку.

Варя повернула лицо к водителю. Нет, это все-таки приятно – когда человек делает что-то хорошо. Тихон Тихий хорошо водит машину. Хорошо водит хорошую машину. Что-то было в том, как лежали руки на рулевом колесе, во всей его позе - что становилось понятно: умеет, знает, практикует.

- Твой холодильник выдержит такое потрясение? Все-таки накормить целую собачью упряжку – дело нешуточное.

- Справимся, - у него дернулся угол рта, и только.

- Какая это машина? – Варя ожидала, что Тихон будет болтать, не замолкая. И ошиблась в своих предположениях. Пока они ехали, Тихий молчал. Улыбался и молчал.

- Кадиллак «Эскалада». Тактико-технические характеристики интересуют?

- Характеристики чего? – Варя невинно округлила глаза.

- Машины, разумеется, - он сверкнул обаятельными ямочками на щеках.

- В данный момент меня больше интересуют тактико-технические характеристики обещанного ужина. Чем кормить будете, Тихон Аристархович?

- На месте сориентируемся.

И снова замолчал. Его молчание не то, чтобы раздражало – удивляло. Пригласил девушку - развлекай.

- Варя, ты, наверное, за день столько людей видишь и со столькими разговариваешь, что после работы хочется помолчать, да?

Варваре удалось не показать удивления. Так вот в чем дело. Кто бы мог подумать, что Тихон способен думать о других? Кто бы мог предположить, что он способен на такие верные умозаключения?

- Когда как, - ответила уклончиво. И тут же перевела разговор. – А что это играет?

- Это... - Тихон отвлекся от диалога на какой-то непростой дорожный маневр. – Да мать какая-то играет по радио. Переключить?

- Не надо.

Хриповатому грустному саксофону и переливам фортепиано идеально аккомпанировал стук капель по стеклу. Это был джаз. Практически джаз дождя. И в «мать по радио» Варя почему-то не поверила.

Дождь припустил совсем сильно. Глядя на струи воды по стеклу, Варя гадала, как они с Тихоном доберутся до дверей заведения и насколько сильно успеют вымокнуть. Разглядеть в такой обстановке местность или хотя бы название ресторана не представлялось возможным.

От дверей отделилась странная фигура, которая при ближайшем рассмотрении оказалась человеком с огромным зонтом.

- Выходи, - скомандовал Тихий. Тут же дверь автомобиля открылась, и Варю протянули руку.

«Сервис по высшему уровню» - подумала Варвара, выбираясь из джипа под спасительное укрытие огромного черного зонта, который держал средних лет мужчина в темно-коричневом костюме.

- Давай, Никодим, ходу, ходу! – раздался голос Тихона.

Варя решила, что «Никодим» ей послышался – в компанию к Тихонам и Аристархам. И оказалась не права.

- Добрый вечер, Тихон Аристархович! – зонт уже куда-то делся, Варю быстро, но деликатно освободили от плаща. Рядом как-то по-собачьи отфыркивался от воды Тихон. Судя по приветствию, Тихий являлся явным завсегдатаем данного заведения.

- Добрый, Никодим Иваныч. Как у нас тут - тихо?

- Полный зал, - улыбнулся мужчина. Неужели в самом деле в наше время на свете живут люди с именем «Никодим»? – Погода в самый раз для того, чтобы посидеть в хорошем заведении в хорошей компании.

- По мне так по такой погоде надо чем другим заниматься, - хмыкнул Тихон. – Но нам же лучше.

- Вы в отдельный кабинет пройдете, или в вас в общем зале накрыть?

- В кабинете давай, - мотнул головой Тихий. Подал Варю руку. – Прошу вас, Варвара Глебовна. Один из лучших ресторанов Москвы счастлив предложить вам свое гостеприимство.

Варя не была большим экспертом по ресторанам. Вообще никаким экспертом по ресторанам не была. Обстановка внутри показалась ей... добротной – вот, пожалуй, верное слово. Ресторан был словно вне времени. Темное дерево, сводчатые высокие потолки, каменный пол. Варя проводила взглядом официанта. Потом еще одного. Высокие симпатичные парни, перепоясанные длинными фартуками. Судя по всему, официанток в этом заведении не водилось. А еще у Вари появились сильные подозрения, если не сказать, уверенность, в том, кому принадлежит этот ресторан. Про «завсегдатая» она, кажется, продешевила.

Отдельный кабинет, куда ее привел Тихон, оказался уютным – как и весь ресторан. Из памяти вдруг выплыло странное и старинное слово «шпалеры» - кажется, так называются эти тканевые штуки на стенах. Прошуршали ножки стула. Тихон Аристархович продемонстрировал прямо-таки образцово-показательные манеры.

- Неужели он действительно Никодим? – Варя, сев за стол, наблюдала, как Тихон развешивает куртку на спинке стула, ерошит влажные потемневшие волосы и устраивается напротив.

- А что не так? – усмехнулся Тихий.

- Налим Никодим гордится собою... - нараспев продекламировала Варвара. - Налим Никодим носит шапку соболью...

Тихий расхохотался.

- Это надо запомнить! Налим Никодим, - покачал головой. – Надо же! На самом деле, он Виталий.

- Зачем тогда? – изумилась Варя.

- Антураж у нас такой, - то ли всерьез, то ли в шутку ответил Тихон. – Старорусский. Все тут Никодимы, Феофаны и Прохоры.

- И Тихон Аристархович на самом деле Антон Евгеньевич?

- Нет, - ответил он с тем же непонятым - то ли в шутку, то ли всерьез - выражением лица. – Тихон как раз настоящий Аристархович.

Их во всех отношениях познавательную беседу прервало появление Никодима Виталия. Встал с блокнотом наизготовку.

- Значит так... - Тихон побарабанил пальцами по столу. – Варвара Глебовна, вы все продукты употребляете? Или что-то не кушаете по идейным или религиозным соображениям?

- Чего?!

- Ну, или может... - Тихий потер бровь. – Аллергия там на что-то...

- Нет, - рассмеялась от неожиданности Варя. – Аллергия у нас в семье брату досталась. Я ем все. Только субпродукты не очень люблю – печенку и прочий ливер.

- Напрасно, напрасно. У нас такой замечательный пирог с почками. Ну да ладно. Значит так, Никодим Иваныч... Ухи нам – налиమ్ей.

- Слушаю-с.

Варвара едва слышно фыркнула этому старомодному «-с».

- А на кухне сегодня кто? – продолжил Тихон, приглаживая взъерошенные влажные волосы. – Маргарита Сергеевна?

- Никак нет. Михал Саныч.

- Это жаль. Тогда расстегаи мы не будем.

- У Михал Саныча тоже расстегаи хороши! – вступился за неизвестного Михал Саныча Никодим Виталий.

- Хороши. А у Марго все равно лучше, - не согласился Тихий. - Тогда солянки рыбной нам.

- Все записал!

- Ну и для сугреву и аппетиту Варваре Глебовне оформи.

- Сейчас все будет!

- Значит, вы, Тихон Аристархович, ресторатор? – спросила Варя, как только Налим-Никодим расторопно испарился.

- Да куда там! – Тихий откинулся на стуле. – Трактирщики мы. Куда нам до рестораторов. Мы по-простому.

- Трактирщик, - улыбнулась Варвара. – Прямо вот так и представляю вас, Тихон Аристархович, с балалайкой и в такой рубашке... красной, с застежкой набок – не знаю, как называется.

- Косоворотка, - подсказал Тихон. – И картуз, да?

- Картуз? Это что – штаны такие?

- Кепка, - ухмыльнулся Тихон.

- Ты владелец? Или управляющий? – Варя решила не церемониться и задавать вопросы в лоб. Какие уж тут церемонии, когда он ее за грудь и задницу успел полапать?

- И то, и другое.

Тут вернулся Никодим Иваныч. В руках он держал поднос, с которого ловко расставил на столе какую-то мензурку с темно-красной жидкостью, крохотную рюмку и блюдце с парой микроскопических бутербродов – черный хлеб и сало. Варя с изумлением уставилась на стеклянную емкость – формой и размером она напоминала лабораторную колбу, из каковых они, будучи студентами-медиками, пили спирт как раз в лаборатории. Закусывая семечками.

- Скромно тут у вас, Тихон Аристархович, - хмыкнула Варвара. – Из пробирок пьете.

- Это, сударыня моя Варвара Глебовна, называется шкалик, - Тихон ловко наполнил маленькую рюмку. – Прошу.

- Что это? – Варя подняла рюмку и посмотрела на свет. Жидкость переливалась всеми оттенками алого и багряного.

- Настойка смородиновая. От Маргариты Сергеевны.

- Какой-то неправильное имя у нее для вашего заведения, - Варя поднесла рюмку к носу и понюхала. Пахло действительно смородиной. И очень даже ароматно пахло. В животе вдруг заурчало – слава Богу, не очень громко.

- Для посетителей она Матрена Семеновна, - ухмыльнулся Тихон. – Пей, давай. Нос у тебя уже красный.

- А ты?

- А мне нельзя, - преувеличенно громко вздохнул Тихий. – Я за рулем. И в последнее время до уныния законопослушен.

Она хотела еще что-то спросить, но из рюмки пахло так соблазнительно, что Варвара решила отложить расспросы на потом. Выдохнула и выпила залпом. А потом еще раз выдохнула – от удивления и даже восхищения, облизала губы и уставилась на своего визави.

- Намек понял, - рассмеялся Тихон. И тут же снова наполнил рюмку. – Вкусно?

- Обалдеть как! – вторая рюмка тут же улетела за первой. Сладкое тепло поползло от желудка вверх. *А жизнь-то налаживается.*

- Закусывай, давай, - снова рассмеялся Тихон. А потом капнул себе в ее рюмку чисто символически, выпил и зажмурился от удовольствия. – Ох, Марго, умеет ведь!

И тут принесли уху. Пахла она божественно, дымилась фантастически. И Варя поняла, что фраза про собачью упряжку была, возможно, не просто фигурой речи. Аппетит проснулся совершенно зверский.

- Налимья, значит? – она повела носом, пока Никодим Иванович расставлял тарелки.

- Она самая! – улыбочиво подтвердил тот.

- Из того самого налима? – уточнила Варя.

Никодим вопроса не понял, а Тихон расхохотался.

- Нет, налим енисейский.

- Откуда тут енисейский налим? – изумилась Варвара.

- Из Енисея, матушка, из Енисея, - Тихон взял ложку. – Что у вас с географией, Варвара Глебовна?

- Нормально у меня с географией, - огрызнулась Варя. Хотела развить свою мысль, но вместо этого пришлось ответить «спасибо» на дежурное «Приятного аппетита» от Никодима. А потом она машинально положила в рот первую ложку. И ей стало совсем не до разговоров. Кажется, ничего в жизни вкуснее не ела. Или это просто она такая голодная? В общем, главным стало – не чавкать.

- Волшебник! – сыто выдохнула Варя спустя несколько минут. – Маг и кудесник! Я чуть язык не проглотила.

- Рады стараться, - улыбнулся Тихон. – Как там поживает собачья упряжка?

- Урчит от удовольствия.

- Солянку осилит?

Варя прислушалась к своим ощущениям и решительно кивнула. А потом с удовольствием допила смородиновую настойку. И у них с Тихоном наконец-то завязался осмысленный диалог. Про уху, налима, Енисей, нюансы ресторанного бизнеса. Но очень скоро разговор прервался на принесенную солянку.

И снова - божественные запахи, в этот раз от чугунной сковородки, установленной на деревянной дощечке. Не только пахло, но выглядело все очень аппетитно. Но попробовать Варвара не успела – Тихон с хмурым лицом потрогал пальцем край сковороды, еще сильнее насупил брови и кивнул стоявшему навтыжку метрдотелю:

- Зови Михаила Александровича.

Варя решила не задавать вопросов и подождать развития событий. Любопытно понаблюдать за Тихим в естественной среде обитания.

Позванный Михаил Александрович оказался высоким мужчиной лет сорока пяти, худощавой комплекции и в интеллигентных очках на бледном лице. На шеф-повара в понимании Вари походил слабо.

- Михаил Александрович... - голос Тихона звучал негромко и как-то неприятно, нарочито скучно. – Сковорода должна быть горячей. Солянка должна скворчать. А она еле теплая.

- Тихон Аристархович, я...

- Куски крупные, - все тем же противным скучным голосом продолжил Тихий. – А должно быть мелко и равномерно порезано. С каких это пор мы позволяем себе такую небрежность в приготовлении и подаче блюд? Вы же знаете, Михаил Александрович, что орехов в качестве я не терплю.

Повар глотнул. Варе стало жутко неловко от того, что она является свидетелем такого диалога.

- Тихон Аристархович... Простите, ради Бога... Я сейчас... Я все исправлю, - мужчина схватил со стола сковороду. Голыми руками. Видимо, она и в самом деле была едва теплой.

- Поставь на место, - негромко и спокойно.

- Тихон... Тихон Аристархович... Я правда... сейчас, все сделаю. Простите, ради Бога.

Вид взрослого, интеллигентного вида дядьки, распинающегося перед развалившимся на стуле с хозяйским видом – хотя Тихий и в самом деле тут хозяин, но сути это не меняло, вызвал какой-то внутренний протест. И смотреть на это было Варе неприятно. Как-то все неправильно. Унизительно.

- Оставь, говорю. Я доем. А Варваре Глебовне сделай все, как положено. И завтра к десяти зайдешь ко мне. На душевспасительную беседу. Последнее предупреждение у тебя, Михаил Александрович. И не китайское последнее, а наше, русское.

Михаил Александрович поставил сковороду на стол. Руки у него заметно дрожали.

- Суров ты, царь-батюшка, - Варя не удержалась от комментария, как только за незадачливым поваром закрылась дверь. – Суров прямо вот не по ситуации. Нормальная же... солянка.

- Вот не надо со мной спорить по поводу того, как должны выглядеть и подаваться блюда в моем ресторане! – голос Тихона прозвучал резко. А потом добавил чуть мягче. – И вообще, я никого насильно не держу. Знаешь, сколько я поварам плачу? В очередь ко мне выстраиваются желающие поработать. Так что, если что-то кого-то не устраивает – как говорится, вот Бог, вот порог. Силком никого не держу.

- Угу. Добби подарили носок.

- Кто такой Добби? – слегка наигранно изумился Тихон. Кажется, ему было немного неловко – за саму сцену и свои резкие слова. Или нет?

- Неужели не читал «Гарри Поттера»?

- Я две книжки прочел: одна синяя, другая букварь.

И снова Варя ему не поверила. А Тихий вдруг вытащил из кармана фаблет. В ручищах Тихона аппарат совсем не выглядел большим.

- Я один звоночек сделаю с твоего позволения.

Нет, позволение ему не требовалось. Потому что он уже начал возить по экрану пальцем во время произнесения этих слов. Ну, хоть видимость сделал – и на том спасибо.

- Анюта, здорово, - рано Варя начислила Тихону бонусные баллы за вежливость. Звонить в обществе одной дамы другой – вполне в духе Тихого поступок. – А чего это твой батя с бодунища сегодня? – Даже Варе был слышен взволнованный женский голос из динамика телефона. – Так, меня слушай! Анюта, я пошел тебе навстречу. Ты полгода назад у меня в кабинете рыдала, просила отца с работы не выгонять. Ой, не рассказывай мне, какой он специалист на вес золота - я и сам знаю. Цены бы ему не было - если б за воротник так не закладывал. Угу. Вот именно! Я зачем зарплату Михал Саныча тебе отдаю? Как он у тебя умудрился забухать? На какие шиши? А, сосед? Ну, так выдай пинка соседу. Пока я не выдал пинка твоему батю. А даже не фигурально, а вполне буквально – ты меня знаешь. Вот и ладно. Бывай, Анюта.

- Любопытная у тебя кадровая политика, - надо было что-то сказать. – Нестандартный подход.

- Да, приходится воспитывать, - отозвался Тихий, убирая телефон в карман.

- А скажите, Тихон Аристархович, боевое ранение, благодаря которому вы оказались в моем кабинете, вы здесь получили? У себя в ресторане?

- Вот еще! – фыркнул Тихий. – У нас заведение почтенное, драк не бывает.

- Что, гости совсем не буянят никогда?

- Кто ж им позволит-то?

- И вышибала имеется? – улыбнулась Варя. – Или это Налим Никодим?

- Я сам кого хочешь вышибу.

Вот в это Варвара сразу и безоговорочно поверила. А тут и солянка подспела. Скворчащая и мелко порезанная.

- Варя, тебе десерт оформить?

- Нееет, - простонала Варвара. – Правда, очень все вкусно, но я больше ничего не смогу съесть!

- Тогда два кофе нам сделай, Никодим Иваныч. А десерт - в следующий раз.

- Варвара Глебовна, вам какой кофе?

- Так же как мне сделай, - Варя не успела ответить – Тихон это сделал за нее.

- А если мне не понравится?

- Вот и посмотрим, - сложил на груди руки Тихон. – Вот и проверим.

Посмотрели. Проверили. Оказалось, Тихон Аристархович пьет кофе с молоком и сладкий – а Варя была уверена почему-то, что он пьет черный, крепкий и без сахара. Брутальные мужчины всегда пьют крепкий и без сахара. А Тихий пьет светло-коричневое сладкое пойло. Вкусное, зараза. И никак ему не подходящее.

Он, разумеется, отвез ее домой. Конечно, проводил до квартиры. И задал вопрос, который, как надеялась Варя, человеку, прочитавшему две книги и слушающему «какую-то муть по радио», достанет ума не задать.

- Пригласишь на чашечку кофе?

- Мы уже пили кофе.

- Тогда чашку чая?

- Кончился чай.

- Какао? – с отвратительным оптимизмом.

- Слушай, Тихон, - вздохнула Варя. – Давай, я тебе просто заплачу деньгами за ужин. И прекратим этот спектакль.

- Обижаете, Варвара Глебовна, - зеркально вздохнул Тихий. И даже как-то смешно надул губы. - Какой спектакль? Я вас ужином от чистого сердца угостил. И подумал: вдруг, вы, тоже от чистого сердца, захотите пригласить меня на чашку... какао.

- Тихон, я тебе от чистого сердца говорю... - начала Варя запальчиво. А потом выдохнула. – Вот как есть говорю. Как на духу. После такого обалденного ужина я могу думать только об одном.

- И это не я, - проявил чудеса сообразительности Тихий. – И не какао.

- Это подушка. В данный момент я могу думать только о сне.

- Понял. Отстал.

Варя не поверила своим ушам и в такую скорую капитуляцию. И совершенно правильно сделала.

- В щечку хоть поцеловать можно, Варвара Глебовна? На прощание, так сказать?

- Можно, - неужели обойдемся малой кровью? - Только быстро.

- Прямо в первый раз меня просят это сделать быстро, - хмыкнул Тихон. – Обычно просят наоборот.

Варя хотела ответить, но не успела. Потому что ее поцеловали. В губы. Коротким, сухим и теплым поцелуем. Совершенно необоснованно ее взволновавшим.

- Тихий, это не щека!

- Да? Ну так мы Медакадемию не кончали, анатомию не изучали.

- Тихон!

- Бывай, Варвара Глебовна. Я позвоню.

После чего обхватил ее шею своей здоровенной ладонью, наклонился и еще раз поцеловал – так же коротко и сухо, но уже в щеку. А потом развернулся и пошел. А Варя так и осталась стоять. С раскрытым, между прочим, ртом. И сонное состояние куда-то все развеялось.

У начала лестницы Тихон обернулся. Смерил ее каким-то странным взглядом – совершенно не поддающимся расшифровке.

- Передумала? Будет какао?

- Нет! – рассмеялась Варя, стряхивая оцепенение, и полезла в сумочку за ключами. Так под его взглядом и открыла дверь. И закрыла. Не оборачиваясь. Но знала, что он смотрит.

Уже перед сном Варвара сообразила две вещи.

Первое. Она не давала ему номер своего телефона. Впрочем, вряд ли для Тихона это станет сколь-нибудь существенной проблемой.

И второе. Она много чего ему рассказала. О работе, об отце, о матери, о брате. Кажется, будто говорила за сегодняшним ужином она одна - при том, что подобная болтливость была не очень-то Варе свойственна. А вот поди же ты – рассказывала. Потому что Тихон умел слушать. Смотрел внимательно, задавал по ходу правильные и к месту вопросы. Вот Варя и разговорилась – незаметно для себя. А о своем собеседнике Варя узнала только то, чем енисейский налим лучше всех прочих налимов. Даже название ресторана, принадлежащего Тину, не узнала.

Действие четвертое. На сцену выходят второстепенные персонажи со стороны Героя. Но и без этого Героиня медленно, но верно попадает под обаяния Героя. А кто бы мог подумать?..

Из авторской суфлерской будки, скептически: «А ну-ка, давайте, удивите меня!»

- Тишенька, здравствуй.

- Здравствуй, мама.

В трубке явственно вздохнули. В этом вздохе – и удовлетворение от короткого, но искреннего «мама», и сожаление, что слышится это слово чаще всего только по телефону. Но сегодня – не только по телефону.

- Тиша, мы с Лизой приедем сегодня в Москву – ей надо кое-что купить для школы, а у нас выбор, сам понимаешь, какой. Так, может быть...

- Во сколько приедете? Я встречу.

- Ой, да не надо! Мы дела свои сделаем, а потом бы встретились с тобой где...

- Во сколько. Вы. Приезжаете? – чуть ли не по слогам. – Или мне самому расписание смотреть и гадать, какой вы электричкой приедете?

В трубке еще раз вздохнули.

- Mam, а давай, я за вами сам приеду? Тут езды-то на машине меньше двух часов.

- Не надо, Тишенька, что ты, не надо! Мы сами доберемся!

- Ну да, - желчь все же разлилась. - Там же на трассе в начале города знак висит, поди. Тихону Тихому въезд в Коломну запрещен.

- Ну что ты такое говоришь, Тиша!

- Во сколько вы приезжаете? – насильно давя раздражение. Нарочито спокойно.

- Ну, все купили?

- Все! - радостно кивнула Лиза, прижимая коробку с планшетом к груди. Еще несколько пакетов заброшены в багажник «Эскалады». Шоппинг определенно состоялся.

- Спасибо, сынок, - Серафима Андреевна погладила сына по руке. Она едва достает ему до плеча. – Не стоило столько денег тратить, правда...

Тихон лишь моргнул пару раз – только это выдало раздражение.

- Надеюсь, *он* не выкинет покупки в этот раз. Все-таки нужные вещи. Для школы.

- Не выкинет, - спокойно и твердо произнесла невысокая пухленькая женщина. – И ты не прав, если так думаешь.

- Я всегда неправ, - скривил губы Тихон. Стоящая рядом пятнадцатилетняя Лиза совсем по-детски засопела. Она любила старшего брата. Но не любила, когда он такой. – Ну что, поехали обедать? Или полдничать уже? Я сейчас позвоню в ресторан...

- Тиша, не надо к тебе! – всполошилась Серафима Андреевна. – Да зачем? У тебя там все солидно, дорого, а тут – мы. И вообще, у нас с Лизой яблочки с собой есть. И морс. И...

- Тишаааа... - Лиза повисла на руке старшего брата, сразу заметив, как он изменился в лице на словах матери. – А своди меня в Макдоналдс, а? Ну пожалуйстааа...

Он помолчал. Выдохнул. Машинально погладил Лизу по голове.

- Ладно. Макдоналдс - так Макдоналдс, - взял младшую за руку. – Пошли, Лизун. Главное, чтобы меня там никто из знакомых не увидел. А то потом смеха не оберешься.

- Как дела у Нины и Антона? – Тихон рассеянно болтает пакетиком чая в чашке – больше чтобы занять руки.

- Хорошо. Работают оба.

- Новостей... нет?

- Нет. Но мы верим и надеемся.

- Мое предложение в силе, - ровно произносит сын.

- Не надо, - твердо отвечает мать. – И потом, это твои деньги. Ты их сам заработал. Трать на себя.

- Угу, - тихо и словно себе. – Мои деньги. Мои грязные деньги.

Только вернувшаяся из туалета Лиза спасает Тихона Тихого от материнской отповеди.

- У Софии как дела? – именно так. Софии. Не Софьи, не Сони – Софии. София Тихая – барышня серьезная и строгая.

- София портрет твой рисует, - отвечает за мать Лиза. – То есть, - спешит исправиться, – пишет. Пишет твой портрет. По фотографии.

- А... - Тихон не на шутку изумлен. – Это же не ее... То есть... Она же в этом... Так у меня день рождения только через полгода... А фотография откуда? – совсем растеряно.

- А что, ты думаешь, у нас в доме нет твоих фотографий? – голос Серафимы Андреевны сердит. Устала она. Сильно устала от своих упрямых мужчин и их многолетнего раздора. – А ты, Лизавета Аристарховна, взяла – и все выложила! А София сюрприз готовит на день рождения Тише, между прочим!

Лиза смущено наклоняет голову.

- Лизун, ты знаешь, кто такой Добби? – приходит Тихон на помощь младшей сестре.

- Добби? Это эльф! Эльф-домовик из книжки про Гарри Поттера.

- Хорошая книжка?

- Очень!

- Ладно, - усмехается. – Почитаю на досуге. А расскажи мне вкратце, зачем ему подарили носок?

Электричка отходит через пять минут. Последние минуты на перроне.

- Тишенька... - неуверенно, почти робко. - Ты бы... может... приехал бы, а? У отца ведь день рождения через неделю.

- Чтобы он меня за порог выкинул?

- Да что ты такое говоришь!

- Так ведь было уже.

- Было – и было. Теперь... Теперь так не будет. Он изменился, Тиша, сильно изменился.

– Проверять не хочется, - произносит он устало. - Ладно, раз не хотите, чтобы я вас до Коломны довез – давайте, садитесь в вагон. Скоро отправление.

Серафима Андреевна поднимает руку. Тихон едва заметно качает головой. Отрицательно. Но она, подумав, руку не опускает. Крестит ему лоб – мелко, но решительно. И оборачивается к дочери.

- Идем, Лиза. И правда пора садиться.

Лиза Тихая успеваает на прощание повиснуть на шее у брата. А потом с матерью проходит в вагон.

Отправления электрички Тихон не дожидается – разворачивается и уходит. Из окна вагона две женщины – одна в возрасте, другая совсем юная - наблюдают его широкую спину, теряющуюся в толпе.

Тихон Аристархович не заставил себя ждать. И Варя не знала – рада она ему или нет. Снова накрапывает мелкий дождь. Зонта снова нет. Машину завтра обещали отдать. И что бы Тихому не приехать завтра? Завтра причины для отказа были бы. Сегодня – где их найти? Как?

- Собачьей упряжке привет, - улыбается так, словно рад встрече. Словно закадычные друзья и не виделись сто лет.

- Только вы, Тихон Аристархович, так изысканно даму приветствуете.

- Ну так я же уникам.

- Доктор, я феномен? - начала Варя фразу из расхожего анекдота. И осеклась. Но Тихий фразу уже опознал и даже не рассмеялся – заржал. Громко. Искренне. Запрокинув назад голову.

- Жестокая вы женщина, Варвара Глебовна. А все почему?

- Почему? – спросила Варя немного смущенно. Анекдот все же на грани фола. Мало ли что Тихий к таким привык. А она сама-то? Зачем сама задает такой уровень и тон разговору?

- Потому что десерт не откушали! Исправим?

Варя посмотрела на протянутую руку. У него просто огромные ладони. Наверное, даже больше, чем у ее отца. Чем у Кольки. Варя привыкла с детства к большим мужчинам вокруг. Но Тихон был каким-то особенно большим. Не размерами. А тем, как она его воспринимала. Остро и нервно. С чего бы?

- Вот что у тебя за манера, Тихон... Приглашаешь девушку в ресторан, когда она только что с работы.

- А чего не так?

- Ты на меня посмотри! - Варя развела в стороны руки.

- Посмотрел, - он только что не облапал ее взглядом – от растрепанной рыжей макушки через оранжево-коричневый шелковый шарф, бежевый плащ, синие джинсы к удобным темно-серым кроссовкам. – Меня все устраивает.

- А меня – нет! Люди в ресторан ходят в приличном виде! В красивых платьях! А не в кроссовках на босу ногу.

- Как скажешь, - он как-то ненавязчиво и ловко подхватил ее под локоть. – В пятницу пойдем при полном параде – вечернее платье, декольте. Декольте обязательно, слышишь?

Варю так ошаршили его слова и натиск, что она позволила усадить себя в машину. И только там уже...

- А не обнаглел ли ты, Тихий? Декольте ему подавай...

- А я галстук одену!

- Надену, - машинально поправила Варвара.

- Надену, - согласился он. – Два. Галстука. Для симметрии к декольте.

И тут она не выдержала. И рассмеялась. И почему с ним так легко? Бывает. Иногда.

И снова в машине пахнет приятно и кожей. И опять «какая-то муть» наполняет салон осенней изысканностью джаза. И опять Варя уютно. И опять Тихон молчит. Но как-то уютно молчит.

- Что у нас сегодня в меню?

- Марго, - усмехнулся Тихон. – В смысле - расстегаи.

- Ого...

- Угу.

Варя улыбнулась незамысловатости их диалога. Собственное хорошее настроение изумляло.

Машина совершила резкое перестроение, и Варю прижало к стенке автомобиля. Сзади раздался громкий сигнал клаксона.

- В ж*пу себе побибикай! – и спохватился тут же. – Извини.

- Ничего. По-моему, в Москве за рулем не ругается только тот, кто не следит за дорогой.

- Это точно! – Тихон потер левой рукой шею, повел плечом.

Это движение Варя отметила еще в прошлый раз. Как раз как врач обратила внимание. Характерный жест. Неслучайный. И сегодня решила спросить.

- Хондроз?

- Чего?

- Ты шею постоянно трогаешь. И плечо. Шейный хондроз? Болит?

Он помолчал, пристально глядя на дорогу. Потом, словно опомнившись.

- Не. Нет никакого хондроза. Так. Просто привычка дурацкая. У меня ничего не болит.

Не болит. Ноет.

- Варвара, я тебя оставлю ненадолго. Надо кое-что лично проконтролировать.

Варя пожала плечами. Его ресторан, в конце концов. Мало ли. А она хоть в зеркальце на себя посмотрит. Может быть, что-то даже исправит – не оставляет ощущение, что выглядит она так себе. На троечку.

Успела припудрить нос, проинспектировать глаза на предмет осыпавшейся туши, нахмуриться по поводу особо непослушных сегодня волос - ввиду кончившегося бальзама. Попробовала на скорую руку убрать пряди в косу. И в этот момент на плечи ей легли большие теплые ладони. Варя вздрогнула. Как она умудрилась не услышать, что Тихон вернулся?

А потом замерла. Даже дыхание затаила. Его пальцы разобрали наспех сплетенную косу. И принялись...

- Кто так косы плетет, Варвара Глебовна?

Она не смогла ответить, даже если бы в голову пришли подходящие слова. Вообще, больше всего сейчас хотелось застонать от удовольствия. От того, как его пальцы неспешно трогают голову, перебирают волосы. Он... он что, в самом деле, плетет ей косу?

Стон разочарования удалось подавить чудом – когда Тихон убрал руки.

- Ну вот, - раздалось из-за спины удовлетворенное. – Теперь у нас вид приятный и аккуратный, как сказал папаша, отрубив сынишке голову, чтобы излечить его от косоглазия.

Спасибо тебе сердечное, Тихон Аристархович. За волшебные прикосновения рук. За то, что заплел косу. А больше всего – за эти слова, которые рассеяли неуместное волшебство.

- Да вы просто король метафор, Тихон Аристархович!

- Это не я король. А Диккенс. Фраза принадлежит Сэмюэлю Уэллеру из «Записок Пиквикского клуба», - Тихон устроился напротив нее.

- А синей книжкой было, видимо, полное собрание сочинений английского классика?

- Не, - помотал головой Тихон. – Это Михал Саныч у нас за работой любит в паузах на кухне почитать классика. И фразы этого Уэллера у него на каждый случай жизни припасены. Так что весь ресторан уже в курсе. Вот так-то... Варешка.

-Что?! – магия того интимного момента, когда он перебирал ей волосы, рассеялась окончательно – сначала радикальным лечением косоглазия, а потом – Варешкой.

- У сестры подружка есть. Варвара. Лиза зовет ее Варешкой.

Варя подумала – и улыбнулась. Варешка. Мило. И вдруг осознала – Тихон сказал ей что-то, не касающееся ресторана. Что-то личное.

- А меня дома папа зовет Вареником, - поделилась в ответ семейным секретом.

Тин улыбнулся. Подпер щеку ладонью.

- Ой, как я люблю вареникиии...

- И с чем больше всего? – Варя весьма успешно сделала вид, что подтекста не заметила. Но угол рта неудержимо полз вверх.

- С вишней! Вишня вообще – самая вкусная ягода. Вареники, пирожки – с вишней все вкусное!

- Ты прямо как мой брат Коля – тот за вареники с вишней Родину продаст! И за сырники.

- Сечет фишку! – рассмеялся Тихон. – Это брат Коля, который хирург?

- Он у меня один брат, слава Богу. Двоих таких я бы не выдержала. А у тебя есть еще сестры, кроме Лизы? Или братья?

- Угу, - нейтрально улыбаясь, ответил Тихон. – А расстегаи сегодня с грибами. Ты же грибы ешь, я ничего не путаю?

- Ем. Не путаешь.

Расстегаи превзошли всю выданную им рекламу и авансы. Варя гордилась своими пирогами с капустой. Теперь поняла, что совершенно зря. Зато ясно, к чему стремиться.

А еще они пили какой-то невозможно ароматный чай. И ели мед с брусникой и кедровыми орешками. Тоже невозможно вкусные. Варя собиралась допросить с пристрастием Тихого, а вместо этого развлекала его историями своей студенческой юности. И он так заливисто хохотал, что о своих планах она забыла.

Уже ближе к концу чаепития Варвара вдруг спохватилась. Ведь она снова не обратила внимания...

- Тихон, а как называется твой ресторан?

Он молча подтолкнул ей меню в кожаной папке, лежащее на углу стола. Темно-зеленая кожа, тисненая надпись. «Ресторанъ Тинъ»

- Да уж, от скромности вы не умрете, Тихон Аристархович!

- Три раза не умру, - он почему-то не улыбнулся в ответ на шутливую реплику. – Вообще не умру.

- Бессмертный?

- Не доживу до кончины – не тот типаж.

Фраза показалась странной, чужеродной. Словно снова цитата. Из Диккенса или откуда-то еще. И Варя решила не уточнять. Многие знания – многие печали, как любит говорить отец. Вместо этого спросила другое.

- А почему целых три раза?

- Три ресторана потому что.

- Ого. И все Тины?

- Нет, - Тихон задумчиво покрутил меню по столу, словно размышляя над ответом. – Этот, самый первый – «Тинъ», - подчеркнул пальцем название на папке. - Второй, в Филях – «ТинТин». Третий...

- Можно, я угадаю?

- Попробуй, - все-таки улыбнулся он.

- ТинТинТин.

- Не угадала, Варвара Глебовна. Штраф тебе.

- Не может быть!

Тихон полез в карман и вытащил оттуда визитку. Варя расхохоталась, только взглянув на нее. Улыбнулся еще раз Тихон.

- Вообще, ты была почти права. Изначально ресторан на Щелчке назывался «ТриТин». Но посетители почти сразу его перекрестили в «Тритона». И мы быстро провели ребрендинг.

- Тритон... - Варя покачала головой. – Ты натуральный уникам, Тихий.

- А я тебе что говорил!

- Слушай... - ей не хотелось уходить из ресторана. Хотелось отсрочить очередное напрашивание Тина на чашечку кофе-чаю-какао. – А можно мне еще?

- Конечно, - он послушно наполнил ее чашку из стоящего тут же пузатого чайника под разноцветной тряпичной грелкой. – Чабрец, липовый цвет, медуница. Фирменный сбор! Нравится?

- Очень, - Варя отхлебнула душистого напитка. - А ты на самом деле считаешь свой ресторан... свои рестораны одними из лучших в Москве?

- Я бы считал их самыми лучшими. Но есть один, который мне не переплюнуть.

- Ух ты! И кто же это смог обскакать Тихона Тихого, самого главного московского трактирщика? Кто этот смелый?

- «Седьмое небо».

- Ооо...

- Вот именно – «Ооо». Вот это заведение я бы с удовольствием прикупил. Но... - Тихон развел руки. – Увы, не по карману.

- Прикупил бы... - рассмеялась Варя. – Вместе с Останкинской башней, видимо?

- Конечно! – ухмыльнулся Тихий.

- Ну да, ну да... Как же иначе. Фаллоцентрическая модель мира во всей красе.

- Эй-эй, полегче с выражениями! – Тихон страдальчески наморщил лоб, демонстративно прижал пальцы к вискам.

- Что, от умных слов голова болит?

- Нет. Но начало умного слова почему-то заставило вспомнить о... какао. Ты не в курсе, почему?

Варя чертыхнулась про себя. Ни хрена себе оговорочка по Фрейду. И не первая, причем, в обществе Тихого.

- Сходишь со мной туда? - Тихон великодушно не стал развивать тему моделей мира. – Ради тебя и «Седьмого неба» я сделаю исключение из правила не есть в чужих ресторанах.

- Посмотрим на твое поведение, - в легендарном ресторане в Останкинской башне Варя не бывала, но попасть, конечно же, хотелось. Культовое место. И вид, наверное, шикарный.

- Я буду себя хорошо вести.

Конечно, она ему не поверила. И правильно сделала.

Тихон снова проводил ее до квартиры. Варя поняла, что спорить с ним бессмысленно. Самое эффективное – захлопнуть перед его носом дверь. Если успеет, конечно.

- Какао по-прежнему нет. – Варя решила не ждать очередного «подката» от Тихого.

- Кошмар какой-то! – вдохнул тот. – Просто кризис на рынке какао. Логистика ни к черту! Пора брать дело в свои руки!

- Эмн... какое дело? – Варя на самом деле, конечно, отлично представляла, какое «дело» Тихон может взять в свои огромные лапы.

- Какое-какое... Рынок какао, естественно! Я прямо обеспокоен сложившейся ситуацией.

Варя едва слышно фыркнула. Он шагнул к ней вплотную.

- Я в щечку поцелую?

Это был вопрос. На который ответ не предусматривался. Но Варя попробовала взбунтоваться.

- Ты не умеешь целовать в щечку!

- Еще как умею! – твердые губы слегка коснулись скулы. – Я несколько вечеров... - его руки легли ей на плечи, двинулись назад, вниз, по спине. – Изучал... анатомию... - ладони скользнули еще ниже, легли ей на ягодицы, сжали. – Чтобы не ошибиться.

- Тихон!

- В щечку же... - дыхание обожгло ухо и шею. - В щеку целую. Что не так?

Она не придумала ничего лучше, чем со всей силы наступить ему на ногу. Пока не стало слишком поздно. Пока она сама не закинула свои руки ему на шею.

Тихон даже не дернулся. Ну да, что его сорок - навскидку - пятому в тяжелом ботинке ее тридцать пятый – предмет шуток брата, который не упускал случая предложить ей поискать обувь в «Детском мире».

- Тихон... - почти жалобно.

Он отстранился.

- Я заеду за тобой в пятницу. Домой. К семи. Не забудь про декольте.

В ответ она инфантильно хлопнула дверью. Перед его носом. Легче не стало.

Действие пятое. Герои уходят куда-то. Вдвоем!

Из авторской суфлерской будки слышится шелест страниц и возмущенное: «Этого не было в сценарии!» А потом злорадное: «Ну-ну...»

Сама напросилась. Сама. И теперь надо думать на извечную женскую тему: «Что надеть?» А, впрочем, без вариантов. И Варвара вытащила из платяного шкафа плечики в чехле. Это платье она надевала единственный раз. Несколько лет назад. И сшито оно было по поводу. По очень веселому и радостному поводу: единственный и горячо любимый брат Колька женился.

Как бы они ни подтрунивали друг над другом, но это все было внешнее и наносное. А внутри Варя знала: Колькино плечо – самое надежное. Даже надежнее отцовского, потому что именно плечом к плечу с братом они получали в детстве нагоняи за проказы – когда у матери кончалось терпение, и к процессу воспитания детей привлекали Самойлова-старшего.

Поэтому свадьба брата стала в свое время веселым поводом, чтобы сверкнуть перышками. Не посрамить честь семьи и все такое. И теперь, спустя несколько лет, платье оказалось кстати – есть в чем выйти «в люди». И пусть Тихий себе хоть оба своих бесстыжих глаза сломает! Только, кажется, с того времени, когда Варя надевала это платье, она слегка поправилась. И Варвара решительно потянула вверх чехол. Будем мерить.

Оказалось, что Варя была к себе не справедлива. Не поправилась. Похудела. Нет, платье сидело прекрасно, за исключением этого проклятого декольте. На свадьбе брата там все было, как положено. А сейчас... сейчас объема явно не хватало. Варя разглядывала себя в зеркало, наклонив голову. Вот же несправедливость! Ей все чудились на себе лишние килограммы, а оказывается, наоборот – не хватает. И нет бы, чтоб лишнее ушло с живота или, на худой конец, со щек. Дудки! Самое ценное пострадало. Впрочем, не очень существенно, но, чтобы платье село идеально, просился пуш-ап. Придется тащиться в бутик белья.

Варвара снова полезла с инспекцией в шкаф. Ага, вот и лаковые вишневые шпильки к платью. И клатч. Ну и славно. Пуш-ап, так и быть, она купит. Тут Варя почему-то вспомнила слова Тихона, что его нагло обманули, и злорадно улыбнулась. *А вот тебе еще и пуш-ап, дружок. Любишь поролон?*

Ладный, по фигуре, вишневый шелк, короткие рукава, квадратный вырез каре, длина до колена. Со свежкупленным пуш-апом платье смотрелось как надо. «Попробуй-съешь-меня-но-для-начала-не-захлебнись-слюной». Над прической Варя поломала голову. Силуэт требовал убрать волосы вверх, но ей почему-то думалось... мечталось?.. что распущенные пряди снова привлекут внимание кое-чьих пальцев. В конце концов, вариант был принят компромиссный – убрала наверх, но несколько прядей выпустила, специально для того, кто захочет поправить ей прическу. И его чутких пальцев.

А под вишневым шелком спрятались чулки и вишневый же комплект белья – да, одним бюстгалтером дело не ограничилось. Как говорится, если в ваш первый раз с девушкой на ней трусики и лифчик одного цвета, значит, именно она приняла решение, что первый раз будет сегодня. Варя хмыкнула, поправляя резинку чулок. Она ничего не решила. Но быть во всеоружии обязана. И вообще, это так приятно – в кои-то веки ощутить на себе все это: чулки, красивое кружевное белье вместо – зачастую – удобного спортивного. Шелк платья вместо привычных джинсов, шпильки вместо кроссовок. Варя задумчиво поглядела на лаковые туфли у своих ног. Погода вообще не располагала к хождению по улице в лаковых туфельках, а у Вари были вполне приличные ботильоны. И они будут неплохо смотреться с этим платьем. Но «неплохо» – это не то. «Идеально» – вот, что нам требуется на сегодняшний вечер. И Варя решительно сунула ноги в

вишневый лак. А если попадется лужа... или иное дорожное препятствие – пусть Тихон Аристархович берет на руки и переносит!

Варя так и замерла – нагнувшись, чтобы поправить запятник на туфельке. Потому что поймала себя на двух мыслях. Первая – что Тихон по одному только намеку поднимет ее на руки. Не задумается ни секунды - только повод ему дай для того, чтобы руки в дело пустить. И вторая – ей этого хочется. Чтобы подхватил на руки. Чтобы прижал к себе. Чтобы самой прижаться щекой к груди.

Варвара тряхнула головой. Разогнулась. И спросила у своего отражения: «Ну, ты веришь, что сегодня вечером ляжешь в постель одна?» И сама себе пожала плечами. Она еще ничего не решила. Правда-правда. А чулки и красивое белье – это для себя и собственной уверенности в себе. Честно-честно. Да-да.

- Где декольте? – он восхищенно оглядел ее: небрежно-изысканная прическа, черное пальто, перетянутое поясом. И яркими вишневыми каплями: туфли, сумочка, шарф. Помада.

- Под пальто, - она ответно оглядела его: распахнутое темное консервативное пальто, под которым виднелись белая рубашка и галстук. – А где второй?

- Под рубашкой. Будешь себя хорошо вести - покажу.

- Я подумаю, - церемонно склонила голову Варя. И приняла протянутую руку. Правда, в высокий джип забираться в узком платье оказалось не так уж и удобно. Тихон, помогая ей сесть в машину, не упустил шанса посадить ее именно под попу. Но ее это не только не удивило – даже раздражения не вызвало.

- Вас в общий зал? - улыбнулся Никодим-Виталий, освобождая Варю от пальто. – Грех такую красоту в кабинете прятать.

Варе показалось, что Тихон остался не доволен этим вопросом. Как-то странно дернулась бровь. Но кивнул вполне доброжелательно.

- Да, давай в общий зал. За восьмой столик.

А общий зал полон. Да, в пятницу вечером аншлаг бывает не только в травмпункте. И Варя похвалила себя за то, что не поленилась. И что ей за себя не стыдно. И за восхищение в насмешливых серых глазах. И за то, что, усаживая ее на стул, Тихон умудрился ее снова поlapать. Слегка огладил изгиб бедра и выдохнула на ухо:

- Платье – чума, - а потом, выпрямившись и без паузы почти: - Мне по секрету сказали, что телятина в горшочках сегодня особенно удалась. Оценим?

И телятина в горшочке удалась, и разговор заладился, несмотря на то, что ужин у них был «на сухую» - Варя отказалась выпивать в одиночестве. Им и без развязывающего язык алкоголя

снова нашлось о чем говорить. И о Добби с подаренным носком, и о традициях русской кухни, и о том, как шить двадцатисантиметровые ножевые раны, и о том, как правильно лепить пельмени.

В одну из редких пауз в разговоре - Тихон был вынужден ответить на звонок и слегка откинулся на стуле, ведя беседу по телефону – Варя принялась его разглядывать. На нем костюм отвратительного цвета - примерно такого же, как и любимый им кофе с молоком. И жуткий галстук – аляпистая полосатая расцветка родом из шестидесятых прошлого века, наверное. И почему-то Варя была уверена, что надето это абсолютно осознанно. С какой вот только целью? Не смогла определиться с ответом.

Тихон заметил ее изучающий взгляд и подмигнул. А потом сказал в трубку чуть громче, чем говорил до того:

- Все, Рося, отстань. Я сегодня отдыхаю. Не ной. Завтра – если тебе так срочно. Завтра, я сказал! Все, отбой.

Убрал телефон в карман. Снова подвинулся к столу, протянул руку и вдруг заграбастал Варину ладошку. Кажется, что из одной его ладони можно сделать три таких, как у нее. Он задумчиво рассматривал ее руку. Варя порадовалась тому, что не поленилась сделать в салоне маникюр.

- А что это у вас, Варвара Глебовна, ногти так коротко острижены?

- Профессия обязывает, Тихон Аристархович. Хирургу длинные ногти только помеха – поверь на слово.

- Ну а как же... - он провел большим пальцем по кончикам ее коротких, выкрашенных вишневым лаком ногтей. – Как же это - в порыве страсти расцарапать мужчине спину?

- Если очень хочешь ходить поцарапанным – заведи себе кота, - сладко улыбнулась Варя, мысленно встряхивая себя, чтобы избавиться от магии прикосновения его больших ладоней. – Да и вообще, сейчас такие мужики пошли – какой порыв страсти? Не заснуть бы во время секса. Ни малейшего желания спину расцарапать. В лучшем случае – рот зашить.

- Ооо... - Тихон округлил глаза и рот, брови взметнулись к линии роста волос. – Да неужели в самом деле все так плохо? Вот беда-то... - А потом он отвернулся к окну – судя по всему, чтобы спрятать ехидную усмешку, и Варя получила возможность полюбоваться на его профиль. А затем уже на фас - но все тот же ехидный. Тин медленно и расчетливо провел большим пальцем по губам. – Нет, все-таки, сразу зашивать рот – это чересчур жестоко. Может, я еще проявлю себя? Вот чего ты сразу начинаешь...

Варя прыснула. А потом зацепилась взглядом за его палец – крупный квадратный ноготь, большая подушечка, прижимающая губы. А потом подняла взгляд к его глазам. И зазвенело между ними. Тонко и уверенно зазвенело.

- Тихон Аристархович, ты нашел место, где от меня прятаться!

Тин моргнул и резко повернул голову. Варе пришлось сделать то же самое. У их столика стоял... как его там... Славян. На плече которого висела модельного вида блондинка.

- Твою мать! – выдохнул раздраженно Тихон. – Приперся все-таки!

- Дай Бог здоровья моей матушке! – радостно отозвался Славян. – Какие люди! Доктор, - обернулся к Варя, ножкой шаркнул. - Я у вас пациента похитю... похищу... черт, все время забываю, как правильно! В общем, Тиныч, на два слова.

Тихон со вздохом встал.

- Варя, я тебя на пару минут оставляю. А то этот... - кивнул он в сторону вновь подошедшего, – не отстанет. Кстати, прошу любить и жаловать. Варвара, это Ростислав Ракитянский. Он же Славян, он же Ракета, он же Рося-Космонавт.

- Ой, Славик, ты такой разный... - пропела блондинка, а Варя поймала ее взгляд – расчетливый. И не на Славика направленный.

- Да, я такой, - самодовольно подтвердил Ракитянский.

- Почему «космонавт»? Работаете на «РосКосмос»? – Варя отчетливо чувствовала, что знает гораздо меньше, чем трое остальных участников диалога. И это ее стало резко раздражать – не знать чего-то Варвара не любила. При ее профессии это просто-напросто опасно и чревато. Словно подтверждая ее слова, троица расхохоталась.

- Потому что цены за свои услуги Ростислав Игоревич ломит космические, - в углу рта Тихона еще прятался смех. И в глазах.

- Боюсь даже спрашивать, какого характера эти услуги, - пробормотала Варя.

- А вы не бойтесь, Варенька, - жестом фокусника Ростислав достал из кармана кусочек ламинированного картона. – А обращайтесь, если что. Чем смогу, как говорится... А могу я много.

- Адвокат... - протянула Варя, разглядывая протянутую ей визитку.

- Адвокат дьявола, - хмыкнул Тин.

- Вот вечно ты, Тиныч, с этими своими словечками... - начал Ракета и осекся под взглядом Тихона.

- Пошли, - Тихий взял товарища за локоть.

- Тиша, а ты меня не представишь? – модельная блондинка как-то ненавязчиво перетекла с плеча Ростислава на плечо Тихона. Прижалась. На ней было короткое пепельно-розовое платье – трикотажное, обтягивающее, с кружевной каймой по низу. И обтягивало это платье крутые бедра, узкую талию и бюст размера этак навскидку четвертого. В общем, было там чем прижиматься. На фоне этой секс-бомбы Варя почувствовала себя чуть ли не монашкой – несмотря на вишневую помаду и вырез-каре. И еще это секс-бомбино протяжное, даже интимное какое-то «Тишааа» - просто взбесило. Не пойми с чего.

- А чего тебя представлять, - Тихий резко отстранился. – И так по тебе все видно. Пошли, Слава. И быстро. Покажи, какая ты ракета.

Варвара проводила взглядом две почти одинаковые мужские фигуры до самого бара, притаившегося в глубине общего зала. Смотрела, как оба мужчины облокотились о стойку, как к ним метнулся бармен, и как оба синхронно отрицательно покачали головами. Как Ростислав достал из кармана сложенный лист бумаги и о чем-то стал говорить, энергично жестикулируя. Как

сосредоточенно нахмурился Тихон. А потом спохватилась и отвернулась. И увидела, что блондинка уже устроилась за столом, напротив. На место, где сидел Тихон. Варя откинулась на стуле и сложила руки под грудью.

Смотри, Варвара Глебовна, смотри. Это вот твой типичный клиент, если воспоследует совету своего великомудрого братца Колика и ринешься в гостеприимные объятия пластической хирургии. Смотри. Примечай. Грудь – однозначно силикон. Губы – тоже. Блефаропластика – нет, пожалуй. А вот идеально очерченные скулы – явно заслуга хирургов. Сокурсница Вари работала как раз в клинике пластической хирургии, так что Варвара была в курсе модных трендов отрасли. Вспомнились рассказы Ларки о недавно освоенных их клиникой услугах - лабиопластике, кольпорафии и прочих чудесах современной интимной хирургии. Как любила говорить Лара: «В пластической хирургии вопрос «Сколько пальцев?» задают до операции, а не после». Вот сейчас у Вари так и чесался язык спросить - про «сколько пальцев».

- А меня Жанна зовут, - отвлекла Варю от ее, скажем прямо, странных мыслей блондинка.

- А меня не зовут. Ко мне сами приходят.

- Зачем приходят? – хлопнула густо накрашенными ресницами «Жанетта».

- За помощью.

- Ты, что ли, и правда, доктор? – блондинка еще и рот приоткрыла. Или он у нее закрывался плохо – из-за силикона. А что... удобно. Всегда наготове. Варя мысленно сделала себе выговор за злость. Правда, не очень успешно.

- Самый настоящий доктор, - кивнула. Попыталась улыбнуться и, заодно, усмирить норов. Вышло не слишком хорошо. – Я лечащий врач Тихона Аристарховича. Самойлова Варвара Глебовна, - невесть откуда вылез и показал себя во всей красе снисходительный, почти царственный кивок.

- Ух ты, - без особого удивления протянула ее собеседница. – Это по какому же профилю Тише помощь понадобилась?

«Тиша» снова Варвару взбесил. А только ведь уговорила себя не включать гордость и стерву. Какой профиль, спрашиваете? Сейчас придумаем.

Первая мысль была сказать - андролог. И побаловать Жанетку «денискиными рассказами» - байками от Дэна Батюшко, лучшего друга Вариного старшего брата и, по совместительству, первоклассного хирурга-уролога-андролога. Против этой версии было два соображения. Первое – сильное сомнение в том, что Жанетка знает слово «андролог». Второе – что блондинка совершенно точно в курсе о том, что в области мужской половой сферы у Тихого проблем нет. Четкое такое ощущение. Даже не ощущение – знание.

Версию про проктолога Варя тоже отмела, квалифицировав ее как «сортирный юмор». И ответила скромно и с достоинством.

- Я - психиатр.

Жанна рассмеялась, показав идеально ровные зубы.

- Зачем Тише психиатр?

- Я не обсуждаю своих пациентов с посторонними. Но вам намекну. Вижу, что Тихон Аристархович вам не чужой... - Варя доверительно наклонилась. – Я сомневаюсь пока насчет диагноза.... - судорожно вспоминая, что там рассказывал профессор Полонин на своих лекциях. – То ли шубовидная шизофрения, то ли мозаичная психопатия...

Блондинка замерла. Кажется, Варя подвесила систему. А в это время вернулись Тихий и Ракитянский.

- Гражданочка, уступите место инвалиду умственного труда, - Ростислав галантно подал Жанне руку. И та грациозно поднялась ему навстречу. Но смотрела на Тихона.

- Тиша... Что же ты не сказал, что теперь по рыжим прикалываешься? Намекнул бы – я б покрасилась. Ради тебя...

Тихон как-то дернул головой. Совершенно явно сжал губы.

- Жанна, конфетка моя, а пойдём, вдарим по коктейльчику? Сейчас нам Лещ сообразит что-нибудь вкусное, – рука Ракеты легла на плечи девушки, почти насильно развернула ее в сторону бара. И они ушли. И снова Варя проводила пару взглядом. Нет, так вертеть задом – это природный талант.

Варвара обернулась к столику. Тихон хмуро и задумчиво переставлял на столе тарелку – вправо, влево. Потом принялся перекаладывать местами вилку с ножом.

- Это твоя бывшая?

- У меня бывших не бывает. Настоящих тоже.

Вот так, значит? Ни бывших, ни настоящих. Ни будущих. Только сегодняшняя.

Варя подперла ладонью подбородок со щекой и в упор уставилась на Тихона. Что ты за человек, Тихий? Каждый раз - новый. Словно крутящийся волчок.оборот – и новое лицо. Пьяный хам с раскроенной челюстью, нагловатый балагур с букетами цветов, радушный хозяин ресторана, жесткий администратор успешного заведения, серьезный бизнесмен в процессе решения каких-то своих деловых вопросов, презрительно скидывающий со своего плеча роскошных блондинок циник. И обладатель больших горячих ладоней, широких плеч и насмешливых серых глаз. А волчок все вертится. И что будет на следующем обороте? Кого она увидит?

- Проблемы?

- Решаемо, - коротко отозвался он. – Десерт оформим? Кофе хочешь?

- Не хочу, - качнула головой Варя. – Голова разболелась.

Он помолчал. Еще раз поменял местами вилку и нож. Усмехнулся.

- Ну да. Голова болит. Это обязательно. И критические дни, наверное, да? Для полноты картины и точной гарантии.

Варя не сразу сообразила, к чему это было сказано. Опешила поначалу. А потом дотумкала. И натурально рассвирепела. Теперь к ней лицом повернулся циник. И на этом лице

читалась явная насмешка. Дескать, сколько уже можно ломаться? Не надоело еще? Устраиваешь тут детский сад с шитыми белыми нитками отговорками.

Варя выдохнула. Он ее провоцирует. Совершенно точно провоцирует. А даже если и так... Разгладила на коленях салфетку. *Ну, понеслось.*

- Если тебя так интересует фаза моего менструального цикла... - начала Варвара медленно. – Ну, а что, в самом деле, дело-то житейское, а мы люди взрослые. Мне это вообще как врачу понятно и привычно. Рада, что и ты лишен предрассудков. Так вот, возвращаясь к теме цикла. Сейчас у меня как раз овуляция. А во время овуляции у женщин возрастает либидо. Сечешь, к чему разговор идет, Тихий?

Тихий просек. Блеснули веселой сталью глаза. И тут же прищурились.

- Либидо? Это танец такой, да?

- Танец – это ламбада, Тихон Аристархович.

- Точно. А что тогда... А, ну да, - снова сверкнули на щеках обаятельные ямочки. – Я вспомнил. Что такое ли-би-до.

- Молодец. Не зря учебник по анатомии прочел. Ну, а раз ты такой сообразительный – угости девушку коньяком. Потому что голова, правда, ноет.

Из-за тебя, между прочим. Голову можно сто раз сломать, а тебя все равно не поймешь и не разгадаешь.

- Коньяком? Может, вина? – еще раз взлетели вверх брови.

- Тихий, не жадничай. Есть в твоём заведении хороший коньяк? Лет от десяти и старше.

- Ого... Чувствуются слова знатока, - дернул углом рта Тихон. Обернулся и сделал какой-то жест рукой в сторону бара. Черт его знает, как это у него это получилось - ведь не сказал ни слова, но через минуту на столе уже красовался пузатый бокал. Варя поднесла бокал к губам и покачала его – как учил дядя Дима Тихомиров. Пахнет. Правильно пахнет. И первый глоток – теплым шоколадом вниз.

- Ну как? – Тин внимательно наблюдал за ней. – Годится таблетка от головы?

- Годится, - кивнула Варя. – Сейчас допью. И поедем лечить остальное.

Неизвестно, кого эти слова удивили больше – ее или Тихона.

Огромный джип катил через темноту и неоны реклам. Катил явно не в сторону Вариного дома. Вот и хорошо. Вот и умница, Тихон Аристархович. Давай у тебя. От тебя потом сбежать проще – проще, чем выставить тебя из своей квартиры. Правда, может так случиться, что и сбежать не захочется. Но на всякий случай...

Варя посмотрела на Тихона. Он вел машину быстро – благо, истончившийся поток транспорта уже позволял это делать: ехать, а не тащиться по пробкам. Смотрел на дорогу, молчал,

думал... наверное, о чем-то своем. Или о том же, о чем она. Кто его знает? Да и о чем им сейчас говорить? Все и так понятно. Время разговоров прошло.

Коньяк приятно согрел и немножко, как раз в нужной степени, затуманил голову. Сделав все вокруг приятным и достойным если не любви, то хотя бы умиления. В общем, сейчас Варя была довольна всем. Обволакивающим ее запахом кожаного салона, мурлыканьем джаза, мужчиной за рулем. Ну а чем плох-то, в конце концов? Для здоровья – то, что нужно. Успешен, вполне презентабелен на вид. Щедрый опять же. В том смысле, что материальных выгод из знакомства с Тихим Варя не планировала извлекать, но скупость в мужчинах не уважала. А, еще плечи. Почему-то плечи. И рост. Тяжелый, наверное. Тяжеленький Тихий... И, наверное, совсем не тихий. Интересно, он стонет во время секса? Разговаривает? В животе стало разгораться тепло. Вот и посмотрим. Вот и проверим. Какой Тихон тяжелый и тихий в постели.

Машина затормозила на желтый перед большим перекрестком. Тихон вдруг повернул голову на ее взгляд. Пару секунд смотрел молча. А потом потянул в сторону галстук. Манерно помахал своей здоровенной ладонью перед лицом.

- Жарко что-то... Кондей включить, что ли?..

А Варя усмехнулась. Клоуничать вздумал? Уверен, что она уже никуда не денется?

- Тебе только от взгляда моего жарко, Тихий? А что же дальше будет?

Он слегка нахмурился, словно всерьез раздумывая над ее вопросом. А Варвара бросила взгляд на красные цифры на светофоре. Тридцать пять. Успеет.

Наклонилась и поцеловала. А чего время терять?

Шелковый у него язык. Шелковый. Гладкий, умелый. Охрененный. Нет, это коньяк в Варе застонал – не она сама. Именно из-за коньяка она совсем потеряла голову – от одного не очень-то долгого поцелуя. Опоил ее Тихий. Опоил. А потом оплел своим шелковым языком. И - все.

Пронзительно загудели, видимо, сзади. Варя вздрогнула, но Тихон не отпустил ее. Держал одной ладонью за шею, затылок. И продолжал целовать. Варе не видно было, как вторая его рука опустила стекло и показала в окно «фак». Сзади засигналили сильнее.

Тихон оторвался от нее. И Варя поспешно откинулась в спасительные объятия своего сиденья, ошарашенная и даже слегка отрезвленная - и своим поступком, и его последствиями. А еще - своей реакцией.

- Не, кондиционер тут не поможет, - Тихон облизнул губы. Сзади загудели совсем оглушительно. – Завидуй молча, придурок!

А потом машина резко тронулась с места. На светофоре уже давно горел зеленый.

Осмотреться Варе особенно не дали. Успела заметить, что дом – новостройка, но без претензий на элитность. В лифте Тихон любезно сообщил с легкой усмешкой, что запаса какао – пять сортов в наличии. Но до кухни с пятью сортами какао они так и не дошли. И квартиру Варя успела оглядеть лишь мельком – после того, как включился свет в прихожей. Кажется, двушка.

Очень скромно. Не в смысле бедно - аскетично. А так, вроде бы, недешевые обои, светильник, встроенный шкаф... И - все. В смысле, ее поцеловали, и на этом осмотр квартиры завершился.

Шелковый у него язык. Шелковый. И огромные твердые ладони уже привычно облапили. Как в первую встречу. Только теперь можно приподняться на носочки и прижаться. И черт с ним - спишем на коньяк – тихонько застонать. Потому шелковый же. Шел-ко-вый. Этим языком он слизал ее и так весьма условную девичью скромность.

Повела плечами, спуская на пол пальто. Дернула вверх его рубашку, вытаскивая из-под ремня. И ладонями под нее. Провести вверх под его довольный и шумный выдох.

- Где второй галстук, Тихон?

- Тут! – он потянул ее руку обратно вниз. Однако. Щедро одарила природа Тихона Тихого. Всесторонне щедро.

- Ты же говорил, что под рубашкой? – Варя еще не решила, что делать с врученным в ее руки сокровищем. Пока просто наслаждалась ощутимой увесистостью и твердостью под тонкой, слегка колючей шерстяной тканью.

- Ну, я же не мог тебе сразу с порога про штаны сказать, - хохотнул Тин, плотнее вжимаясь в ее ладонь.

- Какой воспитанный мальчик, - мурлыкнула Варя.

- Совсем не воспитанный, - ответно мурлыкнул он.

- Как-то плохо висит твой второй галстук, - Варвара так и не решалась пока шевельнуть пальцами.

- А он и не должен висеть, - Тихон сжал свою руку поверх ее. – Не отвлекайся. Действуй.

Вот тут она вдруг четко поняла, что у Тихого включилась определенная программа. Сценарий. Как все должно произойти. И в этом сценарии у нее определенная роль - что она сама должна будет сделать. И выбора у Вари особо нет. Соскочить с темы уже не получится. Не девочка ведь, знала, куда и зачем шла.

Варвара подавила запоздавшую панику. Отставить. Сама хотела для здоровья. Получай.

А потом ее снова поцеловали. Шелковым языком. И мужские пальцы сжались сильнее, подталкивая к действиям. Ну и ладно. *Понеслось.*

Он откатился от нее вбок, рухнул рядом. Туго спружинил матрас, слегка подбросил Варю. Раздался шумный выдох.

- Охренеть... Классно потрахались.

Не то слово как. Главное - проглотить первые двадцать матерных слов.

- И чего я раньше мимо рыжих проходил? Вот дурак я. Если бы я знал, что вы такие горячие...

Мы. Да. Мы. Нас - много.

Только любимый брат Коля доводил Варю до такого состояния, когда хотелось схватить, что под руку подвернется потяжелее, и огреть по башке. Со всей силы. Со всей дури.

И так стало тошно и душно. Душно невозможно, хотя лежит голая, и тело уже покрылось мурашками - от того, что другое тело, тяжелое и горячее, не прижимается больше. Но давит что-то, душит. Уходить надо, и чем скорее – тем лучше.

Варвара резко поднялась с кровати.

- За какао собралась? – с ленивым смешком спросил из темноты Тин. – Если ты пить, на мою долю из холодильника минералки захвати.

К черту какао!

- Нет, не пить, - нащупывая ногой на полу свои вещи. Ага, вот, кажется, бюстгальтер. Вишневый пуш-ап. *Дура. Идиотка.*

- Ааа... Ясно. Туалет - левая дверь.

- Спасибо, - натягивая белье. И хорошо, что в комнате темно, и деталей этого торопливого одевания не видно. А даже если бы было видно – уже плевать. – Мне в другую дверь.

- Варя... - Тихон сел на кровати. – Ты чего? Ты куда собралась?

- Домой.

- Зачем домой? - он сел ровнее. - Еще только первый период закончился. Только-только разогрелись, размялись. Сейчас повторим.

Охренеть как размялись.

- Мне завтра рано на работу, - протискивая руки в рукава платья. Черт, задом наперед! – У меня проверка завтра, дел куча. Надо выспаться.

- Завтра суббота.

- У меня бывают рабочие субботы, - черт с ними, с чулками. Останутся Тихому на память!

- Варя, чего не так? – Тихон откинул простынь, собираясь встать.

- Все так. Все отлично. Классно потрахались, - Варя наклонилась и невесомо коснулась его скулы губами. *Молодец, собралась!* – Не провожай, поймаю такси.

Дверь грохнула диссонансом к легкому поцелую. Тин откинулся на спинку кровати.

Что же ты такая сложная, рыжуха? Сложная, замороченная, капризная? Но сладкая... прямо очень сладкая. Такая сладкая, что он заснул без обезболивающего, несмотря на снова занывшее на дождь плечо.

Действие шестое. Героиня печет пирожки. Герой их ест.

Из авторской суфлерской будки смущенно: «Не, я понимаю, конечно, что в нормальном театре такого на сцене не показывают, но...» В ответ зрительный зал затихает, престаёт шелестеть веерами и шуршать конфетами.

Он протянул руку, не отрывая взгляда от ноутбука. Лишь в последний момент посмотрел на экран телефона. И замер.

Он никогда не звонил по этому номеру. И с этого номера ему тоже никогда раньше не звонили. И оказался этот номер в телефонной книге его мобильного после того, как бумажка, на которой номер был записан, перекечевала несколько раз из одной пары брюк в другую. Потом в нагрудный карман рубашки. Потом - в джинсы. А потом Тихон сдался и переписал этот номер с маленького кусочка бумаги в клетку, который почти насильно вручила ему мать, в телефон. Раз уж так и не собрался с духом выбросить. И теперь смотрел на цифры и четыре буквы на экране. *Отец.*

Я помню, что у тебя сегодня день рождения.

Я все помню.

Телефон все звонил и звонил. А молодой русоволосый мужчина за рабочим столом, заваленным бумагами, все смотрел на звонящий телефон и никак не мог решиться. Но потом все же двинул пальцем по сенсорному экрану. То ли потому, что палец дрожал, то ли по иной причине, но сенсор не сработал. А телефон перестал звонить.

Тихон какое-то время еще смотрел на фаблет в своей руке. Словно гипнотизируя. Чтобы тот снова зазвонил. А потом резко отложил телефон в сторону и уткнулся в монитор. Сам перезванивать не будет. Больно надо.

А на расстоянии в сотню с небольшим километров в подмосковной и патриархальной Коломне немолодой седой мужчина смотрел на свою простенькую нокию. Надо набрать еще раз. Может, не слышал. Может, за рулем. Да мало ли что. Но так и не смог нажать на кнопку вызова.

Трусость – не грех. Но постыдная слабость, для мужчины в особенности. А сейчас Аристарх Тихий именно струсил. Что сказать, если там, на том конце, все-таки возьмут трубку?

Нет, он знал, что сказать. Точно знал. Но как же трудно эти слова произнести.

Прости меня, сын.

Неделя пролетела как один день. И вот снова суббота. А неделю назад, предыдущим субботним утром, Варя убрала под тканевый чехол вишневое платье, задвинула подальше в шкаф лаковые лодочки. Все задвинула подальше. И после этого у Варвары словно завод какой-то включился, как в механической игрушке. Не сидела на месте ни секунды. Все выходные промоталась по гостям: родители, брат, подруга. А потом – понедельник, работа. Джинсы, свитер, на смену кроссовкам пришли теплые ботинки, на смену куртке – пуховик. В Москве резко похолодало, и выпал первый снег. И хорошо. Белый снег прикрыл мокрую грязь. Можно

перевернуть страницу и начать снова. И не выискивать взглядом каждый раз, выходя из подъезда дома или дверей травмпункта, знакомый черный джип.

Неделя прошла в рабочих хлопотах, которые Варя по возможности сама себе еще и дополнительно обеспечивала. Начала формировать папку с материалами для квалификационной работы. Один раз очень душевно и продуктивно посидела с Данькой за очередными плюшками от хозяйственной Леськи. Вот чего никак не могла понять: как при такой домовитой жене Данила оставался неприлично тощим. Нет, версию про паразитов Варя регулярно выслушивала, когда вслух завидовала Данькиному метаболизму. А несправедливо все-таки. Кому-то и одна плюшка сразу на бедрах или попе оседает. А кому-то тазик пирожков – не в коня корм.

Вот в том числе и об этом думала Варвара, бродя с утра между полок гипермаркет. Продуктовый сектор – капитально, чтобы на неделю. Хозяйственный – давно собиралась поменять шторку в ванной. Бытовой химии и косметики – прокладки кончились, а скоро понадобятся. И вот эту маску для волос.

Пакеты из машины пришлось тащить домой в два захода. А потом Варя уборку затеяла – на неделе получается редко, а приятно все же, когда дома чисто. Тем более, чего там убирать – в ее скромной однушке? Но свою квартиру Варя любила – потому что именно своя. И потому что все там сделано и устроено так, как хочется и удобно ей. И пусть старший брат сколько угодно прикалывается над Вариной коллекцией мягких игрушек, а вот начнут племянницу в гости привозить – будет чем поиграть девочке!

После уборки поставила тесто – опарное, дрожжевое, как бабушка научила. И начинку для пирогов. Надо оказать Даньке ответную любезность. А пока подходит тесто, можно отправиться в ванную, понежиться за новой, в фиолетовые корабли и дельфины, шторкой и опробовать купленную маску для волос.

Чем Варя думала, когда устанавливала в комнате шкаф с зеркальной дверцей, непонятно. Но пройти мимо него теперь никогда не могла. Вот и сейчас сбросила полотенце, протянула руку, чтобы открыть шкаф, достать свежее белье. И замерла. Разглядывая себя голую. Что с ней не так?

Комплексов у Вари по поводу своей наружности отродясь не водилось. Имея такой яркий акцент во внешности, как копна рыже-золотых кудрей, о многих вещах можно не сокрушаться. Ну нет у нее длинных модельных ног. Зато грудь вполне: и размер, и форма. И талия тонкая – правда, на ее фоне бедра казались шире, чем Варе бы хотелось. Но тут уж конституция такая. Типичный гинекоид. Варя вспомнила, как лет в восемнадцать пыталась брата – хороша ли? И какая у нее фигура с точки зрения мужчины? На что Колька ответил лаконично: «Нормальная. Фертильная». За что в очередной раз выслушал о себе много интересного. Фертильная! За эту «фертильную» она его чуть не прибила. Тогда, в восемнадцать, ей хотелось услышать что-то другое. Хотя даже тогда, в восемнадцать, она не страдала от отсутствия внимания к своей персоне. Сестра легендарного рыжего капитана сборной меда по волейболу, дочь одного из ведущих травматологов города, староста группы, умница-красавица-заводила и прочее.

Сейчас, спустя почти десять лет – многое изменилось, и не только у нее. Половина группы уже завели семьи. Кто-то даже развестись успел. Варя и сама чуть замуж не вышла, но вовремя спохватилась.

Иногда они встречаются группой, но все реже и реже. У всех дела, постоянную связь Варя поддерживает только с Ларкой Есиной, такой же неугомонной, как и Варя в студенческие годы. Но сама Варвара изменилась. Во многом. Она другая. И сейчас ей уже не нужна оценка своих внешних данных слонопотамистым братом. Себе цену знает. И свои достоинства. Хорошая у нее фигура. Женственная. И лицо интересное. И вообще... А что тогда не так?

Варя спохватилась. Стоит тут нагишом и о всякой чуши думает. Решительно открыла дверь. Удобные бесшовные трусики, от которых не остается некрасивых следов. Лифчик надевать не стала. Футболка, серые спортивные штаны; убрать волосы в хвост. А маска для волос хорошая оказалась – локон к локону и блестят. Так, ладно, хватит собой любоваться. Ее ждет тесто.

Тесто подошло прямо как по заказу. Варя поставила на столешницу миску с начинкой – вишня с сахаром, уже подогретая и доведенная до кондиции. С вишней будут пироги – Колькины любимые. И не только... Колькины.

Варя присела на табурет, поставила локти на стол рядом с белой фаянсовой миской полной вишневой сладкой массы. И тут завод в игрушке кончился. А Варя заплакала. Сначала потихоньку. А потом... Эх, раз уже все равно надо прореветься – так чего стесняться? И Варя зарыдала всерьез. Чтобы уж за один раз всю обиду выплакать. Больше поплачешь – меньше пописаешь, как в таких случаях приговаривал отец.

И вот из-за чего, казалось бы? Что случилось? Ведь ничего. Вот именно – ничего. Накопилось, просто, наверное.

И ведь умом понимала, ради чего все. Что все пути ведут к постели. Ну так уж бабы-дуры устроены. Что верят. Не хотят, а верят. И она самую капельку поверила. Во все эти красивые ухаживания, в задушевные разговоры, во взгляды с восхищением. И даже наглым рукам поверила. Потому что какого-то хрена придумала себе, что это только для нее все, исключительно и эксклюзивно для нее – машины-рестораны-комплименты. А схема-то отработана до автоматизма.

Варя шмыгнула носом. Соленая капля упала в миску со сладкой вишней. Надо быть с собой честной. Не для нее это. Не умеет для здоровья. Просто для здоровья. Потому что если только для здоровья, то все в ее руках было. Можно было раскрутить Тихого в постели на все, что угодно. Ей вообще, если трезво вдуматься, повезло еще. Что она о нем знает? Что он может пьяным в драку ввязаться? Что у него три ресторана? Данных маловато для того, чтобы после третьего свидания лечь в постель и не выхватить по неосторожности. Так можно было и на сюрпризы напороться. Он вполне мог быть в постели грубым. Мог оказаться любителем «в попку». Или «в ротик». Или поиметь ее без резинки, а это по нынешним временам вообще чревато до чрезвычайности. Все могло быть – ведь она его так мало знает. Но нет, все получилось довольно консервативно. И даже не то, чтобы сильно плохо, неумело или быстро. Просто у самой Вари в какой-то момент резко вырубил это вот самое ли-би-до. В какой-то момент просто взяло – и вырубил. Наверное, когда Варя осознала, что у нее есть какой-то, скорее всего двухзначный, порядковый номер. Запоздало осознала. И после этого уже о каком кайфе от секса можно говорить? Если ты зажата. И думаешь совсем не о партнере, не о том, что между вами происходит, а о чем-то другом. И все прикосновения, поцелуи и все остальное – просто мимо. Мимо тебя. Потому что без либидо человек в постели приравнивается к бревну.

Варя протянула руку и оторвала кусок бумажного полотенца. Шумно высморкалась. Теперь нос и глаза полдня будут красные – с ее белой кожей плакать очень накладно. Ладно, шут с ним, с Тихим и их неудавшимся сексом. Выводы сделаны, страница перевернута, обида выплакана. Теперь делом надо заняться, а то тесто перестоит. Варвара резко открыла ящик и достала скалку.

Пикнул таймер на духовке, и Варя оторвалась от книги. В свое время смеялась над братом и его страстью читать профлитературу и ничего кроме нее. А теперь вот сама умыкнула у отца в прошлые выходные практическое пособие по ургентной травматологии и увлеклась им не на шутку. Интересно. И никакого силикона с ботоксом нет и в помине.

Варя осторожно открыла духовку. Аромат, до этого воровато сочившийся, поплыл по кухне полноправным хозяином. Варвара довольно улыбнулась. Удались пироги! Сегодня они, конечно, вкуснее всего – с пылу, с жару, только что из духовки. Но и завтра будут тоже ничего. И в понедельник. Или позвонить Коле и позвать их с Любой на пироги? Словно в ответ на ее мысли тренькнул дверной звонок.

Варя поднялась с табурета. Вряд ли это Коля – предупредил бы. Наверное, соседская девчушка, десятилетняя Катерина, на запах пожаловала. И медведей Вариных потискать. Варя улыбнулась и пошла открывать дверь. Здорово, что нашелся дегустатор на пироги. Сейчас они самые вкусные.

За дверью оказалась не Катя. И даже не Колька. Тихон Тихий – собственной персоной.

- ЗдорОво, - он шагнул через порог. И Варя так опешила, что отступила назад. Вместо того чтобы захлопнуть дверь перед носом. А еще лучше – и нос прищемить.

- Ревела? – он оглядел ее – припухший розовый нос и покрасневшие глаза. – Из-за меня?

- Тихий! – и больше слов не нашлось. Потому что какого хрена явился?! Потому что откуда узнал?!

- Угу. Я, - и, как ни в чем не бывало, принялся разуваться.

- А ну стой! Тебя сюда не звали!

- Не звали, да. Я сам. Самостоятельный. Слушай... - он смешно наморщил нос и принюхался. – А чем это пахнет? Никак, пирогами?

- Ничем не пахнет! – рявкнула Варя. – Обувайся и проваливай!

- Нет, ну как это я уйду, если я еще чаю с пирогами не пил? – он обошел ее и заглянул за угол, на кухню. Присвистнул. – Говорю же – пироги! Варвара, где руки можно помыть?

- В унитазе! И пить оттуда же!

- У тебя, наверное, этот... - Тихон безошибочно открыл дверь ванной и закончил свою мысль уже оттуда. – Синдром...

- Какой, к черту, синдром?!

- Ну этот... который противоположен ли-би-до. И о-ву-ля-ци-и.

Варя забыла закрыть рот, стоя в дверях ванной. Как легко он произносит эти слова. Запомнил? Знал? Да какая, в пень, разница?!

- Тихий, какого черта ты приперся?!

- Соскучился, - он аккуратно вытер руки, причем именно полотенцем для рук.

- Так соскучился, что неделю не появлялся?! – ооой... *Господи, выключи во мне эту брошенную идиотку-истеричку!*

- Меня Рося в рабство забрал, - неожиданно хмуро и словно оправдываясь ответил Тихон. – Всю неделю мотался с ним как проклятый по казенным местам. Землю в собственность оформляли, бумажки всякие, то-се, пятое-десятое. Да потом еще... - и вдруг спохватился. - А ты по мне тоже скучала?

- Нет!

- Угу. Я так и понял. Пошли пироги есть, - и протопал мимо нее на кухню. Что Варя оставалось делать? Пошла за ним.

На кухне Тин моментально сделал несколько вещей. Проинспектировал чайник и, убедившись, что вода в нем есть в достаточном количестве, щелкнул кнопкой. Добыл себе кружку – Варину любимую, между прочим! Пристроил в кружку пакетик чая, а после этого, приготовив себе все для чаепития, под шум закипающего чайника, ухватил с противня пирожок. Зашипел, но из рук горячую выпечку не выпустил – принялся дуть и перекидывать с ладони на ладонь.

- С вишней?

Нет, наглость не вперед Тихона родилась. Она вместо него родилась!

Тин, не дождавшись ответа, еще раз хорошо подул на пирожок и откусил.

- Вишня! Горячшшо. Вкушно! - и, дожевав, проглотил. Тут же налил кипятка в кружку – не вставая с табуретки. И добавил: – Только тесто плотновато. Дрожжи, может, несвежие? Или перестояло?

Желание схватить противень с горячими пирожками и огреть им Тихого со всей силой по голове было таки острым, что Варя зажмурилась. Сидит, сволочь, как ни в чем не бывало. На ее кухне. И трескает пирожки – словно ему их пекли! Только уважение к собственному труду удержало Варю от этого поступка. И то, что противень еще горячий.

- Тихий, я повторяю свой вопрос. Медленно. По слогам. Ка-ко-го хре-на ты при-пер-ся?

Тихон стащил еще один пирог из приоткрытой духовки. Подул в кружку и отхлебнул чая.

- А давай лучше я вопрос задам? Встречный. Что в прошлый раз было не так, и какая муха тебя укусила?

Тихий сам не понял, что поднес спичку к тому, что пока только тлело. А теперь ярость взметнулась столпом бушующего пламени. Но наружу прорвалась вкрадчивым медоточивым голосом.

- Что нет так? Да все так. Все было просто прекрасно. Классно потрахались.

Только после того, как эти слова сорвались с ее губ, Варя поняла. Как они ее задели. Сидели ядовитой занозой всю неделю. А теперь вот выплюнула их. С наслаждением. Мед отравлен.

Тихон прикончил половину пирожка и едва слышно фыркнул.

- Да как же. Если бы все было прекрасно, то сейчас мы бы именно этим и занимались. Классно трахались. Голые. В спальне. А мы сидим на кухне, и ты меня спрашиваешь, чего я приперся. Что-то явно пошло не так.

Вот же, блин, гений дедукции! *Да, не так. ВСЕ не так! Но скажу я тебе то, что ты в состоянии понять. А лишнее тебе знать не надо.* Варя взяла со столешницы полотенце с петухами и принялась медленно скручивать его жгутом в руках – чтобы изгнать из головы видеоряд «классно трахались - голые - в спальне».

- Скажи мне, Тихий, зачем люди занимаются сексом?

- Это тест на внимательность? На интеллект? Или просто вопрос с подвохом?

- Отвечай.

- Потому что это приятно! – слегка раздраженно ответил Тин и снова принялся за пирог. Его раздражение принесло Варваре практически физическое наслаждение. *Так тебе и надо.*

- Приятно, значит... А как это «приятно» называется с точки зрения физиологии?

- Понятия не имею! – Тихон уже натурально рыкнул. Не понимает, к чему разговор. Злится. Классно! – Я же медакадемию не кончал, в физиологии не силен.

- Ну что ты на себя наговариваешь, Тихон Аристархович, - мурлыкнула Варя и безотчетно принялась наматывать полотенце на руку. Словно повязку. – Ты правильное слово употребил. «Приятно» с точки зрения физиологии называется словом «оргазм». Или, иначе говоря, человек кон-ча-ет.

Тихон отодвинул в сторону кружку и подпер кулаком щеку.

- Очень интересная лекция, профессор.

Достал. Варя шумно выдохнула.

- Тихий, ты кончил?

- Пока нет.

- Я про прошлый раз! - Варя снова метнула взгляд в сторону противня. Руки так и чесались.

- Ааа... Про прошлый... Да. Говорю же - классно потрахались. Прямо очень. Я бы повторил.

- Вот чувствую, что я сейчас открою тебе Америку, Тихий... И заодно расскажу, что Земля – круглая.

- А вода – мокрая...

Варя сжала кулаки так, что даже ее короткие ногти больно врезались в ладони. Упырь! Натуральный упырь! Хам! Бревно! Взгляд Варвары упал на лежащую на разделочном столе скалку. И руки сами потянулись, отшвырнув в сторону полотенце.

- По башке только не бей, - Тихон опасно покосился на кухонную утварь в ее руках.

- Ты в нее ешь?

- И это тоже.

Нет, с ним положительно невозможно ругаться. Или – очень сложно. Но Варя попробует! Хлопнула скалкой по ладони. Раз, другой. Тихий внимательно следил за ее руками. Но пирог из своей ладони не выпускал.

- Сексом люди занимаются вдвоем. И, соответственно, удовольствие в виде оргазма должны получать оба. А когда только один получает удовольствие, это не секс, Тихий. Это называется «мастурбация». Мне как-то не в кайф присутствовать при том, как ты с помощью меня дро*ишь.

- Чего?! – Тихий не донес до рта остаток пирожка.

- Ты - кончил. Я – нет!

Взгляд у Тихона стал совершенно ошарашенный. Он положил на стол недоеденный пирог.

- То есть... Вот этот весь сыр-бор... все эти обидки и хлопанье дверями... из-за того, что ты не кончила?

Твою же мааать... Варя чуть не застонала вслух. Какой же идиоткой она себя выставила! Идиоткой, истеричкой и до кучи нимфоманкой! Но сказать о своем разочаровании другого, главного характера - не могла. Ведь и себе она в нем с большой неохотой признавалась. А теперь... теперь выхода нет, кроме как реализовывать принцип: «Лучший вид защиты – это нападение».

- Сыр-бор, как вы изволили выразиться, Тихон Аристархович, из-за того, что в постели вы полное ничтожество. Как любовник ты, Тихий – ноль без палочки. Пустое место. Поэтому ты мне больше не интересен. Доедай и уходи.

Сказала и самой себе противна стала. Мало ли что он это заслужил. Мало ли! Самой нельзя опускаться до такого уровня склок и оскорблений. Стыдно.

Тихон посмотрел куда-то вбок. Потер висок. Протянул руку и сцапал еще один пирог. Надкусил и задумчиво прожевал.

- Не. Все нормально с тестом. Показалось мне, что перестояло.

После этого внезапно проснувшееся душевное благородство куда-то делось, а Варя резко отвернулась к окну. Потому что смотреть на Тихого не было никакой возможности. Руки зудят,

скалка так и манит. А до рукоприкладства опускаться – это уже совсем стыд. Особенно для хирурга. Самой же потом придется первую помощь оказывать. И не факт, между прочим, что Тихий сдачи не даст. Это благородные рыцари на девушек рук не поднимают. Насчет Тина и наличия у него рыцарского кодекса у Варвары имелись сильные сомнения.

Варя едва слышно вздохнула. За окном стояла соответствующая настроению хмарь. За спиной... А за спиной сначала было тихо. А потом послышалась шумное прихлебывание – чуть ли не с бульканьем. Сейчас еще и чавкать начнет. Клоун! Варя прижалась лбом к стеклу и зажмурилась. А еще хотелось уши зажать. И представить, что его нет. И она на кухне одна.

- Варь... - она вжалась сильнее в стекло. – Вааарь... Варвара!

- Что? – надо дотерпеть. Надо.

- А тебе вообще что-нибудь во мне нравится?

Варя обернулась. Сумел-таки... удивить. Снова.

- В каком смысле? – только тут сообразила, что скалка все еще в руках. Положила со стуком обратно на стол.

- В прямом смысле, - Тин невозмутимо отхлебнул чая. - Должно же тебе что-то во мне нравится.

- С чего бы это?! – фыркнула Варвара.

- Да потому что ты умная девушка, Варвара Глебовна. Очень умная. А с чего умной красивой девушке встречаться целых три... Три! – он поднял указательный палец. – Трижды встречаться с мужчиной, который ей совсем ничем не симпатичен? На прирожденную страдальницу и любительницу хождения по граблям ты не похожа. Меркантильный фактор я тоже исключаю. Значит, что-то есть. Хотя бы что-то одно. Что тебе во мне нравится. Что это, Варь?

И тут Варя с удивлением осознала, что злость куда-то исчезла. Совсем. То ли Варя опять на комплименты повелась – умной же назвал. Красивой. И еще пару завуалированных приятностей сказал. А, может, оценила то, как он отреагировала на прямое оскорбление. Ведь ударила в больное – в нежное эго самца. И что? Может, и не поверил. Может, это эго у него космическое и бронейное. Но все равно реакция вызывала уважение. Не вспылал, не психанул, не оскорбился. Вместо этого вывернул разговор так, что теперь ей придется отвешивать комплимент ему. Без вариантов.

Варя поняла, что еще чуть-чуть – и улыбнется. А еще поняла, что среди многочисленных лиц на крутящемся волчке есть тип с офигенными мозгами – расчетливый стратег и великий комбинатор. Пожалуй, по этому показателю Тин обскочит всех Вариных знакомых. Ох, Тихий, какой же ты Тихий...

- У меня красивый профиль? Я хорошо вожу машину? Тебе нравится мой смех? Что, Варя, что?

- Ты хорошо целуешься, - с изумлением услышала Варя собственный голос.

- Вооот! – Тихон хлопнул ладонью по столу. – Я был уверен, что что-то есть!

А после этого он встал и шагнул к ней. И Варя мгновенно поняла, что сейчас будет. И что она сама себя загнала в ловушку. Подставилась. Просто и по-крупному подставилась.

- Нет, Тихон, нет! Ты не так меня понял! – даже руки перед собой выставила. С таким же успехом можно было пытаться с помощью листа ватмана остановить бульдозер.

- Ты же сама сказала, что тебе нравится со мной целоваться, - он сграбастал ее. В два шага вернулся на место, плюхнулся на табурет с Варей на коленях. – Вот и будем целоваться. Только целоваться – обещаю. Должен же я тебя отблагодарить за пироги.

И в следующую секунду уже раздвигал ей губы кончиком языка. Своего шелкового языка. И губы пахнут вишней. Варя даже не стала пытаться. И сдалась сразу. Он ведь и в самом деле отлично целуется.

И они целовались. И целовались. И целовались. И только целовались. И он ее даже не лапал – лишь пальцы в волосах мягко массируют затылок. И другая рука на поясице, поверх футболки даже – и недвижно. И эта его неожиданная сдержанность почему-то так кружила голову. Вместе с шелковым языком и вкусом вишни на его губах.

А потом вдруг случились сразу несколько вещей. Что-то затрещало, Тин ойкнул и, оторвавшись от ее губ, резко поднялся на ноги – прямо с Варей на руках. Ей пришлось обхватить его ногами за бедра, чтобы не упасть. Тихон уткнулся носом ей в шею.

- Варька, ну что ж у тебя такая мебель хлипкая? Чуть табуретка под нами не развалилась!

Варя хихикнула, представив, чем это могла закончиться.

- У тебя есть в доме сооружения пофундаментальней?

Она лишь на секунду задумалась.

- Диван. В комнате. Но мы будем на нем только целоваться!

- Да ясное дело.

И на диване они тоже целовались. Долго. Жарко. Так жарко, что Варя, оторвавшись от вишневых губ, стащила с их обладателя серый трикотажный джемпер. И залюбовалась: широченные плечи, рельеф грудных мышц, ниже ключиц – короткая, но густая темная поросль. Есть на что посмотреть!

- А ты? – выдохнул Тин. У него совершенно поплывшие глаза. Пьяный серый бархат. И припухшие губы. Если бы она увидела его таким в прошлый раз... как знать...

- Ты мне за пироги должен! – Варины пальцы пробежались по его плечам. – Так что сиди и расплачивайся телом теперь!

- И поцелуями? – спросил он прямо ей в губы.

- И поцелуями! – упиваясь так близко его прерывистым дыханием и пьяными глазами. – Мой дом – мои правила. А ты обещал только целоваться!

- Я слово свое всегда держу... - он пока не целовал, но, когда говорил – губы соприкасались. И вдруг, без предупреждения, его ладонь нырнула под резинку спортивных штанов. И под резинку трусов заодно. И прямо... прямо... Варя захлебнулась вдохом. – Это... - Тин прижался совсем губы в губы. – Тоже считается поцелуем.

Это было утверждение – на словах. Но в затуманенных серых глазах все же читался вопрос. На который Варя ответила едва заметным кивком. И он двинул ладонью дальше. Ниже. Глубже.

Либи́до взбунтовалось. Мгновенно и внезапно вышло из-под контроля. Против взбунтовавшегося либи́до и горячих рук Тихона у нее шансов не было. А еще шелковый язык и пахнущие вишней губы. Без шансов. Варя сдалась. Она хочет оргазм от этого мужчины. Не самодельный в ванной, а от него. От его рук, его губ. Он вызвался сам. Если что, она поможет. Подскажет. Довести девушку до оргазма в первый раз, вот так, пальцами – не так-то просто. Не сложно, но нужны подход и терпение. Ничего, Варя ему подскажет: где надо сначала, а где – потом. Как и где. И у Тихона получится. Должно получиться, потому что...

Он просто положил твердую подушечку указательного... кажется, указательного... или большого... прямо в самый центр. Слегка надавил. И начал ритмично двигать им. Просто двигать. В самой серединке. Ритмично.

Варя рухнула лицом ему в плечо. Задохнулась полыхнувшим по всему телу жаром. *Только... только ничего не меняй. Не быстрее. Не медленнее. И ни на миллиметр не сдвигай!*

Это была агония. Сладкая агония. Французы называют оргазм маленькой смертью. И сейчас Варя казалось, что она уже не живет. Умирает. Что все в ее организме подчинилось одной только цели – разорвать каменное напряжение, сцементировавшее все тело ниже пупка. И неужели это ей принадлежит тихий жалобный всхлип? Протяжный, почти поскуливание. Тихон повернул голову и шепнул:

- Мы же только целуемся...

И поцеловал.

Его голос царапнул хрипотцой. На пальце царапнул... заусенец? Царапнул раз, другой. А потом горячая тяжесть внизу живота мгновенно и бесконечно взорвалась оргазмом. И Варя закричала... или застонала... но что-то громкое... Наверное, даже у соседей слышно... Только все равно свой голос – словно сквозь вату. И обмякла бы, если б не его пальцы. Он ими двинул. Как только почувствовал. Еще дальше, еще глубже. И оказался внутри, в плену ритмично сжимающегося кольца интимных мышц. И внутри стало не пусто. Внутри был он. Два. Или три? Какая разница?! И тут Варю накрыло второй волной, после которой она могла уже только шумно дышать ему в шею. И смотреть широко раскрытыми глазами в обивку дивана. В первый раз с ней такое. Первый оргазм с мужчиной. Охренеть как это. И ведь это только пальцы. О-хре-нетъ.

В себя она приходила медленно. И делать этого не хотелось. А хотелось – лежать на его плече щекой, и все. Но оставшуюся жизнь так не проведешь, верно ведь? И надо возвращаться в реальный мир. И как-то объяснить себе, почему она так стонала, что наверняка ознакомила с подробностями своей интимной жизни соседей. И почему его пальцы все еще внутри нее. И что вообще теперь с ним делать – после вот ЭТОГО?

Тихон чуть шевельнул пальцами. Дождался, когда она вздрогнет. И шепнул на ухо.

- По-моему, здорово размялись? И разогрелись? Все мышцы... - он слегка еще погладил ее там, внутри. – Разогретые. Мягкие. Пластичные.

Надо перехватывать инициативу. Иначе она окончательно и позорно поплывет. И Варя легко прикусила его за шею ниже уха. Дождалась, когда он вздрогнет.

- Что-то мне подсказывает, что у тебя не все части тела сейчас мягкие.

- Факт, - вздохнул Тихон и слегка поерзал под Варей.

Она в одно движение освободилась от его пальцев. И резко встала на ноги. Чуть-чуть качнулась от легкого головокружения.

- Давай разберем диван. И продолжим.

- Нет.

Варя оторопела. Что значит – нет? Не хочет? Да быть этого не может!

- Диван – это все равно что постель. А в постели я полное ничтожество. Не пойду в постель.

Варя не смогла определить, что пришло раньше: неловкость за те свои слова или смех. Надо же. Обиделся. Злопамятный. Или просто памятный?

- Ну, не пойдешь – так не пойдешь. Тогда марш на пол. Буду учить тебя вести правильную половую жизнь.

Тин усмехнулся.

- Сними сначала с себя что-нибудь. И я подумаю.

- Как скажешь, - мурлыкнула Варя. Повернулась спиной. Дернула резинку с волос, отпуская рыжую волну на волю. Стянула футболку, отбросила в сторону. И обернулась через плечо. И улыбнулась довольно. Ох, какой это был взгляд. Такой взгляд, от которого она непроизвольно прогнулась в пояснице и тряхнула волосами. Могла себе представить, как хороша сейчас. Водопад золотистых кудрей по спине. Узкая талия. И крутой изгиб бедра, который подчеркивает резинка серых штанов.

- Остальное... - хрипло выдохнул Тихон.

Варя победно усмехнулась. Опустила руки и медленно потянула штаны вниз, помогая себе ступнями. А затем отшвырнула брюки в другую сторону.

- Симпатичные трусишки, - Тин пристально разглядывал названный предмет дамского туалета.

- Свои давай показывай!

Тихон, не отрывая от нее взгляда, приподнял бедра. Сквозь зубы что-то нелестное рыкнул по поводу застегки. Но все-таки стянул джинсы с бедер, а потом дело пошло быстрее, и он спустил штаны на пол.

- Это... лягушки? – неуверенно спросила Варя, разглядывая зеленые фигурки на фиолетовом поле коротких боксеров, обтягивающих мощные бедра... И кое-что еще. Тоже мощное. – Миленькие.

- Это динозавры!

- Да ладно? А похожи на лягух...

- Сама смотри!

Секунда – и фиолетовые боксеры с зелеными то ли лягушками, то ли динозаврами уже покинули свое законное место, а их владелец широким щедрым жестом швырнул их Варе. Не рассчитал. Две головы запрокинулись назад, наблюдая фиолетово-зеленое пятно, качающееся на люстре.

- Вот красные трусы на люстре... - задумчиво протянула Варя. – Это к деньгам. А лягушки на люстре – это к белой горячке, видимо...

- Шутница... - Тихон уже был на ногах, рядом, уже гладил по спине и тянул вниз простые бежевые слипы. И они тоже полетели куда-то в сторону.

- На пол, Тихон Аристархович! - Варя вывернулась из его рук. - Сейчас я над тобой прямо на полу грязно надругаюсь.

- Как звучит-то угрожающе... - Тин отступил и послушно устроился на полу, закинул руки за голову. – К надругательству готов. Зубы сцепил. – Вдохнул. - Да поможет мне Бог.

Варвара, уперев руки в бедра, разглядывала его. Он, лежа на полу, точно так же пристально смотрел на нее.

Вот в прошлый раз все было, как положено. В темноте и на кровати. И было в этой постели и темноте Варе в прошлый раз невозможно тошно и душно. А сейчас – среди бела дня. Тин, голый, лежит на полу. Она, голая, стоит перед ним. Как ненормальные! Но именно сейчас Варе хорошо. Жарко под его взглядом. И легко. Так легко, что, кажется, притопни ногой посильнее – и взлетит. Как булгаковская Маргарита.

- Вааарь... - отвлек ее от размышлений хриплый голос Тихона.

- Чего тебе, мальчик?

- А ты... везде рыжая?

И тут она вспыхнула лицом, несмотря на их взаимную бесстыдную наготу. Потому что поняла вопрос. И заметила, куда он смотрит.

Подавила желание прикрыться. Вздернула подбородок.

- Везде!

- Жаль... жаль, что не могу в этом убедиться. И приходится верить на слово.

Конечно, не мог. В целях гигиены растительность в интимной зоне была выбрита подчистую.

- Ничего. Ты же теперь переключился на рыжих. Вот у других рыжих посмотришь.

Ох... Не только Тихон злопамятный. Она тоже.

- Не хочу у других. Иди сюда, Варя.

И она пошла.

Устроилась верхом, нагнулась, укрыв их обоих занавесом рыжих волос от всего окружающего. Вздрыгнула от того, как коснулись соски коротких волос на его груди. И шепнула.

- Мы только целуемся, Тихий, ты помнишь?

- А что это ты, Варенька, в такой интимной обстановке – и по фамилии меня? По имени противно?

Кольнула неловкость.

- Не ворчи... - и, словно пробуя на вкус. – Тиша...

- Еще, - ответно шепнул он. – Еще раз так скажи. Назови.

- Не ворчи, Тиша.

- Не буду. Целуй давай. А то ты только обещаешь.

И она поцеловала. Всего его: лицо с разлетом темно-русых бровей, скулами, под которыми обычно прятались обаятельные ямочки, немножко шершавым подбородком, а потом по шее, к ключицам и плечам. Замерла, прижавшись губами к рубцу на левом плече. А думала - ей показалось...

- Бандитская пуля? - Варя казалось, что она шутит. Но вопрос прозвучал как-то неправильно серьезно.

- Фурункул.

Варвара не поверила. Таких шрамов даже от карбункулов с тремя стержнями не будет – разве только если к мяснику вместо хирурга попасть. Но сейчас не время выяснять подробности. И ее губы двинулись дальше.

- Тиша, презерватив где? – выдохнула она спустя несколько секунд. Жарко. Как же жарко.

- В джинсах, - еще более шумно выдохнул он.

Подготовился. Хотя его предусмотрительность и здравомыслие Варя все же оценила. Нет, у нее такие изделия тоже дома где-то были. Точно где-то были. Но где и какого срока годности – это уже вопрос.

Искомый пакетик в кармане валяющихся неподалеку джинсов нашелся. Варя переворачивала его в руках и смотрела, наклонив голову, на лежащего под ней мужчину. Нет, не смотрела. Любовалась. Всем. Плечами. Животом. Пахом. Там было чем любоваться.

А вот Тин эту паузу интерпретировал по-своему. И вдруг притянул ее за талию к себе. На себя.

- Варя...

У него был такой странный тон, что Варвара повернула голову, чтобы посмотреть Тихону в лицо. Такого выражения на волчке еще не было. Смущение? Неловкость?

- Варюш... А я в прошлый раз... случайно... не сделал тебе больно?

- Каким образом?! – озадачил. Реально озадачил ее этим вопросом.

- Ну... Я довольно большой... там. А ты такая маленькая.

Варя усмехнулась. Выпрямилась.

- Как же вы любите, мальчики, думать... - между делом аккуратно раскатывая силикон. – Что у вас между ног прямо Останкинская башня и восьмое чудо света – такое же волшебное и огромное. Ничего ты не большой. Нормальный. Среднестатистический. – Приподняла бедра и медленно опустилась на него. И тягуче выдохнула. – Идеальный...

Конечно, быть сверху и все контролировать - это круто. Но сил ей не хватило. И спустя какое-то количество горячих выпадов навстречу друг другу Варя взмолилась.

- Не могу. Хочу вниз. Под тебя.

- Там жестко, маленькая... Сейчас... Сейчас я тебе помогу.

Прижал ее к себе и начал двигаться под ней. Сколько же всего в нем: сил, здоровья. Страсти и жара.

Почему-то звук их близости получался очень громким. Может, из-за позы. Или так казалось из-за ничего не скрывающего света дня. Влажно, ритмично, очень откровенно и физиологично. И невероятно заводяще для обоих. А если соседи еще не догадались, так они повторили на бис. Потому что к женскому стону теперь присоединился и мужской. Его руки тяжело скользнули с ее спины на пол. Ее голова опустилась ему на плечо. Молчали, приходя в себя. Ошарашенные в разной степени, но оба.

- Ооох... - вздохнул Тин. – Классно...

- Тихон! – Варя звонко хлопнула его по влажной груди ладонью.

- Ну классно же, - он прижался губами к ее макушке. – Тебе же тоже... как и мне? – снова вдруг эта странная неуверенность. – Я, конечно, помню про полное ничтожество и все такое. Но в этот же раз все было в порядке, Варь, да?

- А ты, типа, сам не понял? – пытаюсь за развязностью тона скрыть собственную растерянность.

- Не, ну в первый-то раз, на диване, я четко просек. На кончиках пальцев же все было. А сейчас я и сам уже ничего не соображал. Но мне показалось...

- Не показалось, - тихо. И, после паузы. - Извини за... за те слова. Это не так. Я так не считаю.

- Я знаю, - самодовольно усмехнулся Тин. – Но меня полезно приземлять. И ты меня... извини. Если чего не так было. В прошлый раз. А сегодня... Ну так что – классно было?

- Классно, - согласилась Варя, устраиваясь удобнее на его плече. И чувствуя щекой шрам.

- Ну вот и хорошо, - шумно и удовлетворенно выдохнул Тихон. И от этого выдоха все динозавровое стадо точно и аккуратно спланировало с люстры прямо на голову их хозяину. Если соседи из деликатности не обращали внимания на звуки, что были до этого, то уж от взрыва громкого хохота двух человек они точно вздрогнули.

А потом Тихон имел наглость потребовать мяса, мотивируя тем, что заработал. И пришлось на скорую руку жарить ему тонко порезанное куриное филе с овощами. А потом он умаял треть противня с пирожками. А потом посмотрел на Варю так, как она ему тут же настоятельно посоветовала не смотреть на нее. А потом... потом они выяснили, что пол на кухне ничуть не мягче, чем в комнате. И Варя до красноты и почти в кровь стерла коленки. Но ни о чем не пожалела. Она вообще никогда не жалела о содеянном. Главное – делать правильные выводы.

А выводы она сделала.

Действие седьмое. В нем часто меняются: декорации, настроение героев и события.

Из суфлерской будки – рабочим сцены: «Ну потерпите, миленькие. Я понимаю, что вас задолбало декорации туда-сюда таскать. Но такой уж тут у автора поворот сюжета. Коньяк – за мной!» И далее шепотом: «Надеюсь, Шекспир простит»

- Варвара Глебовна! – в восклицании Зои Анатольевны соединилось изумление, негодование и жалость. – Да что же это... Да как же это...

Варя обернулась, так и не успев натянуть брюки от хирургического костюма, – она переодевалась в небольшой комнате, смежной с кабинетом. Медсестра, уперев руки в свои пышные бедра, смотрела как раз на Варяны, еще не прикрытые штанами.

- Варвара Глебовна... Варенька... - в нарушение всякой субординации. – Девочка, да разве же можно позволять так. Кто этот паскудник, у которого рука на женщину поднялась? Куда отец с братом смотрят?! Кто он, Варя? Кто тебя бьет так?!

Варя опустила взгляд, чтобы посмотреть, что же вызвала такую реакцию ее медсестры. На белой коже, с внутренней стороны бедер, красовались синяки. Она перестала обращать внимание... или забыла. Или ей просто это нравилось.

- Не бьет меня никто, Зоя Анатольевна. Это... от другого.

И тут Варя почувствовала, что краснеет. Поспешно схватилась за брюки, неловко стала натягивать, не попадая в штанины. Медсестра усмехнулась.

- От другого, значит. Вот же у кого-то ума совсем нет. Зато силушки богатырской не меряно.

- Да это у меня кожа такая... - Варя, наконец, натянула штаны. – Чуть тронь – сразу синяк. Сосуды слабые.

- Сосуды, угу... - протянула Зоя Анатольевна. И вдруг, придя к каким-то своим выводам: - А не Тихий ли это часом, Варвара Глебовна?

Собственно, это не касалось никого, кроме самой Вари. И уж Зои Анатольевны точно не касалось. Но Варя не смогла осадить медсестру, которую очень уважала и ценила. И не промолчала почему-то. А сказала негромко:

- Да. Он.

- Вот так я и знала! – всплеснула руками Волгина. – Руки его, видать, как с первого раза к вам приклеились – так отлепить и не смог. А вы все одно этого ему не позволяйте. Что ж Тихон Аристархович совсем не понимает, что с его лапищами и комплекцией с девушками нежнее надо как-то?

О нет. Тихон Аристархович все прекрасно понимал.

И как быть нежным. И страстным. И как завести Варю одним взглядом. И как довести до оргазма в совершенно неподходящих для этого местах. Прямо в коридоре у входной двери. В машине. И даже в отдельном кабинете ресторана «Тин».

Спасало Варю только одно – он давал ей отдышаться. Если бы их встречи были чаще, она бы точно пропала. А так успевала собрать эмоции в кучу, поставить голову на место и вообще привести себя в форму. Чтобы к следующей встрече снова потерять все: выдержку, хладнокровие, себя. Потерять сладко, бездумно, не сожалея.

Именно благодаря этим паузам она сумела даже поставить себе диагноз. К двадцати семи годам она наконец-то созрела как женщина. Физически, с точки зрения физиологии, Варвара стала женщиной в двадцать. Но тогда, в двадцать, все удовольствие от секса лежало в плоскости эмоций. Тогда она любила, и сильное чувство заменяло все и облекало интим с Юрой в то, чего на самом деле не было и в помине. Нет, ей, конечно, было приятно – целоваться, обниматься с ним, чувствовать внутри – после того, как привыкла. Но оргазмы – нет, не было даже и близко. Но тогда ей хватало эмоций от близости с тем, кого она так любила. Хватало осознания, что ему хорошо, что он получает от секса с ней наслаждение. А потом, когда они расстались, у Вари в жизни вообще на какое-то время воцарился половой покой – не хотелось ничего. А потом она открыла для себя необременительную прелесть шалостей в ванной. Свой первый в жизни оргазм Варя организовала себе сама. И с тех пор регулярно это практиковала. Так проще.

Так было проще. До Тихого. До Тихона Аристарховича. До Тиши.

Что он разбудил в ней? Как у него это получилось? Тут Варя вставала в тупик. Но результат признала. Именно он чиркнул спичкой и пламя занялось. Она стала женщиной. Женщиной, которая знает, чего хочет в постели. Которая знает, как это получить. В ее случае цель и средство совпали в одном человеке. Тихон. Тиша. Тишка.

Она загоралась от прикосновения. От взгляда. От голоса в телефоне. У нее отказывали все тормоза, срывало все стоп-краны, напрочь сносило наклеенные обществом бирки «приличные девочки так не делают». Она делала все, что ей хотелось сделать с ним. И позволяла ему все.

И отсюда появлялись синяки на бедрах – от его пальцев. Потому что иногда Варя удавалась обуздать собственное распоясавшееся либидо и как следует потомить и раздражить Тихона: расстегнутой пуговкой, мелькающим кружевом чулка, провокационными намеками. И

тогда он, когда дорывался до нее, яростно сминал все: ее притворное сопротивление – своим горячим телом, ткань юбки – своим огромными ладонями, губы – своим шелковым языком.

И отсюда появлялись засосы на его шее, когда она принималась ему мстить. Кусала за шею, а он выворачивался, рычал, а потом вдруг замирал и подставлялся сам.

Отсюда же появлялись царапины на его плечах и спине. И вовсе не из желания отплатить ему той же монетой, а потому что себя уже не контролировала. И потому же кусала его в ладонь, когда он закрывал ей рот. А она затыкала рот ему, когда с его губ сыпался хриплый протяжный стон наслаждения. Кто кому рот закрывал – зависело от того, в чьей квартире они были.

Несмотря на этот не на шутку разбушевавшийся тайфун, затянувший их обоих, они все же установили некоторые негласные правила. Никогда не оставались ночевать друг у друга. От Вари Тихон всегда уезжал сам, на своей машине. Варя – когда как. Бывало так, что она приезжала к нему на своем автомобиле и уезжала на нем же. Иногда он отвозил ее обратно, если было не слишком поздно. Но чаще всего – на такси. Как-то так вышло, что он стал провожать ее до машины. И сразу расплачивался с таксистом. И по приезду она присылала ему сообщение: «Дома» или «Ок», на которое он обычно не отвечал. Но стоило не написать – жди звонка и недовольного голоса в трубке, даром, что еще час назад этот голос принадлежал нежному или страстному – в зависимости от настроения – любовнику. И, да – он мог быть нежным. Очень нежным. Варя иногда казалось, что с ней он такой, как хочется ей. Будто идеально созданный для того, чтобы угадывать ее настроение и доставлять ей наслаждение в постели. Что не отменяло того факта, что вне постели с Тихоном было временами непросто.

Варя быстро сообразила, что если не взять дело в свои руки, то общение с Тихоном ограничится едой и сексом; правда, и то, и другое отличного качества. Но она решила, что ее это не устраивает. Нет, не в том дело, что ей мало. А в том, что Тихону Аристарховичу – много, если не сказать, жирно. Чтобы все было так, как ему удобно. А ему было удобно привезти девушку в свой ресторан, угостить ужином, заодно решить какие-то рабочие вопросы с персоналом, со Славиком, который, казалось, жил в ресторанах Тина – уж очень часто Варя его там встречала неизменно в разнообразном и длинноногом сопровождении. А потом отвезти домой – к себе, к ней. И там «оформить десерт», как это называл Тихон. Ему удобно. Варя не хочется, чтобы Тихону было удобно. Вот не хочется – и все. Хочется выбить его из этого иронично-снисходительно-благодарного состояния. И поэтому Варвара озаботилась темой культурного отдыха.

Оперу Тихон отверг сразу, заявив, что ему там мешает спать оркестр, а зрителям – его храп. О балете высказался так, что в приличном обществе повторить стыдно будет – хотя Варя не удержалась от смешка. Про драматический заявил, что там буфет неважный. Со своей стороны предложил оперетту, мотивируя тем, что там «тетки смешные и пляшут». А в кино, как искренне полагал Тихон, люди ходят, чтобы целоваться. И не только целоваться. А экран там – чтобы другие на них внимания не обращали. В общем, с культурным отдыхом как-то не заладилось.

Зато Тихон все-таки сводил Варю в «Седьмое небо», как и обещал. И там свел с ума официанта своим подробным выяснением ингредиентов, рецептуры и вопросами типа: «А здесь точно сто семьдесят грамм сыра?» и «А вы в курсе, что у рыбы второй свежести не бывает?». На пинки под столом Тихий не реагировал. Дело кончилось вызовом управляющего, который решил, что Тихон – ресторанный критик. Тин продемонстрировал визитку, после чего они

довольно продуктивно побеседовали с управляющим – как коллега с коллегой. Тот даже позволил себе присесть за их столик. А Варе в финале ужина подали десерт от шеф-повара – шоколадный кекс с горячим шоколадом внутри и шариком ванильного мороженого рядом. Идеальное сочетание температур, текстур и вкусов. Тихий был прощен.

Зато Тихон оказался большим любителем пеших прогулок по Москве. Наверное, сказывалось то, что он не был коренным москвичом и жил в столице последние лет восемь, если Варя правильно прикинула на основании его смутных намеков. Город ему был все еще интересен, и Тин с удовольствием наматывал километры по Москве в обществе Вари, рассказывая сам о своих любимых местах и слушая ее. Сухаревка, Цветной, Арбатские Ворота – Тин не переставал ее удивлять.

Особенно Варе запомнилась прогулка по парку на Поклонной горе. Место показалось ей неожиданным – для Тихона. И день для прогулки выдался довольно морозным. Но самым странным стало то, где они в итоге оказались.

- Ты знаешь, что это? – у Тина объявилась странная привычка – брать ее за руку. Вот и сейчас – держит крепко.

- Танк, - пожала плечами Варя.

- Женщина! – фыркнул Тихон. – Это легендарный «квас» - советский супертяжелый танк KB-1 «Клим Ворошилов».

- В танчики на досуге поигрываем, Тихон Аристархович?

Пристальный и тяжелый, как упомянутый танк, взгляд Варя даже не знала, как и расценить. Ожидала, что сейчас ее осчастливят введением в нюансы стратегии World of Tanks. И фатально ошиблась.

- Мой дед всю войну проработал в конструкторском бюро в Танкограде. В том числе и «квас» проектировал.

- Танкоград? – она растеряна.

- Так называли во время войны Челябинск. Ты разве не знала?

- Знала, - ответила Варя неуверенно. Место располагало к разговору на эти темы. А вот собеседник... - Твой дед был... конструктор танков?

- Угу. Работал под началом самого Котина.

Варвара понятия не имеет, кто такой Котин. Видимо, какой-то крутой танкостроитель. Краткая и редкая информация о семье Тихона ошеломила.

- А... - даже не знала, что сказать. Как реагировать. – А что... что он делал потом? После войны?

- А после войны вспомнили, что он сын врага народа.

Ассоциативный ряд четкий. Однозначный.

- Расстреляли? – тихо.

- Зачем же? – наиграно-беспечно пожал плечами Тин. – Десять лет лагерей дали.

- Он там умер? – почему-то только такие мысли. Грустные. А Тихон ее настрой не поддерживает. Фыркает.

- Вот еще! У нас мужики в роду крепкие. Отсидел. Вышел. Еще и жениться потом успел. И батю моего настрогать.

Он говорит нарочито небрежно, снисходительно, будто презрительно. Но Варвара отчетливо чувствует – даже не в словах. На вкус. Вкус его гордости за свою семью. За отца. За деда. За прадеда.

- Как его звали? – все так же тихо.

- Деда? Петр, - и, после паузы. - Петр Тихонович Тихий.

- Выходит, тебя назвали в честь прадеда?

- Наверное. Варя! – распахивает дубленку и прижимает Варвару к себе. – Ты совсем замерзла! Пошли в машину греться! Бегом!

Тихон ей тогда по делу комплимент отвесил – Варя и в самом деле была умной девушкой. И не в красном дипломе медакадемии дело. Она быстро поняла, что их отношения – нечто из ряда вон. Для Тихона. Что-то совершенно удивительное и странное. Она читала изумление во взглядах: Никодима, Ростислава, других разных людей, которые встречались ей в ресторанах Тина. И причина была ясна и очевидна. Варя явно не соответствовала формату отношений, принятых у Тихона Аристарховича, привычных для него. Варвара ломала эту систему. И это Варю... нет, не радовало. Пугало, скорее. Система вышла из состояния равновесия. А в этом состоянии система не стабильна. Бабахнуть может в любой момент.

- Виталий?.. – Никодим от неожиданности обращения сбился в расстановке столовых приборов. Они были в кабинете вдвоем – Тихон куда-то вышел, кажется, на кухню в очередной раз проконтролировать Михаила Александровича.

- Да?

- Все не так, верно?

- В каком смысле? – Никодим-Виталий изо всех сил делал вид, что не понимает, о чем речь.

- В смысле Тихона, - спокойно ответила Варя. – Все не так, как обычно, да? Не так, как у него было с другими?

Она думала, что он ей не ответит – такой долгой была пауза. А потом мужчина сел напротив.

- Не так, да. У него так... никогда не было. И таких, как вы... ты, Варя... тоже не было.

- Не было, значит... - Варя стало неловко под пристальным взглядом. И место вдруг стало смущать. Нашла тоже, где спросить – в этом кабинете. Ведь именно воон в том углу кожаного диванчика Тин ее как-то зажал и грязно надругался. Зажимая ладонью рот, потому что от острого наслаждения ей не молчалось совсем.

- Бросила бы ты его, Варя... - неожиданно и без дежурного пиетета произнес Виталий.

- Я смотрю, коллектив у Тихона Аристарховича на диво дружен и ему очень предан, - нервно усмехнулась Варвара. Она уже жалела, что завела этот разговор.

- Коллектив у нас и в самом деле дружный и преданный, - странно серьезно ответил метрдотель. – И Тихона Аристарховича я лично не первый год знаю. И точно знаю, что человек он хороший. Но хорошим девушкам от него - одни слезы.

Приход Тихона сделал ненужным ответ.

- О чем речь ведем?

- Меню обсуждаем, - споро встал со своего места Никодим. Но его слова запомнились Варя накрепко.

Так бывает, что в жизни иногда случаются странные и неожиданные вещи. Причем, как им и положено, они случаются абсолютно безо всякого предварительного уведомления. Ничто, как говорится, не предвещало. И поэтому Варя позорно открыла рот. И замерла с не донесенной до губ чашкой. И, кажется, выдохнула что-то смутно.

Тихон, сидящей напротив нее, обернулся на зал за своей спиной – Варя никак не могла понять, по какому принципу они ужинали то в отдельном кабинете, то в общем зале. Вероятнее всего, это обуславливалось целесообразностью и наполненностью ресторана. Тин внимательно оглядел зал и потом снова уставился на Варвару. Недоуменно.

- В ужасиках с таким выражением смотрят на приведение или зомбака за спиной.

Практически приведение. Привет из старательно забытого прошлого.

- Все нормально, - Варя, как ей показалось самой, убедительно улыбнулась и тряхнула волосами. – Задумалась просто.

- Ну-ну... - многозначительно протянул Тин и еще раз обернулся на зал ресторана. – Кто?

- Что – «кто»? – Варя снова улыбнулась, снова, как ей казалось, весьма убедительно. На самом деле, улыбка ее была деревянной. Напряжение в щеках. И совсем сошедшиеся в одну линию брови.

- Кто из них твой бывший?

- У меня не бывает бывших! – молодец, вовремя вспомнила. К месту.

- Угу. Конечно. Вот у тебя, Варя, как раз это и бывает. На лбу написано. Вот такими... - раздвинул ладони между собой. – Буквами.

- Ты фантазируешь, Тихон Аристархович.

- Напрочь лишен этой полезной привычки, - отмахнулся Тихий. - Кто он, Варя? Который? Вон тот пижон в клетчатой рубашке с бабочкой? Не, маловероятно. Вон тот толстый в сером? Нет, тоже вряд ли. Ага! – прищелкнул пальцами. – Тот типок в очочках со знойной брюнеткой?

Да. Именно со знойной брюнеткой. И очки он раньше не носил.

Тихон подвинул стул вплотную к ее, прижался плечом к плечу и даже голову наклонил. Словно они секретничать собрались.

- Рассказывай.

- Не хочу, - вышло как-то жалобно.

- Надо, Варя, надо. Сейчас тебе еще кофе принесут – и начнешь рассказывать.

Варвара в очередной раз попыталась разгадать шифр жестов Тина. Персонал понимал желания владельца по движению пальцев, изгибу брови и даже повороту корпуса. И всегда приносили желаемое. Вот и сейчас: почти мгновенно, не дав ей продышаться, бармен Лещ, он же Леша Лещинский, самолично приволок ей здоровенную белую чашку – кофе с молоком. Как любит Тихон Аристархович. Возражать Варя не стала. Отхлебнула сладкого горячего напитка, скосила взгляд на Тина – он кивнул, дескать, рассказывай, давай. Ну и пожалуйста. Было бы что скрывать. Обыкновенная история. Обычная. Ничем не примечательная. Немножко позорная только, самую малость.

Юра Щербаков перевелся к ним на третьем курсе. И она в него сразу влюбилась. Вот так вот – сходу, с первого взгляда, не пойми за что – а взяла и влюбилась. Юрка, был, конечно, вполне симпатичный – высокий, стройный, улыбчивый, особенно девушкам. Но ничего особенного. Ничего такого, что объясняло бы, почему и зачем она в него так втрескалась. По уши. Безоглядно. И взаимно.

Нет, у них с Юрой были замечательные отношения. У Вари со всеми были замечательные отношения – такой уж она была человек. Человек и староста. Юра тоже был довольно общителен. Они проводила много времени вместе: учеба, студенческие пирушки, поездки на дачу. Они даже могли потанцевать медленный танец, сходить в кино, пообниматься на диване. Но голова и сердце Юры в это время были заняты какой-то другой девушкой. Какими-то все время другими девушками. Юра даже периодически советовался с Варварой по этому поводу. А вот в Варе он девушку совсем не видел. Она была замечательным другом, старостой, дочкой одного из лучших травматологов города и вообще – свой в доску парень.

Варя терпела и страдала полтора года. Все надеялась – заметит, поймет, догадается. Не догадался. А ее совсем исстрадавшееся терпение лопнуло, и на Новый год в общаге она взяла – и просто разделась перед ним. Терять было уже нечего.

Щербаков, конечно, опешил – это было заметно. Но сориентировался на месте быстро. И взял то, что предложили. И сделал за одну ночь Варю безумно счастливой. Потому что она тут же поверила, что ее чувство – взаимно. Да и как было не поверить?

У них завязался бурный роман – на удивление всего курса. Но они не стали скрывать свои отношения. Да и зачем? Варя любила. Юра – как она была уверена – тоже. Говорил, что любит. Говорил словами, доказывал свои чувства в постели. Что еще нужно влюбленной девушке?

Так прошел четвертый курс. Пятый. Самым удивительным для Вари было то, что, оказывается, со временем можно влюбляться в человека сильнее. Увязать глубже. Хотя раньше казалось, что глубже – некуда. А Юра был ровен. Он привык к ней, привык к ее любви, к ее обществу, воспринимал как нечто само собой разумеющееся, привычное. Иногда – досадно привычное даже.

В начале шестого курса у них вышел дикий скандал. Теперь, с высоты своего жизненного опыта Варвара понимала, что стало его причиной. Как и всякой нормальной девушке ей нужна была определенность. Гарантии. Говоря прямым текстом, ей уже хотелось за него замуж. Очень. А Юру все устраивало и так. Опять же с высоты своего нынешнего жизненного опыта Варя понимала, что нельзя было тогда поступать так, как поступила она. А она приперла Юру к стенке и устроила допрос. На тему того, что он думает, чувствует и планирует в отношении нее. Разговор вышел долгий, бурный, со слезами и упреками. Но, что самое удивительное, Варя своего добила. В финале Юра обнял ее крепко-крепко и сказал в макушку, что никуда она от него не денется, и они обязательно поженятся. Только после окончания ординатуры. Ну, или, хотя бы института.

И снова за пять минут Юра сделал ее счастливой. Но в этот раз – не очень надолго. Варина love story прекратилась внезапно и не очень красиво. Даже, в общем-то, постыдно и безобразно.

После Нового года Варвару стал одолевать дискомфорт в интимной зоне. Грешила на «веселую молочницу», но самолечение нужного эффекта не принесло. И Варя попросила друга их семьи, тетю Дашу Тихомирову, акушера-гинеколога и заведующую родильным отделением одного из московских роддомов, посоветовать ей хорошего гинеколога. Тетя Даша посоветовала, позвонила, договорилась. И Варя пошла на прием. Ничего не подозревая.

Никогда раньше и никогда позже в жизни ей не было ТАК стыдно. Диагноз «трихомоноз» ударил обухом по голове. Да как же... Как же так?! Варя прекрасно помнила еще с лекций по дерматологии и венерологии, что это такое. Пресловутые ЗППП. Заболевания, передающиеся половым путем. И это совершенно не укладывалось у нее в голове. Стыд-то какой. Пришла к знакомому доктору. Про нее договаривались. Вся такая приличная девочка из хорошей семьи. Дочь одного из ведущих травматологов города. А тут... венерология! А еще над братом смеялась, когда он в кожане лежал. А у Кольки был всего-навсего аллергический дерматит.

- Да вы не переживайте так, Варя, - мягко говорила интеллигентного вида доктор, параллельно расписывая на листочке бумаги курс лечения. – Это все прекрасно лечится, тем более, спохватились вовремя. Но своего полового партнера предупредите обязательно. Чтобы и он тоже пролечился.

Этот «половой партнер» Варю окончательно добил. У нее не было полового партнера! У нее был Юра. Любимый. Единственный. Неужели?..

- Скажите... - Варвара неловко подбирала слова. – Скажите, а могла я этим заразиться... как-то... ну... иным образом? Бытовым? Ведь эта группа называется... заболевания, передающиеся преимущественно половым путем? – блеснула Варя знаниями. И продолжила почти жалобно. – Могло же быть... по-другому? - запнулась.

- Могло, - доктор смотрела на нее с нескрываемым сочувствием. – Бытовым путем - не исключено. Но очень маловероятно. Это надо в бане или бассейне голый... попой сесть на чужое полотенце, которым только что весьма активно и тщательно вытирался больной человек. И поерзать на нем для надежности. Если такое имело место быть, то... - по паузе и интонации было видно, что врач и сама не верит в такое развитие событий.

Конечно, нет. Варя и сама понимала, откуда она подцепила *Trichomonas vaginalis*. Юра не любил презервативы, и они перешли на гормональные контрацептивы. Точнее, Варя перешла, чтобы они могли заниматься сексом без кондомов. А теперь...

Юра. Юра... Мать твою, Щербаков, как ты мог?!

Он все отрицал. Но так неубедительно, неискренне, что Варя сразу поняла – это правда. Он ей изменил. И, возможно, не один раз. И почему-то самым ярким чувством стала не обида за обман. А брезгливость. Совал свой член и в Варю, и в кого-то еще... Неизвестно в кого. Противно до тошноты и омерзения. А еще - дикая досада. На Юрку. Тоже мне, будущий врач! А о таких элементарных вещах не подумал! И ко всему прочему – страх. За собственное здоровье. И даже за пресловутую фертильность.

В общем, отношения их прекратились одномоментно и резко. Варя сначала тщательно лечила щербаковский «подарок». Трижды сдавала анализы, причем, не только на трихомонаду, а на все подряд, на всякий случай - прежде чем окончательно поверила, что «чистая». А потом и почти параллельно – госы, за ними - интернатура. Удивительно, но у нее получилось совсем не обращать внимания ни на что: на жгучую пустоту в груди, на косые взгляды одногруппников, на шепот за спиной, на демонстративно понурого Юрия. Варя поставила себе цели. Вылечиться. Получить диплом – красный, между прочим! Поступить в ординатуру. И всех поставленных целей Варвара Самойлова добила. Но душу она лечила еще долго. Предательство любимых оставляет на сердце раны, которые заживают годами.

- Ничего себе... - негромко присвистнул Тихий. И только тут Варя заметила, что во время ее рассказа он изорвал на мелкие клочки салфетку. Или две. На тарелке белел бумажный сугроб. Тин обернулся и уже совсем с иным выражением посмотрел на беседующую пару за два столика от них. – С виду на человека похож. А на самом деле – гон*он.

- Тихон!

- Пойду-ка я сожранные вареники растрясу. И руки разомну заодно, - Тин резко поднялся со стула. И Варя тут же мгновенно сообразила, куда и зачем он собрался.

- Ты с ума сошел?! Куда?

- Да выкину этого филателиста отсюда.

- Почему филателиста?! – она схватила его за руку.

- Ну, или сифилитика, - пожал Тин плечами и попытался высвободить ладонь. – Все время эти слова путаю.

- Тиша! – Варвара не знала, смеяться или плакать. – Сядь, пожалуйста. Он этого не стОит!

- Да он-то, ясное дело, не стОит... - Тин неохотно сел обратно за стол. – А вот в моем ресторане сифилитикам не место. Я и так от санитарной инспекции в последний раз с большими потерями отбился.

- Он тут не единственный... филателист, если что. Я тоже, между прочим... - тут Варя все же покраснела, хотя за годы, прошедшие с той истории, вроде бы привыкла и дала событиям правильную оценку.

- Ты... - Тихон оглядел ее внимательно, словно пытаюсь заметить что-то новое. - Ты – лицо аффилированное, тебе можно. Так что я все же его выкину, с вашего позволения, Варвара Глебовна. А, впрочем, и без оного...

- Тихон, прекрати! – и все же просяще. – Пожалуйста, не надо...

- Жалко тебе его, что ли? – уже раздраженно.

- Не жалко. Просто... просто ну его к черту.

- К черту – так к черту.

Варя не заметила, чем и как он подал знак. Но очень скоро к столику, где устроился Щербаков со своей спутницей, лихо подскочил Лещ. На подносе красовалась тарелка с тонко порезанным мясом. И рюмка с чем-то, напоминавшим смородиновую настойку Маргариты Сергеевны. Но цвет, кажется, иной.

- Тиша... - опасливо.

- Спокойно. Это за счет заведения. Хочу угостить дорогого гостя. Подарок... от шеф-повара. И от меня лично.

Между Лещом и Щербаковым завязался диалог, во время которого бармен указал кивком головы в сторону Вари и Тихона. Юра обернулся. И слегка побледнел. Варя почувствовала, как у нее одеревенела спина. И лишь Тихий, казалось, получал удовольствие от происходящего. Поднял материализовавшийся на столе непонятным и незаметным образом коньячный бокал, отсалютовал и широко улыбнулся Щербакову. Варя Тихона уже немного, но изучила. И четко ощутила, что такая улыбка не сулит тому, кому она адресована, ничего хорошего. А Юра Тихона не знал. Поэтому ответно и неуверенно улыбнулся, отсалютовал принесенной ему рюмкой. И выпил залпом.

Сначала Щербаков пошел алыми пятнами. Потом – белыми. Потом широко раскрыл рот и стал хватать воздух как выброшенная на берег рыба. Потом вскочил с места, с грохотом уронив стул. И рванул в сторону. Кажется, в направлении туалетов.

- Бедный Юрик... - прокомментировал Тихон, разглядывая этот спектакль одного актера сквозь коньячный бокал.

- Ты что натворил?! Что ему налили?!

- Ооо... Это такая штука, Варенька, - усмехнулся Тин и подмигнул сверлящей его сердитым взглядом знойной брюнетке. – Сейчас расскажу. Мы прошлой осенью со Славяном в Таиланд ездили. Ну, там всякие пип-шоу, Волкинг-стрит, все дела, ты понимаешь?..

Варя нетерпеливо кивнула, не поддавшись на провокацию.

- А в последний день мы на рынок выползли. Рося фруктов каких-то экзотических набрал, а я на перчики глаз положил. Красивые такие перчики, яркие...

- Господи... - выдохнула Варя. Тин в ответ коротко хохотнул.

- В общем, Михал Саныч эти перцы сразу забраковал. А Марго – женщина хозяйственная. Жаль ей было выкидывать, тем более, хозяин из такой дали припер. В общем, она настойку на них поставила.

- Тиша, у него же язва желудка от такого напитка может образоваться!

- Да не будет ничего твоему ненаглядному, - раздраженно фыркнул Тин. – Я эту настойку пробовал.

- И как? – едва выдохнула Варя.

- А у нас тогда как раз ремонт был, я закрывал ресторан на две недели – после очередных разборок с сан.инспекцией. В общем, вода была перекрыта. И тут я этой настоечки пригубил...

Варя не заметила, как непроизвольно начала улыбаться.

- Иии?

- Иии Михал Саныч, Марго и Лещ при каждом удобном и особенно неудобном случае теперь припоминают мне, как я воду из унитазного бачка лакал, - усмехнулся Тихон. - Забористая штука, короче. Марго сказала, что ею тараканов травить зашибись получается – она дома попробовала. А вон и бедный Юрик вернулся, - резко переключил ее внимание. – Видать, тоже из бачка водицы испил.

Варя обернулся. Щербаков был бледен, что-то сказал своей спутнице, и они стали резко собираться на выход. Тихий от доброты душевной помахал им своей немелкой лапкой, но его щедрый жест не оценили. Пара быстро пошла к выходу из зала.

- Он напишет на тебя жалобу!

- Пусть попробует. Хоть поржу.

- А о репутации ресторана ты не подумал? – последняя попытка вразумить Тихого.

Свое мнение по данному вопросу Тихон выразил еще одним громким фырканием. Варя признала свое поражение в споре, протянула руку и, отобрав у него бокал, пригубила коньяк. Однако в пузатом бокале плескался холодный сладкий чай.

- И все равно зря ты это сделал... - негромко вздохнула.

- По-моему, ты обзавелась из-за этого придурка такой штукой... на букву «ф».

- Филателией?

- Не. Фобия, во! Фобия подлых придурков.

- Нет у меня никакой фобии. Отвези меня домой.

Он выказал намерение проводить ее до квартиры.

- Какао не будет. Я не в настроении, - голос Вари прозвучал даже для нее неожиданно резко.

- А я все равно провожу. Мало ли... Вдруг ты по дороге передумаешь.

У двери ее голос прозвучал все так же резко.

- Я не передумала. Устала и хочу спать.

- Дело хозяйское, - не вынимая рук из карманов. – Созвонимся, – кивнул. - Пока.

По лестнице зазвучали быстрые шаги. Варину ладонь леденили ключи. Варвара резко повернулась к двери и вставила ключ в замочную скважину, прислушиваясь к утихающему звуку шагов. Повернула ключ. И сама не поняла, зачем, но...

- Тиша... - позвала тихо.

Нет, он уже не услышит. Он уже спустился на два пролета. Или три. Или четыре.

Шаги зазвучали громче. И медленнее. Подниматься ведь труднее, чем спускаться.

А она стояла и ждала. Вот снова показалась в створе лестничного проема русая макушка. Тихон вернулся.

- Передумала? - спросил хмуро.

- Да, - все так же тихо.

Он подошел и встал вплотную. Но не касался.

- Учти, сопли вытирать и жалеть не буду. Никаких сюси-пусы, обнимашек и «я тебя так понимаю». За этим – к подружке.

- И не надо. Все, что мне от тебя нужно – грязный и развратный секс.

Он прижал ее к себе – резко и сильно. Губами к виску.

- Вот это я могу. Я только это и могу. Это мой профиль, можно сказать.

Он сказал это в своей обычной манере – нагло, уверенно. Но в конце фразы ей почудилась вдруг нежность. Или даже... отчаяние?

Нет. Ей это не нужно. Она не хочет этого слышать. Ей это просто показалось. Это же Тин.

- Хватит болтать! – нажимая на дверную ручку и вталкивая Тихона внутрь квартиры. – Меньше слов, больше дела, Тихон Аристархович.

Действие восьмое. Герои начинают осознавать весь ужас положения, в котором оказались.

В авторской суфлерской будке поигрывают трехцветным фонариком, временно заимствованным из музея театра на Таганке. Наконец, врубают белый цвет и начинают им часто мигать. Где экспрессия, черт подери, где она?!

Варя все ждала от него какого-то слова. Намека. Подсознательно ждала, что он обмолвится о своих планах на Новый год. Думала... надеялась... что вместе... Но наступил и покатил декабрь. Елки, гирлянды, новогодняя атрибутика везде и повсюду. И только к середине месяца Тихон, как ни в чем не бывало, оповестил о своих планах на Новый год. Безо всякого предвкушения, а, скорее, с усталостью и раздражением. А ведь она могла бы и догадаться.

Новогодняя пора – время Большого Бабла для столичных рестораторов. И Тихон не был исключением. Корпоративы. Новогодние вечеринки. Для Тина декада перед Новым Годом и дни после были периодом интенсивнейшей работы. Если и праздник, то труда. У трактирщиков Первомай переквалифицировался в Первоянварь. И всю новогоднюю ночь Тихон уже не один год проводил на ногах. Точнее, и на ногах, и на колесах, разъезжая между своими ресторанами.

Ну и славно. Варя выдохнула и прекратила фантазировать на эту тему. И на тему новогоднего подарка Тихому заодно. Все равно в последнюю декаду декабря они почти не виделись – зато работа с лихвой компенсировала отсутствие Тихого в Вариной жизни и с утробным чавканьем пожирала все свободное время. Варя дала «добро» родителям на приглашение встретить Новый год с ними, дома. И Коля с Любой будут. Настоящий семейный праздник.

А настроение в новогоднюю ночь у нее не заладилось. Стол – замечательный. Все - веселы. На самой Варе – новое платье, которое куплено для других целей и для другого человека, а на семейном празднике проходит «обкатку». Отец и брат обозвали платье «слишком ярким», невестка оттопырила большой палец. Значит, «обкат» прошел удачно. Лишь задумчивый взгляд матери не вписывался в общую картину, но Варя это старательно проигнорировала. Как игнорировала многое в последнее время.

И вроде бы начиналось все так замечательно. Они с Любой помогли маме. Проводили старый год. Все дружно подкалывали Любу – над тем, как она выпрашивала у Коли глоток шампанского, как мазала медом канапе с мидиями. В очередной раз поспорили по поводу имени еще не рожденной девочки. Снова не сошлись во мнениях, а Колька пригрозил назвать дочь Доздрапермой. Жена брата стала центром разговора за их семейным столом – и это неудивительно: Люба ждала малыша. Ребенок должен родиться в конце февраля – начале марта.

Люба была весела, добродушно отшучивалась и смеялась со всеми. И вообще выглядела очень хорошо. Говорят, ожидание чуда рождения ребенка красит женщину. Варя видела немало совершенно противоположных примеров – среди числа одноклассниц. Но Любава буквально цвела: здоровый румянец, новая плавность в движениях и свет. Какой-то удивительный свет в ее и без того нереальных синих глазах.

Уже к полуночи Варя поняла, что ревнует. Ревнует свою семью к жене брата. А ведь у них с Любавой замечательные отношения: и Люба чудесная, и с братом у них такая семья, и... И сейчас Варвара хотела быть на ее месте. В окружении любящих людей, которые вместе с ней ждут рождения новой жизни. И чтобы рядом был мужчина, который так любит. Надежный, как скала. Верный, преданный, родной. С которым нестрашно ничего, и за которым и в огонь, и в воду.

Нет таких. Больше нет. Колька, наверное, последний. И вообще – стыдно завидовать собственному брату, его жене и их семейному счастью. Конечно, стыдно. Но настроение Варе это несколько не улучшило. Еще только усугубило нуарные тона.

После часа ночи Люба зевнула и засобиралась домой. Но родители авторитарно оставили их всех у себя. Ушла спать будущая мама. За ней отправилась отдыхать и мама настоящая – мама Николая и Варвары Самойловых. А дети Самойловы вместе с отцом остались еще на час за праздничным столом – смаковать армянский двадцатилетний коньяк и разговаривать. Разумеется, на профессиональные темы. Беседа несколько улучшила Варе настроение, но общий грустный осадок новогодней ночи не перебило. Заснула Варвара около трех часов. В семь утра ее разбудил телефон.

За новогоднюю ночь его останавливали на дороге трижды. Вот что за напасть такая, а?! Нет, он в каждом ресторане на правах радушного хозяина тусовался потихоньку во многих компаниях: то там, то сям – везде, где были знакомые. Поздравлял, обнимал, целовал. Рассказывал анекдоты, смеялся ответно. И обнимал вешающихся на него нетрезвых дам, и возвращал поцелуи. И выпивал со всеми желающими. Лещ только успевал подливать в коньячный бокал из заготовленного еще с полудня кувшина крепкий сладкий чай. А потом Тихон садился в машину, заводил мотор, стирал с себя помаду и чужие слюны, кидал в рот пару долек мандарина из стоящего рядом, на пассажирском сиденье, пакета и ехал дальше.

Первый раз он откупился «красненькой». Второй раз заставили дышать в трубку и долго и разочарованно смотрели на прибор. Да трезвый он, трезвый! Но ему предложили проехать на освидетельствование в наркологический диспансер. Снова пришлось откупаться. В третий раз, уже под утро, когда Тихон возвращался домой, он просто сгреб с сиденья пакет с остатками мандаринов и вручил его патрульному со словами:

- С наступившим, товарищ лейтенант.

То ли рожа у Тина была вконец замученной, то ли в виде новогоднего чуда ему попался порядочный гаишник, но Тихона отпустили. Презентованные мандарины приняли, счастливого пути пожелали и отпустили. И в седьмом часу утра он был уже дома. Неужели эта проклятая бесконечная новогодняя ночь закончилась?!

Сил не было даже на то, чтобы принять душ, хотя Тин весь пропах женскими духами, петардами и ароматами с кухни. И это раздражало. Но усталость оказалась сильнее. Стоя бы не заснуть. Или в процессе стягивания штанов. Ведь весь день на ногах, и всю ночь на крепком чае и энергетиках. Нагнулся, стаскивая носки. Когда распрямился, перед глазами поплыли зеленые пятна. Все, спать. Спать, спать, спать... До самого вечера.

Но принятие горизонтального положения оказало совершенно обратный эффект. Сон куда-то делся. Вместо него пришли неясные видения? Воспоминания? Мечты?

Розовая звезда ее ладони с коротко стриженными ногтями на его груди. Пальцы зарываются в короткие завитки, ногти слегка царапают кожу.

Нимб золотых волос раскинулся по синей простыне. Глаза крепко зажмурены, а с приоткрытых губ - рваным ритмом жаркое дыхание.

Небольшая упругая грудь. Райское яблоко, что само просится в руку. Крутой изгиб бедра – нарочно такой, чтобы сжимать руками и не давать ей отстраниться. Так ведь не отстраняется же. Прижимается.

Совсем не такая, какие ему всегда нравились. Начиная от цвета волос и заканчивая размером груди и ростом. И эти ее крошечные ступни с маленькими пальчиками – почти детские. Их целовать хочется. Но нет уж, дудки! Только этого не хватало.

А еще она – хирург. Подумать только! После всего... хирург. У него напрочь отказал инстинкт самосохранения, видимо.

И эти едкие колкие реплики. И нечастая мягкая беззащитная улыбка. И голубые глаза, в которых ум, юмор, смех. И что-то еще. Нежность. Дурацкая нежность, которая ему там мерещится! Которой там быть не должно. Которая ему не нужна.

Старательно не думая о том, что делает, протягивает руку и берет с тумбочки телефон. И все так же бездумно набирает сообщение.

Тихон: Спишь?

Ответ приходит довольно быстро – спустя минуту.

Варя: Уже нет.

Тихон: Разбудил?

Варя: Первое января. Семь утра. Тебе место в лиге злодеев. Ты подлец, Тихий!

Он довольно усмехается.

Тихон: Я предупреждал. С Новым годом, Вареничек.

Варя: А до обеда это не могло подождать?

Тихон: Не могу заснуть. Только домой приехал.

Варя раздумывает над ответом. Только приехал? Откуда? И, интересно... один? И тут приходит еще одно сообщение.

Тихон: Спой мне колыбельную.

Она улыбается, сонно щурясь на экран телефона. Никогда бы не подумала, что в семь утра первого января можно улыбаться.

Варя: Тихо(н) в лесу.

Тихон:)))

Варя: Только не спит барсук.

Тихон: Барсук сегодня затрахался. Причем отнюдь не в буквальном смысле.

Сердце екает на этих словах. Но она не комментирует. Не выходим из образа. Поем колыбельную.

Варя: Лапы свои он повесил на сук.

Тихон: Спасибо, что лапы)

Варя: Слушай молча!

Он там тоже улыбается. Уже очень сонно.

Тихон: Продолжай.

Варя: Лапы свои он повесил на сук. И тихо танцует вокруг. Трам-пам-пам.

Сделала паузу. Ответа не было. И Варя быстро набрала еще одно сообщение.

Варя: Спокойной ночи. Или дня) В общем, сладких снов. И с Новым годом, Тиша.

На другом конце города в стандартной двухкомнатной квартире на широкой кровати сладко спал русоволосый мужчина. В его большой ладони был зажат смартфон, а на губах так и осталась мягкая улыбка.

Ракитянский Варю не нравился. Не нравился вопреки его подчеркнутой любезности и благожелательности. Именно из-за нее даже. Он был воплощением того, что Варя чувствовала спиной. Или тем местом, что ниже. Которое имеет уникальную способность «чувять» неприятности - способность, никак не обоснованную с точки зрения физиологии, но неоспоримую.

И Варвара чувствовала, как все вокруг Тихого буквально замерли в ожидании. И даже ставки уже сделали. И ставок больше нет. Осталось лишь ждать. Когда завершит свое вращение круг рулетки. Когда остановится волчок. Когда Тихому надоест.

Косые взгляды. Легкие усмешки. Снисходительный тон. Ты тут временно, девочка.

Да, все так. Временно. И надо уходить. Самой. Первой. Но не получается. Совсем не получается.

Сегодняшним вечером Ростислав снова почтил их своим присутствием. И не один, а в компании очередной модельного вида девицы из инкубатора пластической хирургии. В этот раз для разнообразия брюнетка. Зато – Ирэна. Не больше и не меньше.

Спустя десять минут напряженного разговора, во время которого Тихон и Ростислав на повышенных тонах выясняли какие-то рабочие моменты, связанные с уставными документами, а Ирэна томно пила коктейль, Варя расшарилась окончательно. В конце концов, это просто невежливо! И вообще... Похоже, ею стал владеть инстинкт саморазрушения.

- Мальчики, а что бы вам не обсудить свои дела в другом месте? Насколько я в курсе, у Тихона Аристарховича тут рабочий кабинет имеется? А мы с Ирэной пощечечем без вас о своем, о девичьем.

Рося замолчал на полуслове. Брюнетка поперхнулась коктейлем. Тин нахмурил брови и после ощутимой паузы резко встал.

- И то верно. Слава, пошли. У меня там и документы под рукой.

Варя задумчиво погладила край бокала. И снова его реакция ее озадачила. Чего ждала? Что огрызнется? Что поставит на место? Наверное, да. А он продемонстрировал ей свое раздражение. Как-то неуловимо дал понять, что ему неприятно было. Но единственной ей. Похоже, это почувствовала только Варя. Для всех остальных Тин выглядел удивительно послушным зайчиком.

- Круто ты с ним! - выдохнула брюнетка, едва мужчины скрылись из виду.

- Надоели, - деланно беспечно пожала плечами Варвара. В один глоток допила коктейль и практически почувствовала, как Лещ за барной стойкой у нее за спиной принялся мешать новый.

Да, так и есть. Уже тут, протягивает с улыбкой. Вот Леша ей нравился. У него человеческая улыбка. Искренняя. Говорят, бармены все хорошие психологи. Наверное, так.

Варя отсалютовала бокалом девушке напротив. Пригубила. И спросила вдруг.

- Тебя как зовут на самом деле, Ирэнущка?

Та задрала нос и пожала точеными плечами в тонких лямках откровенного платья. А потом неожиданно смутилась. И ответила тихо.

- Галя. Галина.

- Красивое имя, - подбодрила собеседницу Варя. – Ты на кого училась, Галя?

Ответ Варвару изумил.

- Я два курса в медицинском колледже отучилась. Потом бросила.

- Ух ты! – почти искренне восхитилась Варя. Вот так вот и суди о людях по первому впечатлению. – Почти коллега. А на кого именно?

- Сестринское дело, - все еще с видимым и неожиданным для этого роскошно слепленного лица - смущением ответила Галя. – Хотела стать процедурной сестрой.

- Почему не стала?

- Да так... - поморщилась «Ирэна». – Не сложилось, в общем.

Но Варя не отстала. Начала выспрашивать об учебе, о дисциплинах, о педагогах. И спустя десять минут девушки уже оживленно обсуждали курс анатомии и физиологии. Причем для одной из них такая тема беседы была совершенно неожиданной, но красивая темноволосая девушка с видимым удовольствием вспоминала заковыристые термины и забавные случаи из своей учебы.

Именно благодаря увлекательной беседе барышни не сразу сообразили, что их тет-а-тет затянулся.

- Они там уснули, что ли? – Варвара встала с места.

- Варь, да не лезь ты к ним. И так хорошо, - как-то даже почти просительно произнесла Галя.

- Ну как это «не лезь»? – когда ей так и хочется уронить на бок волчок? – Если такие занятые, нечего было девушек на ужин приглашать.

И Варя решительно отправилась к барной стойке. Ожидала, что Лещ на ее вопрос ответит отказом. Но бармен спокойно и как будто с удовольствием объяснил ей, как найти кабинет управляющего.

Варвара решительно открыл дверь с табличкой «Только для персонала». Дальше - вторая направо. Для дураков есть даже еще одна табличка. «Управляющий». Варя открыла дверь без стука.

Они оба повернули головы к открывшейся двери. Тихон сидел за столом, Ростислав стоял за спинкой его кресла. Оба явно только что смотрели на документ, «открытый» в мониторе.

- Мальчики, вы про нас забыли? – с какими-то нелепыми и невесть откуда взявшимися интонациями из жанетно-ирэниного арсенала спросила Варвара.

Слава переводил взгляд с Вари на Тихона. Молчание затягивалась.

- Ну, мы вроде... кхм... это... закончили, да? – Ростислав, наконец, остановил свой взгляд на Тихоне.

Тот после паузы едва заметно кивнул.

- Ну, тогда я побегу, - Рося снова шаркнул своей сорок пятого размера лапкой. Повернулся неловко. И чуть не опрокинул стоящую на углу стола шахматную доску с фигурами. Черная ладья упала на пол.

- Да чтоб тебя! – Ростислав полез под стол в поисках фигуры.

Шахматная доска. И если бы только это. В кабинете царила все та же аскетичность, что и в квартире. На столе, конечно, валялись какие-то бумаги, но было видно, что они там недавно, и что хозяин кабинета точно знает, что это за бумаги. Никаких сувениров, фигурок и всего такого, чем украшают кабинеты. Только какие-то дипломы или грамоты в рамочках под стеклом на стенах, числом четыре. Два шкафа: книги в темных переплетах, большие папки-скоросшиватели с документацией. И огромный кожаный диван. И доска эта шахматная. Вообще не к месту. Нет, вот тут как раз к месту.

- Ты играешь в шахматы, Тихон?

Вопрос был дурацкий, неуместный и... И тут ей вспомнился дед – конструктор танков. Нет. Она не хочет, чтобы падал волчок. И даже ответ уже не так важен. Тихон ведь снова отшутится. Ляпнет какую-то ерунду. И правды не скажет.

- Не, это Ростислав Игоревич сам с собой играет на досуге.

- Конечно, Ростислав Игоревич сам с собой играет, - Ракитянский вылез, наконец, из-под стола и со стуком поставил ладью на доску. – Потому что с Тихоном Аристарховичем играть неинтересно. Тихон Аристархович все время выигрывает. Еще имеет наглость предлагать мне играть на деньги. В шахматы! На деньги!

- У меня первый юношеский по шахматам, - хохотнул Тин. – Будто ты не знаешь.

- Вот врет и не краснеет! – возмутился Слава. – Варвара Глебовна, не верьте ему!

- У меня есть разряд!

- Ну не по шахматам же, - пожал плечами Рося и направился к двери.

- А по чему? – торопливо спросила Варя. Была уверена откуда-то, что Ракитянский ей ответит. А вот Тихон – не факт.

Ростислав посмотрел на друга, сидящего за столом. Перевел взгляд на Варю. Помолчал. А потом все же ответил.

- Греко-римская борьба. А я побегу, пожалуй. Пока Ирэна там скатерть не сжевала от тоски.

- Смотри, если сжевала – вычту стоимость скатерти из твоего гонорара. В трехкратном размере.

- Креста на вас нет, Тихон Аристархович!

- Не тебе одному ломить втридорога. А крест на мне есть и... Короче, иди уже отсюда! Спасай мою скатерть.

- Побежал, - Ростислав нажал на ручку двери. – Ирэна без меня, поди, затосковала совсем.

- Ее зовут Галя, - зачем-то уже в спину Ракитянскому сказала Варя.

- Да? – Слава озадаченно почесал в затылке. – Галя? А впрочем... - пожал плечами. – Какая разница.

И дверь за Ростиславом Ракитянским наконец закрылась. Тихон и Варя остались наедине.

Она медленно прошла и села на стул напротив него, с дугой стороны стола.

Я зашла на запретную территорию? За черту? Выгони меня. Дальше будет только хуже.

Тихон не торопился начать разговор. Но Варю молчание угнетало.

- Ты и в самом деле занимался греко-римской борьбой? Ходил в секцию?

- Да, - ответил он. Неохотно, но ответил. – Несколько лет. Хотя лучше бы я в шахматный кружок ходил.

Видимо, он хотел, чтобы фраза прозвучала смешно. А вышло тоскливо. Как и кривая усмешка в углу рта.

Наверное, сейчас можно задать еще вопросы. И, очень похоже, Тихон ответит. На что-то точно ответит. Но Варе вдруг стало страшно спрашивать дальше. Словно лезть в темный подвал. Вместо этого улыбнулась. Очень надеясь, что улыбка получилась не слишком фальшивой.

- Знаешь, у меня брат тоже много лет борьбой занимался. Только вольной.

- «Вольники» - слабаки! – демонстративно фыркнул Тихон, словно благодарный ей за смену темы разговора. – Классики выигрывают и у себя, и в вольной. Если ты «классик», то умеешь и классику, и вольную. Это точно.

- Божеее... - рассмеялась Варвара. – Как это знакомо. Вечная вражда между «классиками» и «вольниками».

- Ну, скажи, что я прав? – вдруг уперся Тихон. В шутку, но все же.

- Без понятия, - снова рассмеялась Варя. – Мне эти все ваши борцовские разборки до лампочки. Папа на все Колькины вопли по этому поводу, знаешь, как говорил?

- Как?

- С тренером по борьбе может поспорить только тренер по стрельбе.

Варя ожидала, что он рассмеется. Ну смешно же! Но Тихон даже не улыбнулся. И ответил неожиданно серьезно и задумчиво.

- Хорошая фраза. Батя у тебя мудрый мужик.

Почему-то на этих его словах что-то екнуло. Щелкнуло. Дальнейшие Варины слова ее саму удивили.

- Знаешь, вы с Колей очень похожи. Габаритами, привычками – и секция борьбы, и любовь к вареникам с вишней. И вообще...

Тут Варя смутилась. Замолчала. И почему-то ей казалось, что самым логичным ответом на это будет что-то вроде: «Да? Похожи? Познакомь нас, что ли?».

- Да? Бывает... - произнес Тин ровно. - Только я не хирург, как твой брат.

Сразу стало все ясно. Нет, ему это неинтересно. Ему это не нужно. Все, что не касается самой Вари и сексуального контекста их отношений, – побоку. А интерес во фразе про отца ей померещился. И тут Тихон неожиданно продолжил.

- Я вообще хирургов боюсь панически.

Эти слова Варю ошарашили.

- Ну да... Это прямо было заметно – при нашей первой встрече. Как ты меня боялся.

- А я всегда... когда мне страшно или я волнуюсь, начинаю всякую чушь нести. И делать.

Так. Надо поймать упавшую челюсть. И что-то сказать. Теперь детали их знакомства приобретали совсем иной оттенок.

- Правда? А я думала, что... - нет, нужных слов не находилось.

- Да не парься так, Вареник! – словно спохватился Тин. Усмехнулся. – Пьяный я был тогда – вот и все объяснение. Слушай, а у тебя какие планы на четырнадцатое?

Резкая смена темы разговора снова ошеломила. Тихон Аристархович не дает ей расслабиться. Так, собраться. Срочно собраться. Обдумает услышанное потом.

Варя протянула руку и коснулась его лба рукой. И вразрез с ее намерениями это прикосновение обернулось сладостью. Невинное и в то же время какое-то интимное. Кожа приятая, теплая, ровная. Так и хотелось запустить пальцы дальше, в русые волосы. Тихон вдруг прикрыл глаза. Явно наслаждаясь лаской. Варя, словно испугавшись, резко убрала руку. И Тин так же резко открыл глаза.

- Нет, жара нет.

- А с чего ты решила, что у меня жар? – спросил он чуть раздраженно.

- Мне на секундочку показалось... - начала Варя вкрадчиво, – что ты собрался пригласить меня на романтический ужин в честь Дня всех влюбленных.

- Чего? Какой день? Не, не слышал. А четырнадцатого у меня день рождения.

Варя расхохоталась – громко, звонко, сбрасывая нервное напряжение.

- Как тебя так угораздило, Тиша?

- Все вопросы к моей матушке. А она мне на это всегда говорит: «Скажи спасибо, что не восьмое марта, Тиша».

- И то верно, - все еще улыбалась Варя.

- Да и вообще – это все какие-то нарочно придуманные идиотские праздники, - с непонятым раздражением сказал Тин. – И я их отказываюсь признавать!

- Разошелся-то, разошелся...

- И, правда, чего это я? – подыграл ей Тихон. И уставился на нее выжидательно. Невинно распахнутыми глазами, которым она ни на йоту не верила. – Ну, так как? Какие планы на четырнадцатое?

- Так понимаю, я имею честь быть приглашенной? – чинно спросила Варя.

- Чести у вас, Варвара Глебовна, и без моего приглашения - хоть отбавляй, - так же чинно склонил голову Тихон. - Но буду рад видеть, да. Тут будем праздновать, в «Тине». Ничего особенного, попили, поели, меня похвалили, разошлись. Но вдруг тебе захочется...

- Захочется, - твердо.

Еще как захочется. Без вариантов.

А теперь ей предстояло ломать голову над подарком. Что подарить человеку, у которого есть три ресторана и огромный джип? Чем его удивить?

- Привет, Любашкин.

- Привет, хорошая моя, - рассмеялась невестка.

- Как дела?

- Дела растут, я круглею.

- Так это же замечательно! Ты себя как чувствуешь? Все в порядке?

- Все отлично. Скачу козой.

- И как это Коля тебе разрешает?

- Так я скачу, когда он не видит, - снова рассмеялась в трубку Любава. – Ты соскучилась или по делу?

- Соскучилась. И по делу.

- О, интересно! Рассказывай, какие у тебя дела могут быть к глубоко беременной женщине.

- Ну... гхм... как к стеклодуву.

- Ой... - разочарованно протянула Люба. – Тут я пас. Я уже давно к горелке не подходила. Я как забеременела – твой братец мне форменный скандал устроил. С топаньем ногами и цитатами из Семейного Кодекса.

- Да ладно?

- Правда-правда. А тебе чего нужно? Если только консультация вдруг, то я могу... - неуверенно произнесла Любава.

- Я хотела заказать подарок. Из стекла. На день рождения.

- Не, я точно не могу. Слушай, а давай у Берковича закажем? – воодушевилась Люба. – Он тебе черта лысого сваяет. Вообще так вырос в мастерстве – мне за ним теперь не угнаться никогда. Особенно со Звероящером на хвосте.

- Черта лысого мне не надо, - рассмеялась теперь Варя. – Давай у Берковича, я не против. Когда сможем?

- Я Егорке позвоню и тебе потом перезвоню, хорошо?

- Хорошо. А... Колька ревновать тебя не будет?

- Будет. Но мы ему не скажем, - беспечно ответила невестка.

- Любааа... Скрывать что-то от Звероящера – очень неосмотрительно. Он ведь все равно почует, даже если я промолчу.

- Ладно-ладно, - усмехнулась Люба. – Я ему скажу. Потом. Постфактум. Тебе подарок нужен или нет?

- Нужен.

- Ну вот и все. Я перезвоню. Если что, ты же меня на машине заберешь? А то я за рулем уже не помещаюсь.

- Заберу, - пообещала Варвара. – Жду звонка.

Егор Беркович, Любин партнер по стеклодувной мастерской, в которой он в последнее время хозяйничал единолично, встретил своих гостей радушно. Варя видела Егора живьем впервые – до этого только на фотографиях, размещенных на сайте. По сравнению с теми фото Беркович выглядел еще худощавее. Еще горбоносее. И симпатичнее – потому что теперь его волосы были коротко острижены.

- Тебе идет такая стрижка, Егорий, - щебетала Люба, пока хозяин мастерской разливал кипяток по кружкам.

- Угу. Полминуты горит, а потом красавец.

- Егор?!

- Подпалил себе патлы, - усмехнулся он и сел к столику. – Пришлось стричься почти налысо. Хорошо хоть морда лица цела.

Люба принимается ворчать, и Егор быстро меняет тему.

- Варя, что хочешь? Рассказывай.

- Цветы, - ей почему-то неловко. – Розу. Белую. Можно?

- Можно, - задумчиво произносит Беркович. – Не работал раньше цветы. Интересно попробовать... - трет горбинку тонкого носа. – Подружке в подарок? В смысле - девушке?

- Нет. Мужчине.

Егор и Люба так смотрят на нее, что Варя кажется, что она сейчас покраснеет.

- Что?! Зато оригинально!

- Более чем, - усмехается Егор. – Не то слово, как оригинально. Я бы офигел, если бы мне подарили букет стеклянных роз.

- А можно букет? – удивлена Варя.

- Можно букет, можно одну розу, две, три. Сколько скажешь. Вопрос упирается в деньги и сроки. К какому надо?

- К четырнадцатому февраля.

Люба ехидно улыбается. Егор серьезно кивает и начинает обсуждать вопрос цены.

Он долго смотрел на сообщение, не решаясь его открыть. Словно в этом сообщении тикала бомба. Или сидел вирус – если думать в терминах современных технических реалий. Но все же решился. Палец чуть дрогнул на сенсоре, сообщение открылось со второй попытки. Четыре слова.

С днем рождения, сын.

Он долго и молча смотрел на экран. А потом быстро, словно боясь передумать, набрал ответ.

Не знал, что ты научился отправлять смс-ки.

Ощущение, когда сообщение ушло, было до невозможности гадким. Как вкус пригоревшей каши во рту. Ответа не последовало.

Варя не знала, чего ждать от дня рождения Тихона. Готовила себя, вроде бы, ко всему. Но все равно оказалась удивлена.

Толпа народу. Толпа просто. Ресторан закрыт на спецобслуживание, полный зал гостей. Люди проходят, уходят. Кажется, Тихого знает половина Москвы.

Он с удовольствием принял ее подарок, обнял, поцеловал. Точно так же, как принимал подарки, обнимал и целовал кучу других людей. И Варвара снова почувствовала себя одной из. Из очень многих.

Ваза с букетом белых роз пристроена на столе. Лещ несколько раз порывался ее забрать хотя бы к себе, за стойку, мотивируя тем, что может разбиться. Тин каждый раз рычал: «Оставь!». И хрупкие стеклянные розы, вышедшие из-под талантливых рук стеклодувных дел мастера Егора Берковича, украшали именной стол.

От самой Вери не отходил Ростислав. Будто его к ней личным охранником приставили. Сидел рядом, развлекал анекдотами и историями, с кем-то знакомил, подливал в бокал, подкладывал в тарелку. Ни дать, ни взять заботливый дядюшка. А Варе с каждой минутой становилось все более тоскливо. И дело даже не в бесконечных девицах, которые на Тихона вешались. В конце концов, как вешались, так и отваливались. И не в том, что он почти не обращал на нее внимания. Ведь это его день рождения, его праздник, а статус их отношений совершенно не определен – для того, чтобы она была при его персоне постоянно. Да ей совсем и не улыбается быть при чьей-то персоне. Нет, не в том совершенно дело. Варя просто очень остро и четко почувствовала свою чужеродность всему этому. Абсолютную чуждость его миру, его друзьям, всему его окружению. Нет, под это она прогибаться не хочет. А он – не станет прогибаться под нее. Все зря. И напрасно она села тогда к нему в машину. И зачем только так заморачивалась платьем, прической и подарком? Никому это не нужно. Ни ему, ни ей. Ни-ко-му.

- Я поеду, пожалуй. Засиделась.

- Как это? – всполошился Рося. - Зачем это?

- Я устала, Слава, - Варя поразила мягкости своего тона. – Тихон и без меня не скучает. Передашь ему, что я уехала, если спросит, хорошо?

- Нет, нехорошо, - заупрямился Ракитянский. – Надо у Тина отпроситься.

И потащил ее к тому месту, где сидел именинник. Точнее, именинник стоял у стола и залиvisto хохотал в компании двух упитанных молодцев, один другого веселее. Вообще, веселы они были все трое. Сильно навеселе, если быть точным.

- Рося, ты про Тобольцева новость слышал? – начал Тин и замолчал, заметив Варю. Что-то стало случаться с его лицом. Какой-то виноватый излом в бровях. И с глазами что-то.

- Варвара Глебовна решили откланяться, - подчеркнуто церемонно доложил Рося. И ножкой снова шаркнул.

- Уже? – как-то бесцветно спросил Тихон. Двое веселых с интересом наблюдали. – Что так рано, Варенька?

«Варенька» Вареньке дико не понравилась. Нарочитая какая-то. Неуместная. Но ответила Варя в тон и почти елейно.

- Не так уж и рано, Тихон Аристархович. Пора и честь знать.

- Ладно, - покладисто вдруг согласился он. – Сейчас скажу, чтобы Сергей Леонидович тебя отвез.

Тин махнул рукой кому-то из персонала. Но первыми на движение его руки отозвались стеклянные розы. Отозвались шуршащим звуком упавшей на бок и покотившейся по столу вазы, а потом – звоном разлетевшегося на осколки тонкого белого и зеленого стекла. Пол в «Тине» - плитка под «камень». Букет рассыпался в мелкие брызги. Лишь одна роза чудом уцелела.

- Вот черт... - негромко произнес Тин в наступившей тишине. – Варя... прости.

- За что извиняться? – почему-то больно было так, будто эти осколки впились ей в ладони. – Это твой подарок. Волен распоряжаться как угодно. С днем рождения, Тихон.

Она хотела его еще демонстративно поцеловать в щеку. А еще лучше – потрепать по ней же – снисходительно этак. Но не смогла. И просто быстро пошла к выходу. Однако Ракитянский от нее так и не отлип. Догнал, ухватил за локоть.

- Погоди секундочку, Варвара Глебовна. Сейчас Сергея Леонидовича найду.

Сергей Леонидович значился служебным водителем Тина – и такой у гражданина Тихого водился персонал. Сегодня как раз Сергей Леонидович нес вахту – по доставке тела именинника домой. И его особо важных гостей, видимо. Тошно стало. Полный букет просто-таки. Тоскливо, больно, тошно. Варя сегодня с утра еще не знала, чего ожидать от этого вечера. Но сейчас была уверена совершенно точно – ничего хорошего.

- Слава, не надо. Я вызову такси.

- Варя, не будь врединой, - Ростислав уже держал телефон около уха. – Леонидыч, ты на месте? Отлично, подкатывай к входу. VIP-пассажир у тебя.

Ракитянский помог ей надеть верхнюю одежду. Проводил до машины, открыл дверь. «Чтобы удостовериться, что я уехала и больше под ногами не буду мешаться» - мелькнуло у Вари в голове. И тут за плечом Славика появилась мрачная тень.

- Рося, принимай командование парадом.

Ростислав ошарашено обернулся и уставился на друга.

- В смысле?

- В прямом. Заколебался я уже. Там все равно все уже пьяные, и всем весело. Вот так и держать. А я поеду. С Варей.

Ракета растерянно кивнул и отступил в сторону. В машину Варвара и Тихон сели в молчании. Просторный седан мягко тронулся с места.

- Слушай... А ты этот букет... на заказ где-то... да?

- Да.

- Скажешь, у кого? Я повторно закажу такой же.

- Такой же уже не получится, - тихо ответила Варя. – Это же искусство, Тихон Аристархович. Оно уникально. Неповторимо.

На это Тин ничего не ответил.

А у подъезда Вариного дома у них случился скандал. Потому что Тихон Аристархович выказал намерение отпустить машину, а Варя заявила, что она его на порог не пустит. К тому моменту она в полной мере осознала, насколько сильно он пьян. Просто в дым. Примерно в таком же состоянии, как в их первую встречу. Это было... полгода назад? Да, Тихон, похоже, пьет редко, но метко.

- Езжай домой, я тебе серьезно говорю!

- Не хочу домой. Хочу к тебе. Тебя хочу, – прижимает к себе, шепчет на ухо, обжигая горячим дыханием и парами алкоголя.

Ага, как же! Он пьяный, неадекватный, и хочется дать ему в лоб.

- Вали домой, Тихий. Тебе сегодня не дадут.

- Почему? Тебе же хорошо со мной.

- Мне с тобой хорошо, когда ты трезвый! – теряет терпение Варя.

- Не любишь ты меня, - горестно вздыхает он. Демонстративно надувает губы, по которым срочно хочется треснуть. Детский сад!

- Да за что тебя любить, алкоголик несчастный! Все, Тихон, марш в машину.

- Злая Варька... - бормочет он.

Терпение рассыпается окончательно, она хватается за руку и тащит к машине. Тихий не сопротивляется – и то хлеб. Потому что если бы он уперся, силой она бы его с места не сдвинула - непоставимые росто-весовые показатели.

- Домой. Спать! - сдавая Тихого на руки водителя.

- Не любишь ты меня... - еще раз трагически пробормотал он, неловко садясь в машину.

Нет, не детский сад. Ясли!

Варя успела переодеться. Снять макияж. Сходить в душ. И потом смутное беспокойство все-таки прорвалось. Надо было Тихона у себя оставить. Ну и что, что пьяный. Даже если бы приставать всерьез стал – не убыло бы с нее, перетерпела. Ведь знает, на что способен Тихий в таком состоянии – тонкий шрам по линии челюсти тому свидетель. И видимо, не только этот шрам. Вот вляпается же во что-нибудь. Как пить дать вляпается! Зачем она его отпустила? Почему выгнала? Лучше бы пусть здесь был. Пусть бы храпел пьяный. Пусть. Зато она бы точно знала, что с ним все в порядке. А теперь сиди и мучайся неизвестностью. Нет, сил нет. Схватила телефон. Длинные гудки болезненно долгие. И наконец хриплый голос в трубке. Даже не голос – сонное, невнятное и вопросительное:

- Ммм?..

- Ты где?!

- А ты кто?

- Тихий!

- Ой, Варя, не кричи так... - простонал он.

- Где ты? – и в самом деле, чего она орет?

- Дома... кажется.

- Один?

- Вроде.

- Тихон!

- Не кричи! Щас, свет включу... - мычит неразборчиво он. – Дома я, да. Один. – И, после паузы. – Пацаны на улице остались.

Ее только-только наметившееся спокойствие испаряется.

- Какие пацаны?! – ведь он же уехал с водителем?!

- Да местные какие-то, - зевает Тихон.

- Что им от тебя нужно было? – уже, кажется, догадываясь об ответе. И холодея.

- О высоком поговорить.

- Тиша...

- Ну и заодно телефон, бумажник и часы отжать – это уж как водится.

- Ты... - ей становится по-настоящему страшно. – Что с тобой?! Тебя... избили?!

- Вот еще! – фыркает он. – Что ты обо мне так плохо думаешь? Я не мальчик для битья. Но поскандалили чуток...

Благоразумие исчезает. Все исчезает. Дурацкий и неправильный страх затмевает все. Ей надо точно знать, что с ним!

- Я сейчас приеду к тебе!

- Вааарь... - сквозь зевоту мычит он. – Я про секс пошутил. Я сейчас в состоянии нестояния. Давай завтра. Оформлю тебе десерт по полной программе.

Что?! Кто про что, а вшивый про баню!

- Тихий! – и тут в голову прорывается все-таки здравая мысль. – Пришли мне свою фотографию. Сейчас же!

- Без трусов?

- Плевать! В трусах, без трусов! Чтобы лицо было видно!

Он без предупреждения отключается. Варя смотрит на телефон. *Только попробуй заснуть, сволочь, не прислав мне фото!* Мобильный пиликает. На экране красуется фото расстегнутой ширинки, в развале которой виднеется какое-то цветастенькое белье – все, как любит Тихий.

Вот напрасно ты меня злишь. Варвару трясет от странного коктейля - страха за него и злости – на него же. Быстро набирает сообщение.

Варя: Я беру скалку и выезжаю!

Вместо ответа приходит еще одно фото. Тин жмурится на свет вспышки. Лежит на кровати. Его кровать. Его комната. Варя внимательно вглядывается в фото. Следы побоев отсутствуют. Просто помятая рожа. Выдыхает облегченно.

Варя: Ты почему одетый спать лег?

Тихон: Мы устали.

Варя: Кто это – мы?

Тихон: Ручки, ножки и хвостик.

Смешок, сорвавшийся с ее губ – это от нервов.

Варя: Ты где местных гопников нашел?

Тихон: Они сами меня нашли.

Варя: Где?! Ты же уехал с водителем!

Тихон: Мне захотелось прогуляться.

А Варя захотелось застонать. Вот так она и знала. Что вляпается этот любитель острых ощущений. Надо было его домой тащить!

Варя: Как удалось отбиться?

Тихон: Силы были неравны. Но я честно предупредил, что несколько рук, ног и носов я успею сломать, прежде чем меня завалят и запинают. А потом предложил компромисс.

Варя: Какой?

Тихон: Им – часы и пальто, мне – мобильный и кошелек. Пацаны посоветались и решили, что сделка выгодная. На том и разошлись.

Варя обнимает себя и только тут чувствует, какие у нее ледяные руки. И это после горячего душа.

Варя: Тихий, ты придурок.

Тихон: А ты - ведьма, Самойлова.

Варя смотрит на сообщение, приоткрыв рот. А потом улыбается. Он в первый раз назвал ее по фамилии. Да не просто по фамилии – ведьмой обозвал. Но ей отчего-то хочется улыбаться. Ей это кажется каким-то очень доверительным. И как же хорошо, что с ним все в порядке, и он дома – пусть и без часов и пальто.

Это верх идиотизма – беспокоиться за двухметрового детину с наглым нравом и разрядом по греко-римской борьбе. Ведь как-то прожил он первые тридцать лет жизни без ее опеки. Вроде, неплохо прожил. Правда, шрамов нажил, но в целом целым и невредимым подошел к тридцатнику Тихон Аристархович. Чего за него беспокоиться? Это глупо.

Но это беспокойство сильнее Вари.

Варя: Все, Тихон, спать.

Тихон: Хррррр...

Это было последнее сообщение от него.

Действие девятое. Герой полностью осознает, что попал в капкан. И пытается вырваться.

Молчание Тихого стало ее всерьез бесить на второй день. Первый Варя дала Тихону на опохмел и «прийти в себя». Второй - она провела, сочиняя ругательные слова в адрес молчащего Тина и варианты расправы над ним. А на третий к обеду осознала, что ни разу не звонила ему. Точнее, в тот вечер после дня рождения позвонила ему в первый раз. А до этого он всегда сам первый звонил. Присылал сообщения. И Варя только сейчас это осознала. Оценила. И поняла, что в настойчивых мужчинах есть своя прелесть.

Ей пришлось еще и уговаривать себя, сверля глазами молчащий телефон. Хотела отправить ему сообщение, но потом решила, что это трусость и полумера. И, как только прием закончился, схватилась за телефон - благо, Волгина вышла из кабинета.

Сообщение об абоненте вне зоны доступа ошеломило. Нет, может быть, и правда – вне зоны доступа. Хотя в Москве и Подмосковье, кажется, таких мест, без сотового покрытия, уже не осталось. Может быть, разрядился телефон? В это тоже верилось с трудом. Для делового человека мобильный телефон – такой же жизненно важный орган как сердце. И вывод напрашивался однозначный.

Варя сузила глаза. Сжала губы. Шумно выдохнула через нос. Вот так вот, да? Без объяснений. Как вещь. Давай, до свидания. Не нужна больше. И я не доступен, потому что не люблю лишних объяснений.

Не выйдет, Тихон Аристархович, не выйдет. Придется объясняться. Хочу услышать от тебя твое фирменное: «Надоела, уходи».

Над тем, куда ехать, Варя думала недолго. Час ранний. Этот трудоголик упертый наверняка в «Тине». Ну, или там знают, где он.

Подходя к ресторану, Варвара вдруг замедлила шаг. Только сейчас осознала, как вход в заведение основателен и монументален. Внушительен. Всегда приезжая сюда с Тинном, Варя входила в заведение чуть ли не как хозяйка. Ну, как минимум, уверенно. А вот сейчас, подъехав на скромном Матизе, одетая в пуховик, джинсы, удобные зимние ботинки на плоской подошве и вязаную шапочку с дурацким помпоном, Варя почувствовала если не робость, то уж точно свое несоответствие этому месту. Хорошо бы на входе стоял Никодим, а не его напарник, с которым Варя так толком и не познакомилась.

Ей повезло. В дверях ее действительно встретил Никодим.

- Добрый вечер, Варвара Глебовна.

- Добрый, Виталий, - кажется, метрдотелю не понравилось обращение по настоящему имени. Но Варя это проигнорировала. Она была зла. Нет, она была в бешенстве. Пока – в холодном. – Тихон Аристархович на месте? У себя?

Виталий отрицательно покачал головой.

- А где он? – голос ее звучал требовательно, но Варваре было на это уже плевать. – Знаете, где он?

Она выглядит как сто брошенных им идиоток до этого, когда пытается разыскать Тихого, не отвечающего на звонки. Плевать. Тихо она уйти ему не позволит. Нет. Только глядя глаза в глаза.

На этот вопрос Виталий кивнул положительно. Но молчал.

- Ну?! – Варвара едва ногой не топнула. – Где он?!

- Дома, - после паузы соизволил ответить метрдотель. Всю эту паузу он изучающе Варю разглядывал, словно что-то решал. – Заболел Тихон Аристархович.

- Заболел? – недоверчиво переспросила Варя.

- Угу, - подтвердил Виталий. – Позавчера был тут – кашлял в кабинете так, что в зале слышно было. Вчера даже не приехал – говорил, сосем худо. А сегодня и телефон выключил – сказал, что совсем его достали звонками. Велел самим справляться.

- Справляетесь? – растерянно спросила Варя. Чтобы что-то спросить. Ситуация разворачивалась другим углом.

- Справляемся, - серьезно кивнул ее собеседник. И замолчал.

Собственно, все, что хотела, Варя выяснила. Надо уезжать. К нему.

- Ясно. Тогда поеду, навещу Тихона Аристарховича. О здоровье разузнаю.

- Не стоило бы, Варя. Он сильно болеет. И наверняка заразный.

Варя вздернула подбородок. Метрдотель пожал плечами. А потом повернулся в сторону вошедших посетителей.

Варя развернулась к дверям. Ее не оставляло ощущение, что Виталий хотел ей что-то еще сказать. Но не сказал.

А по дороге ситуация в ее голове снова развернулась. Словно в отсутствие Тихона волчок все равно продолжал крутиться.

Не болеет Тихий. Стопудово не болеет. А постельный режим у него с очередной блондинкой с буферами. И Виталий пытался ей это завуалировано объяснить. А Варя, как наивная дурочка, поверила в болезнь и кашель. Дура. Дурища. Да какая теперь разница. Все равно лучше убедиться своими глазами. При мысли о том, что может увидеть, стало тошно. За окном начинал догорать короткий зимний день. Уже прибавившийся, но еще короткий.

Напротив подъезда черным гранитным обелиском посверкивала эскалада. Значит, и в самом деле дома. Тем лучше. Тем хуже. Да какая теперь разница.

Она звонила в домофон несколько раз. Не открывают. Заняты. Очень. А потом дверь распахнулась, выпуская детскую коляску. Варя придержала дверь, помогла молодой женщине выкатить прогулочное средство с полугодовалым – навскидку – карапузом. А затем зашла внутрь. Если описать одним словом ее состояние, то это слово было бы «смерть». Чему или кому – это уже втрое слово. Лишнее.

Дверному звонку тоже пришлось потрудиться. А потом Варе все же открыли. За дверью стоял Тин. На нем был кое-как завязанный на талии и распахнутый на груди длинный банный халат – темно-коричневый, в какую-то дурацкую, почти шахматную, но серую клетку. Тихон опирался рукой на косяк и хмуро смотрел на нее. Квартира за его спиной была темна.

- А, ты... Чего случилось?

Отлично. Прекрасно. Даже войти нельзя? Варя стукнула его по руке, которой он опирался, и, воспользовавшись замешательством, шагнула внутрь квартиры. Никакой женской обуви в прихожей не наблюдалось.

- Почему у тебя телефон недоступен? – ее голос звучал резко. Требовательно. Слава Богу, что не истерично.

- Выключил.

- Почему?

- Потому что болею. Что, не заметно?! – он хотел фыркнуть, но зашелся хриплым кашлем. Надсадным, почти до рвоты. Схватился за горло, задышал тяжело. Ситуация опрокинулась снова. Волчок едва не упал на бок. А Варя неосознанно жестом протянула руку ко лбу Тихона. И тут же едва не отдернула - тоже неосознанно. Он был горяч. Невероятно горяч. Под сорок. Уже близко к той температуре, когда начинает сворачиваться кровь. По крайней мере, ей так в панике

показалось. И еще накатил стыд – за то, что позволила себе плохо о Тихоне подумать. Усомниться в нем.

- У тебя градусник есть?!

- В аптечке вроде был.

- Где аптечка?!

- Там, - вяло махнул рукой. – На кухне.

Проклиная на чем свет стоит упрямых до идиотизма мужчин, Варя рванула на кухню. В том, что Тихий гордо именовал аптечкой, обнаружился годовой запас презервативов, почему-то мазь от ожогов и все-таки градусник.

Тихон лежал на кровати и тяжело дышал. На засунутый в вырез халата градусник не прореагировал. На то, что Варя взяла его за запястье, щупая пульс, – тоже. Пульс отвратительный, тахикардия. Пиликнул электронный термометр. Тридцать девять и восемь. Варя сквозь зубы выдохнула.

- Сколько дней температура? – стараясь говорить спокойно. При том, что хотелось орать.

- Я утром... - голос его, и без того низкий, сейчас звучал вообще как у пропойцы-алкаголика – хрипло-хрипло. – После днюхи... Уже такой проснулся.

- С температурой? – вкрадчиво поинтересовалась Варвара.

- Ну.

- И поперся на работу...

Тихон промолчал. Да какой с идиота спрос?

- Что еще, кроме температуры? – продолжила Варя сбор анамнеза. Убивать она Тихого потом будет. – Кашель? Еще что-то? Горло болит?

- Очень, - он обхватил своей здоровенной лапищей собственную шею и с видимым усилием сглотнул.

- Садись! Я сейчас ложку возьму и вернусь!

На включенный свет Тин отозвался стоном.

- Зачееем?..

- Затем, что мне нужно горло посмотреть!

Ну и что, что она хирург? Гнойные бляшки видно невооруженным взглядом. Двусторонняя лакунарная ангина как она есть. Варя щелкнула выключателем и двинулась на кухню. Звонить сокурснице Полине, нынче работающей отоларингологом во взрослой поликлинике. Спустя пять минут у Варвары на руках был список медикаментов. Перед тем, как возвращаться в спальню, она заглянула для порядка в холодильник. Там было почти стерильно. А зачем держать дома еду, если у тебя три ресторана? Варя ругнулась сквозь зубы и отправилась спасать придурка.

- Тихон, где ключи?

- Какие? – То ли тупит, то ли издевается. В любом случае ему это отойдет. Потом.

- От квартиры. Я в аптеку схожу. И за продуктами.

- В кармане куртки, - после паузы ответил он. Тихо. Обессилено.

Варвара открыла рот, чтобы все-таки сказать ему пару ласковых. Но решила повременить с этим. Сначала лечение. Воспитание – потом.

- Ты ел? Сегодня? Вчера?

- Нет. Аппетита у меня нет.

- У тебя мозгов нет! – рявкнула Варя, не сдержавшись. Выдохнула. – Ладно, я пошла. Я быстро.

- Варь... - его вопрос застиг ее уже у двери. – Ты вернешься?

- И не рассчитывай так легко от меня отделаться!

И аптека, и продуктовый минимаркет оказались в шаговой доступности. Не пришлось даже в машину садиться – пешком получилось быстрее. Варя обернулась в полчаса. Торопилась. В квартиру вошла, слегка запыхавшись.

- Тиша, ты как? - окликнула от двери. Он не отозвался. Сердце дрогнуло, но думать о глупостях себе Варя запретила. Прошла в комнату. Хриплое дыхание слышно от порога.

- Тиша, переверачивайся на живот и попу оголяй.

- Зачем?

А ведь раньше была бы совсем другая реакция на эту просьбу. Многословная, веселая и пошлая. Сейчас он способен только на короткие вопросы.

- Укол тебе сделаю. Тройчатку. Сразу полегчает, обещаю.

Когда она вернулась из ванной, с вымытыми руками и подготовленным шприцом, Тин так же лежал на спине.

- Тихон, на живот. Живо!

Видимо, что-то было в ее тоне. Или ему сейчас совсем плохо, по-настоящему. Но он все-таки стащил с себя халат и голый перевернулся на живот. Уткнулся лицом в подушку. Варя не стала длить его мучения и вогнала «пятерку» в ягодицу.

- Не напрягай мышцу! – шлепнула по второй *gluteus maximus*, дождала поршень. Положила на тумбочку пустой шприц, прижала комок ваты и прикрыла его одеялом. Только тут почувствовала, что постельное белье влажное. И халат тоже. И поняла, что в комнате стоит тяжелый удушливый запах пота. Три дня жАра. И-ди-от.

- Сейчас температура начнет падать. Может начаться озноб.

Тин не ответил. Вара посидела на краю кровати пару минут – просто, чтобы удостовериться, что укол «зашел» нормально.

- Ладно, я на кухню.

Его надо накормить. Обязательно. Куриный бульон с белыми сухариками. И поить. Клюквенный морс – то, что нужно.

В спальню Варя наведлась через час. Первым делом пощупала лоб. Он был влажный и почти не горячий.

- Тиша, а теперь нужно сделать еще одно дело.

- Какое? – все еще способен разговаривать только короткими вопросами, заданными тихим голосом.

- Нужно сходить в душ.

- Не могу... - простонал он. – Сил нет.

- Надо. У тебя ангина. С потом выходят токсины, и их надо смыть с кожи. Давай руку – я помогу тебе встать.

- Не надо, - проворчал он. Медленно сел, потом, тяжело опираясь на матрас, встал. Чуть качнулся.

Тихон встал как был – голый. Халат остался лежать на кровати. Только тут Варя оценила, как он слаб. И заметно похудел, и темные круги под глазами. Три дня с жаром в компании ангины и без еды... А еще взрослый человек называется.

- Шуруй в ванную, - шлепнула его по бедру.

- И откуда ты только взялась на мою голову... - вздохнул Тин и медленно двинулся к выходу из спальни. Варя посмотрела ему вслед и вопреки всему залюбовалась. Отпадная у него спина. И задница, кстати, тоже.

- Воду слишком горячую не делай, сволочь неблагодарная! – спохватилась. – Подожди! - подскочила с места. – Сама сейчас включу тебе воду. И дверь не закрывай, - уже отрегулировав температуру и напор в душевой кабине и отходя в сторону от двери в ванную комнату, чтобы пропустить его.

- Будешь подглядывать?

Ого. Кажется, «тройчатка» и в самом деле подействовала. Начал огрызаться и шутить.

- Обязательно! – пообещала Варя. И отправилась на кухню проконтролировать бульон. А потом сменила постельное белье, настежь открыла окна – проветрить. К тому моменту, когда Тихон вышел из ванной, его ждала свежая постель, проветренная комната, две чашки на прикроватной тумбочке – одна с бульоном, другая с морсом - и упаковки с лекарствами, там же, на тумбочке.

- Тебе надо поесть. А потом лекарства выпить. Это обязательно – не спорь.

- Не буду спорить, - отозвался Тин. – У меня даже аппетит проснулся.

- У тебя мозги проснулись, - Варя вручила ему чашку с бульоном, когда он устроился в постели. И, пользуясь тем, что рот у него был занят, произнесла целую речь. На тему того, что взрослый человек, живущий в крупном мегаполисе, где нет ни малейших проблем получить квалифицированную медицинскую помощь, и умудривший довести себя до такого плачевного состояния здоровья, квалифицируется как идиот. Тихон не спорил, увлеченно хлебал бульон. Потом принялся за морс. Потом выдохнул сыто.

- Спасибо. Очень вкусно.

- На здоровье. Ты меня слушал?

- А Васька слушает да ест.

- Слушай, ты, Васька... Почему ты не позвонил хотя бы мне? Или Славе? Матери? Ради чего ты три дня лежал с высоченной температурой, когда можно было «скорую» вызвать?!

- По кочану, - ответил он хмуро. – Я не привык просить. Сам справляюсь.

- Сам? – прищурилась Варя. - Самец, значит?

- Самец, - кивнул Тин. – По-другому не умею. Да и вообще... Обычно само проходит.

- Само?! Ты знаешь, какие бывают осложнения после гнойной ангины, если ее не лечить? Вплоть до летального исхода!

- Да ладно, - фыркнул он. – От ангины не умирают.

- Тихон, тебе сколько лет?! – Варя вдохнула полной грудью. – Ведешь себя как ребенок! Выпороть бы тебя!

- Давай отложим все нововведения в нашу сексуальную жизнь на пару дней, а?

- ТИХОН!!!

- Не кричи так, - поморщился Тин. – Я все осознал.

- Что ты осознал?

- Что был не прав.

- Нет, ты был не «не прав». Ты сваял конкретного дурака, Тихон!

- Хорошо, - покладисто согласился Тин. Зевнул. – Как скажешь.

Тут Варю вдруг осенило. Как именно он умудрился организовать себе ангину. Это его про... фуканное пальто!

- Ты сколько без пальто шел после дня рождения?

- Немного, - пожал плечами. - Квартал.

- Дебиил. Тиша, ты...

- Ну, хватит уже! Я все понял!

- Понял он! – фыркнула Варя. – А скажи мне, герой-одиночка, часы-то хорошие были? Не жалко?

- Хорошие. Да и ладно. На другие заработаю.

Он заработает. В этом сомнений нет.

- Слушай, меня что-то срубает капитально, - продолжил, зевая, Тин. - Я эти дни не спал толком – так, то ли забытье какое-то, то ли бред.

- Идиот, - пропела Варя. – Вот ты кто. Спи.

- Вааарь... - окликнул он ее, когда Варвара встала с постели. – А ты не уйдешь?

Вообще-то уже вечер. Который еще чуть-чуть – и станет поздним. И надо бы домой. Завтра на работу, и все такое. Но что-то в его голосе заставило ее ответить иначе.

- Конечно, не уйду. Спи.

И он заснул.

Варя вымыла посуду. Загрузила в стиральную машину снятое постельное белье. Выпила чаю с печеньем. Заглянула в комнату, потрогала своему подопечному лоб. Температура нормальная, спит сном младенца. И Варя, не зная чем себя еще занять, пошла рассматривать квартиру – раньше как-то не до того бывало, да и Тин вечно под ногами мешался.

Наверняка, у него кто-то убирается – при его ритме жизни самостоятельно поддерживать такой идеальный порядок невозможно. Или Тихий просто законченный педант.

Недолго поборовшись с собственным хорошим воспитанием, Варя отодвинула в сторону зеркальную дверь огромного встроенного шкафа. В конце концов, она сегодня сюда уже заглядывала, когда искала чистое постельное белье. Педант, теперь совершенно точно видно – педант. Все разложено по полкам, коробкам, развешано по вешалкам. Аккуратно. Как в магазине, блин! И лишь одна полка пустая. Почти.

Варя осторожно протянула руку. И достала с полки белую стеклянную розу с отколотым лепестком. Долго смотрела на цветок, сотворенный руками Егора Берковича. А потом обратила внимание на остальные предметы на этой полочке, третьей сверху. Рамка с фотографией – изображением вниз. Но оказалось, что это не фото, а портрет. Нарисованный. Портрет Тихона – узнаваемый, но все равно техника какая-то странная. Неуловимо знакомая, но странная. Варя снова переворачивает портрет. На обороте старательно, каллиграфически выведено: «Брату Тихону от сестры Софии». И дата. Его последний день рождения.

Он говорил о сестре Лизе. Значит, есть еще и сестра София. И дед – конструктор танков. И... И, видимо, многое другое. О чем Варя не знает или только догадывается.

Еще на полке лежит светло-голубая атласная коробочка. В такой обычно продают недорогие ювелирные украшения. Варя почему-то страшно брать ее в руки. И открывать. Нет, нельзя лезть в чужие секреты. И так уже...

Пальцы снимают светло-голубую крышечку. Под ней, на белом атласе, лежит серебряная цепочка. И крестик.

Варя поспешно закрыла коробочку, поставила на место. Закрыла шкаф. И пошла на кухню ставить чайник и пить еще чай.

Вот уже девять вечера. Вот уже половина десятого. Наверное, надо уходить по-английски. И, едва она пришла к этому выводу, из спальни раздалось негромкое: «Варя...»

- Ты как? – привычно уже трогая лоб. Нет температуры. Замечательно.

- Человеком себя чувствую. Наконец-то.

- Вот, знаешь, всех этих страданий можно было спокойно избежать, если бы ты...

- Варя, хорош меня пилить!

- Ладно, отложу до лучших времен, - согласилась Варвара. – Тиш, мне домой пора.

- Погоди...

И вдруг потянул ее за руку. Почти насильно усадил на постель, рядом с собой. Уткнулся носом ей в плечо. А потом выдал на ухо то, что кажется ей сущим бредом. Галлюцинацией.

- Ты с ума сошел! – она смотрела на него, недоверчиво распахнув глаза.

Вместо ответа он снова потянул ее за руку. Прижал ладонь к паху. Там твердо и горячо. И... И это ненормально!

- Тихон, прекрати! – она отдернула руку. – Какой тебе, к черту, секс?! Ты несколько часов назад еле стоял на ногах! Про температуру забыл? Про слабость? О чем ты вообще думаешь?!

- Организм у меня такой дурацкий, - как-то смешно вздохнул он. – После болезни как начинаю поправляться, оно и просыпается. Со страшной силой.

- Оно – это кто?

- Ли-би-до это самое! Видимо, после стресса организм жаждет плодиться и размножаться, - Тин криво усмехнулся. – Помню, я в четырнадцать лет бронхитом болел. Сильно. Мать вокруг меня хлопчет: то чаю, то таблетки, то одеяло поправит. А у меня стояк такой, что аж больно. И стыдно.

- А что, облегчать свои страдания собственноручно ты тогда еще не умел? – против воли Варя улыбается, представляя картину.

- Умел. Да как облегчишь-то, если в комнату через каждые пять минут кто-то заглядывает. «Тиша, ты как? Тиша, тебе что-то надо?».

- Бедняга.

- Вааарь... - он снова потянул ее руку, толкнулся в ладонь. И это все выглядело невозможно абсурдно.

- Тихон! У тебя серьезная ангина! Тебе надо лежать спокойно, глотать антибиотики и обильное теплое питье! А уж никак не секс. Какая-никакая, а все-таки нагрузка. Сердце посадишь на фиг!

- Ну, хотя бы минет...

Это выходит за всякие рамки разумного! И даже детским садом не назовешь. Просто – апофеоз идиотизма!

Варвара резко отняла руку и встала.

- Хватит! Прекрати. Начинай вести себя как взрослый человек. Тебе уже не четырнадцать, в конце концов!

- Ну и ладно, - снова это дурацкое, детское оттопыривание нижней губы. Еще и отвернулся обиженно. - Ну и вали. Сам справлюсь. Давай-давай, Варвара Глебовна, уже поздно. Спасибо за участие и все такое. А сейчас мне нужно подро*ить. Поди вспомню, как это делается.

Нет, все-таки детский сад. Для капризных четырнадцатилетних подростков! Вместо нормальной человеческой благодарности за оказанную помощь Варю разводят на минет. Как девочку. Да пошел он!

Так она подумала. Так она решила. А сделала и сказала нечто совершенно иное.

- Ладно. Хорошо. Но при соблюдении трех условий.

- Каких? – он обернулся резко, быстро. И именно детская радость в глазах. Все-таки детский сад. Такой вот детский сад - с минетом.

- Во-первых, только минет.

- Хорошо, - кивает торопливо. Ну, еще бы он отказался.

- Во-вторых, воспринимай это как физиотерапевтическую процедуру. Лежать тихо, не дергаться и вообще – не совершать лишних телодвижений.

- Лишних не буду, - кажется, он из всех сил пытается не улыбаться.

- В-третьих, - Варя по-прежнему подчеркнута серьезна, и тон ее сухой и деловитый. – После ты пойдешь и примешь душ.

- Как скажете, доктор. Уже можно раздеваться?

- Валяй.

Через несколько секунд он уже лежал голый на спине. В полной боевой готовности.

Вот что она делает? Что?! Где здравый смысл? Гордость? Чувство собственного достоинства? Где это все? Почему она поддалась на этот дешевый – иначе ведь не скажешь – развод? Варя тряхнула головой. Какая, к черту, разница? Она согласилась.

- Руки за голову. И глаза закрой.

- Зачем?

- Поспорь еще со мной!

- И то верно, - он послушно закинул руки за шею и закрыл глаза.

Зачем она об этом попросила? Да и сама не знает. Чтобы дать себе время. Чтобы настроиться. Между прочим, это в первый раз у нее. Точнее, у них. У нее с Тином. Только сейчас Варя вдруг поняла, что они оба все это время табуировали по какой-то причине оральный секс. Руками трогали. Ртом – нет. Сейчас... а сейчас придется. И не то, чтобы ей это было неприятно или она боялась. Просто... Да хорош думать уже! Чего тут думать – в рот брать надо. Пообещала же.

Но начала почему-то с плеча. Тот самый, якобы от фурункула, шрам. Ключицы, темная поросль на груди. Кажущиеся почему-то беззащитно-умилительными на такой мощной груди мужские плоские соски. Дорожка темных волос, ведущая ниже.

В общем, пока Варя добралась по этой дорожке до цели, она сама конкретно и неожиданно для себя завелась. А когда услышала глухой стон в ответ на первое настоящее прикосновение, тогда она даже голову потеряла. И ее понесло. В сторону изысканных и томительных ласк. В сторону откровенного и бесстыдного. Туда, где нет запретного и непозволительного, где есть только острое, от которого сводит судорогой горло, желание доставить ему наслаждение. Кажется, именно в эти минуты Варю настигло понимание – как нужно заниматься оральным сексом.

Про «лишних не буду» Тин нагло соврал. Он метался под ней. Выгибался. Мял и сгребал до треска простынь. Что-то хрипло шептал. Кажется, матерился. Это ее, в конце концов, образумило. Результат, ей важен результат. Лишние нагрузки пациенту сейчас ни к чему. Кто говорил, что это физиотерапевтическая процедура? Правильно, она сама. И в несколько глубоких и плотных движений она довела его до оргазма - впрочем, Тин и так был уже ее стараниями на грани.

И, видимо, мозги у нее все же отключились. Потому что абсолютно закономерный с точки зрения физиологии финал стал для нее неожиданностью. И она едва не поперхнулась солоноватой теплой струей. В последний момент расслабила гортань и проглотила. Твою мать, Тихий! О таких вещах взрослые люди договариваются заранее!

Варя резко выпрямилась, часто дыша носом. И замерла. В свете ночника бисером блестели капли пота, усыпавшие все его лицо: лоб, скулы, над верхней губой. Он тяжело дышал и слегка дрожал. Негодующие слова застряли в горле. Без толку сейчас его в чем-то упрекать. Да и кто ей мешал договариваться заранее? Сама виновата, что не предупредила. Собственно, ничего страшного не произошло. И даже не противно, а она всегда именно этого и боялась - что противно будет. Потому и не соглашалась - с Юрой.

Не открывая глаз, он протянул руку. Потянул ее на себя. Варя решила не сопротивляться и прилегла щекой на влажную грудь.

- Ооох... - он шумно выдохнул. – Слушай, ну...

«Если он сейчас скажет про «классно потрахались», я завою» - пронеслось у нее в голове.

- Спасибо, Варюша. Хотя тут «спасибо» не отделаешься... - его губы коснулись ее макушки.

Варя едва слышно выдохнула. «Спасибо» - это лучше, чем «классно потрахались».

- Так поцеловать тебя хочется, - негромко продолжил он. – В губы. Но я понимаю – нельзя, ангина, все дела, и я заразный.

- Ты не заразный, ты - зараза, - усмехнулась Варя. - Тиша, ты мне кое-что обещал.

- Что?

- В душ, Тиша, в душ. Ты весь мокрый.

Он едва слышно застонал.

- Не могу.

- Ты ж всегда держишь свое слово.

- Ладно, - вздохнул обреченно. – Понял. Сейчас.

От двери в спальню он обернулся. Выражение его лица было странным. А слова – и вовсе неожиданными.

- Перестань пялиться. Я стесняюсь.

Варя фыркнула. Стесняется, ага.

- Иди в душ, стеснительный. Я отвернулась.

Пока его не было, Варя уже привычно сменила снова влажную постель, еще раз проветрила – не столько с целью санитарной, сколько ей казалось, что вся комната пропахла сексом и возбуждением. Хотя, наверное, это все у нее в голове. Внутри.

Она застлала постель под порывами холодного сквозняка из окна и мечтала, чтобы ветер прояснил что-то у нее в голове. Хоть какую-то ясность принес.

Приехала. Вылечила. Накормила. Напоила. Постель сменила - дважды. И даже минет сделала. И сама. Все сама. Вара натянула на подушку наволочку и выдала себе характеристику. Домработница. Прислуга. С расширенными функциями в области секса. Вот кто она такая на данный момент для Тихого. Надо называть вещи своими именами. И, самое главное, кто ее заставлял это делать? Никто. Сама. Все сама. Самка, бл*дь!

Обернулась на звук. Тин стоял в дверях, одетый лишь в полотенце на бедрах. Свежее, то самое, которое она сама положила в ванную вместо использованного. *Сегодня я твоя домработница, Тихий. Нравится?*

- Погоди, окно прикрою, - Варя поднялась с места и щелкнула рамой. *Еще и нянька я твоя сегодня, Тихон.*

Обернулась.

- Не стой так. Свежо. Давай под одеяло.

Он одарил ее непонятым взглядом, но послушался – влез под одеяло, укутался в него, как огромная гусеница.

- Так, я домой поехала. Таблетки не забудь выпить на ночь. Что и как пить, помнишь?

- Не уезжай.

Ей показалось, что ослышалась. Но он повторил.

- Не уезжай.

- Поздно, - Варя сумела выдохнуть едва слышно. – Почти десять уже. Мне завтра на работу. Еще до дому пилить сколько. Тиша, правда...

- Останься. Пожалуйста. Ты... нужна мне.

Ей хотелось заткнуть уши. Что-то горячее стремительно набухало в горле. А Тин выпростал свою лапищу из недр одеяла, подтянул Варю за руку к себе. И уткнулся холодным носом ей в ладонь. Потом прижался к ладони колючей щекой. Потом другой. Словно никак не мог пристроиться ловчее. А потом просто уперся лбом ей в живот, удерживая за бедра. И, оттуда, глухо:

- Не уходи. Пожалуйста. Нужна. Очень.

То горячее, что перекрыло горло, потекло вниз, опалило легкие, перебив дыхание, начало жечь в животе, прямо там, где его лоб. А потом стекло в колени и стоять стало совсем невозможно. И рвались слова - из груди, из горла, оттуда, где теперь не было этого тугого комка.

Варвара резко отстранилась.

- Хорошо.

Он поднял лицо.

- Останешься?

- Останусь. А ты ложись. Я сейчас на кухне уберу все, в душ схожу и тоже спать лягу. Устала. И вставать завтра рано.

Вышло сухо, торопливо, нелепо. Но Тин кивнул – серьезно и недоверчиво одновременно.

- Точно останешься? Правда?

- Точно. Правда.

И сбежала на кухню. Долго и тщательно мыла посуду. А потом переместилась в ванную. И там, под шум воды, прикусив большой палец на левой руке, правой быстро довела себя до оргазма. Но все равно в момент разрядки не помогла даже прикушенная рука. Потому что его имя рвалось с губ. Потому что представляла, что это его пальцы. Потому что если она этого не сделает сейчас в ванной, то, выйдя из ванной, сделает или скажет что-то по-настоящему необратимое. Потому что все смешалось: возбуждение тела и смятение духа. А теперь оставалось надеяться только на то, что за шумом воды ее стон не было слышно. Или на то, что Тихон уже спит. Надеяться хоть на что-то.

Варя лежала на дне ванной, вяло вслушиваясь в плеск воды, пресыщенная и презирающая себя. Сегодня она просто маэстро оргазмов. Сначала Тихону соорудила, потом себе. Кончала от своих пальцев с его именем на губах – именем того, кто находился сейчас не дальше чем в пяти метрах от нее. Господи, как же все запуталась. Не распутать. Не разобрать – что хочешь, как правильно и как надо.

В комнату Варя вошла на цыпочках. Тихо. Спит. Медленно, стараясь не шуметь, отодвинула в сторону дверь шкафа, достала первую попавшуюся футболку – она оказалась темно-синей. Поспешно накинула ее прямо сверху на полотенце, после чего вытащила его и повесила на спинку кровати. Футболка укрыла Варю до середины бедра. И скрыла отсутствие нижнего белья, которое сейчас сохло на полотенцесушителе в ванной.

Все, теперь можно спать. И она осторожно опустилась на противоположный край огромной кровати. Как хорошо, что Тин спит.

А Тин не спал. Едва ее голова коснулась прохладной подушки, как он уже оказался рядом. Притянул, прижал спиной к себе, облапил грудь – безо всякого сексуального контекста, а потому что так обнимать было удобнее. Припал губами к шее, дунув на волосы. И, тихо-тихо, шепотом:

- Ваааря... Не ушла. Варенька. Варюша. Варенька... моя.

Молчи. Молчи! Молчи!!!

Но он продолжал шептать. Это неправильное «моя». Это убивающее...

- Варя моя. Моя девочка. Варюшка моя. Варя. Варька. Моя Варька.

Она начала дрожать. А Тин, решив, что ей холодно, обнял крепче, прижал плотнее. И снова зашептал – все так же касаясь губами шеи.

- Не обижу тебя. Никогда не обижу. Слышишь? Слышишь, Варенька? Потому что... Потому что ты моя. Моя Варька.

Что-то лопнуло внутри – так, что, кажется, в комнате зазвенело. Варя не выдержала. Дернула плечом, обернулась резко, вынуждая его лечь на спину. И обняла сама - руками поперек груди, ногу закинула на него, губами уткнулась в шрам на плече. И теперь уже себя уговаривала.

Молчи. Молчи! Молчи!!!

Было страшно. Страшно и сладко. И снова горячий ком в горле. И сердце колотилось – загнанно, надрывно, словно пытаюсь вырваться из грудной клетки. Словно стучась в его грудную клетку, к его сердцу.

Впусти. Впусти. Впусти.

И все-таки слова прорвались. Не смогла их удержать. Вжимаясь губами в неровный рубец, тихо, почти неслышно.

- Тиша. Тишенька. Тишка. Мой. Мой Тишка.

Господи, сделай так, чтобы он спал. Тин, если ты не спишь, сделай вид, что ты не слышал.

Ни одна из ее просьб не была услышана. Его руки сжались вокруг нее сильнее. И шепнул так же тихо.

- Моя. Моя Варька.

Больше не было сказано ни слова. А самым удивительным было то, что оба свежезаявленных собственника менее чем через минуту спали. Крепко обнявшись.

Когда утром заголосил телефон, она не сразу поняла, где. Только выключив будильник и оглядевшись, Варя сообразила. У Тихона. И вот он сам, рядом. Варвара неосознанно протянула руку и коснулась лба. Температуры, кажется, нет. Или есть, но небольшая. Или он просто хорошо прогрелся – под теплым одеялом и в обнимку. Они так и проспали всю ночь – обнявшись. Что Варю несказанно удивило. Как и то, что она за ночь не проснулась ни разу. На новом месте. Имея привычку спать одной и широко раскинувшись на диване, проспала всю ночь, не шевельнувшись и обнимая Тина.

А он продолжал спать. Щетина за ночь уже практически превратилась в юную бороду. Синяки под глазами ушли. Спал спокойно, безмятежно, расслабленно. И пусть спит. А ей пора вставать и на работу.

Перед уходом она замерла в дверях спальни. Так уйти? Или все-таки разбудить? Словно в ответ на ее мысли Тихон заворочался, открыл один глаз.

- Тиша, я на работу поехала.

Он из глубин одеяла ответил что-то неразборчивое – агаспасибояещепосплюдверьзахлопнисозвонимся.

Ну и ладно. Созвонимся. Дверь она захлопнула.

Как было трудно собраться с мыслями. Они то разбредались, то сбивались в клубок и лезли одна на другую. Все смешалось в общую кучу, не разобрать, не вычленишь. А ведь ей работать надо. Хирург на личную жизнь во время работы права не имеет. Так ее учили. Но как же это трудно! Хоть в лоб себя бей. Чтобы не думать о том, о чем думать сейчас нельзя. И, в общем-то, бесполезно. Все равно пока полный бардак и сумбур в голове.

Нет, надо все-таки треснуть себя в лоб. Чтобы постоянно не думать: как он там? Чтобы не мечтать о том, чтобы сесть в машину и рвануть к нему. Чтобы не вспоминать это его убийственное - «моя». Что ты натворил, Тиша?! Что ты наделал? Что мы наделали? И как теперь с этим жить? Или, хотя бы, как ей теперь с этим один день отработать?

К концу приема ее уже потряхивало от нетерпения. Пальцы дрожали, когда брала телефон. Трубку он взял быстро.

- Привет.

- Угу. Привет, в смысле.

- Как самочувствие?

- Нормально. Твою мать, куда прешь?!

- Тиша... - растерянно. Тон, слова. Не этого она ждала. – Что происходит? Ты где?

- В машине.

- Ты... ты же болеешь!

- Поболееешь тут... - проворчал он. – Мне лучше. Едем с Росей – дела срочные.

- Слушай... - чувствуя, что начинает злиться. – С ангиной не шутят! У тебя вчера сорок было!

- Варя, не пили меня! – раздраженно. И, чуть мягче, но все равно с плохо скрываемым недовольством в голосе. – Я не маленький. Я нормально себя чувствую.

Не маленький, угу. Кто бы говорил.

- Ты лекарство, по крайней мере, пьешь?

- Пью! – в это время фоном в трубке раздался голос Ростислава. – Все, Варь, я занят. Пока.

Вот тебе и «созвонимся». Почему-то хотелось плакать. Но нет – не позволила себе.

А он не перезвонил. Ни вечером, ни на следующий день. Еще месяц назад ей было бы плевать. Еще неделю назад она не обратила бы внимания на то, что они не говорили несколько дней. Все поменялось. Моя. Мой. Твоя. Твой?

Она стала зависимой от него. И это было по-настоящему страшно. Когда ты зависишь – тебе могут сделать больно. Вольно. Или невольно.

Плевать. На гордость. На то, что раньше он всегда звонил первым. Плевать на то, что ему плевать на нее. Плевать... Да на все плевать.

Абонент выключил телефон или находится вне зоны действия сети.

Снова все повторяется. Снова его телефон недоступен. И снова она едет. Куда? В «Тин», куда же еще? И снова Никодим в дверях, и тот же вопрос.

- Он здесь?

Виталий отрицательно качает головой. Странное у него выражение глаз. Жалость, что ли? В задницу себе засунь свою жалость!

- А где?!

Метрдотель молчит. Варя понимает, что сейчас заорет. Завизжит. Устроит скандал.

- Он домой уехал, - наконец произносит Виталий. – Пару часов назад.

Отлично. Прекрасно. Доработался, Тихий. Наверняка, забил на таблетки. Снова окунулся в свою бурную ресторанный жизнь. Как же твои драгоценные рестораны без тебя? И тебя сейчас накрыло. Потому что ангина – не шутка. И ты снова сейчас лежишь дома с температурой и

слабостью. Потому что с ангиной не шутят, дружок. Ничего. Сейчас приеду. И выпорю! Как маленький, честное слово.

Варвара кивнула Виталию и развернулась. И услышала в спину негромкое:

- Послушай, Варя...

Обернулась через плечо.

- Что?

И снова это странное выражение глаз. Засунь его сам знаешь куда.

- Ничего, - покачал головой Виталий. – Осторожнее на дороге. Гололед.

И правда – гололед. Недавно была оттепель, а теперь подморозило.

И снова гранитным обелиском сверкает у подъезда эскалада. Значит, и в самом деле дома. И снова ей навстречу выкатывается детская коляска с полугодовалым карапузом. Варя придерживает дверь, пропускает. И входит внутрь.

И снова долго надывается дверной звонок. И снова открывается дверь.

Вместо халата на нем кое-как держащаяся на бедрах простынь. Там самая, которую Варя застилала. Вместо приветствия – дерганное движение головой. Читается однозначно. Чего надо?

Варя не успевает ответить на незаданный вслух вопрос. Появляется еще один персонаж. За спиной Тина. Над его плечом – платиновые волосы, кукольное силиконовое лицо. Пухлые губы задают вопрос.

- Тиша, кто это?

Тиша. Тишенька. Тишка.

Он дергает плечом, сбрасывает пальцы с длинным затейливым маникюром.

- В спальне подожди.

Кто она? Жанна? Какая-то другая? Не разобрать. Что-то вдруг стало застилать глаза.

Девушка уходит, а Варя почему-то и зачем-то провожает ее взглядом. Чтобы на него не смотреть, наверное. Обнаженная. Идеальное тело. И неважно, силикон это или нет. Плевать.

Падает простынь, когда он опирается рукой о косяк. Как тогда. Снова.

И вот он стоит перед ней. Голый. С эрекцией. Чтобы не было ни малейших сомнений. Чтобы вот так вот – во всей откровенности, неприглядности. Чтобы без шансов усомниться и не поверить.

- Ну? Вопросы еще есть?

В нос ударяет запах спиртного. Пьян. Хотя какое это имеет значение? Никакого. Или имеет. Он же пьет антибиотики. У него же ангина. Нельзя же. Что же он делает? Нельзя же так...

И даже в этот момент она, идиотка, думает о его здоровье!

Прорывается острое желание ударить. Туда, в пах, в эту неприкрытую демонстрацию его подлости и предательства. Чтобы согнулся пополам от такой же острой боли, которая сейчас не дает дышать ей. Ударить. А потом еще за затылок схватить и коленом в лицо, чтобы сломать нос – как Коля учил. Чтобы захлебнулся собственной горячей кровью. Чтобы... чтобы...

Вместо этого она со всего размаху отвешивает ему звонкую пощечину. Как девочка. Как долбанная девочка!

Его голова дергается. На какое-то краткое время ей кажется, что он сейчас ударит ее в ответ – так темно и страшно полыхнули его глаза. Выдохнул сквозь сжатые зубы. Сжал в кулак руку, что упиралась в дверной косяк.

- Добавка будет?

Вторая оплеуха отметила другую щеку. У него снова дернулась голова.

- Третий раз ударишь – дам сдачи.

Третьей пощечины Тихон не дождался. Лишь натянутая до звона спина и нимб взметнувшихся золотых волос.

Из авторской суфлерской будки показывается лохматая голова, оглядывает замерший в потрясении зрительный зал. Хмыкает. Слизывает с пальцев крошки шоколадного и печенья.

А чего сидим, уважаемые? Все в буфет. Антракт. АНТРАКТ, я говорю!

Действие десятое. На сцену под громовую овацию зрительного зала выходит любимец публики. Раскланивается. И делает то, что от него все ждут. Результат удивителен.

Из авторской суфлерской будки, со вздохом: «Ох, Коля, Коля...»

Его разбудил не будильник. Не какой-то иной посторонний звук. И не кто-то живой – голосом или прикосновением. Нет, проснулся сам – но резко, будто что-то все-таки разбудило. Привычно поднял запястье к глазам. А, точно. Новые часы он так и не купил. Пришлось шарить на прикроватной тумбочке телефон. Выключен.

Ждал, пока загрузится телефон. Точно так же что-то вяло подгружалось в память. Про вчерашний день. На том месте воспоминаний, где на Тина начала вешаться в его ресторане эта... как ее?.. а, впрочем, неважно... или важно?.. загрузка остановилась. А вот телефон радостно пиликнул, загрузившись. Оповещения, напоминки, тут же сработал будильник. Рядом кто-то вздохнул.

Господи, сделай так, чтобы это была Варя.

Но уже уверен был, что нет.

Руку протянул. И едва коснувшись кончиками пальцами гладкого бедра, уже совершенно точно знал – не Варя.

- Тишааа, утречкааа дооброгооо...

Захотелось взвыть, но вместо этого резко сел. Боль ударила в виски, затылок и лоб. И горло. То есть, почти всюду. И в сердце почему-то. Рядом, не прикрываясь, потягивалась пошачьи какая-то белобрысая кукла.

Дико хотелось пить. Теплого кисло-сладкого клюквенного морса. И чтобы этой мымры не было в постели.

- Воды принеси.

Белобрысая надула было губы, но передумала. Улыбнулась сладко.

- Как скажешь, Тишенька.

А ему хотелось заорать. Благим матом. *Уйди!!!* Но для такого крика адски болело горло.

Потом он жадно пил ледяную минералку прямо из горлышка бутылки. И пока по горлу, по подбородку и груди текла живительная влага, казавшаяся ему даже сладкой, в голову снова потекли воспоминания. Как точно так же по горлу вчера текли напитки. Пиво, коньяк, абсент. Все вперемешку. Чтобы наверняка. Для чего наверняка? Для анестезии. Чтобы не было больно, когда вырывать будет. Потому что когда режут по живому, когда обезболивающее почему-то не действует, это жутко, до помутнения сознания больно. Он помнит.

Помогло обезболивающее? Кажется, нет.

Снова срабатывает будильник. Звук похож на дверной звонок. Вчера звонили в дверь. Кто? Не хочет вспоминать. Не хочет!

- Мы трахались вчера?

Блондинка так и стояла около кровати – чтобы ему любоваться удобнее было. А ему зажмуриться хотелось. Не видеть. Не вспоминать.

Девушка нагнулась, подняла что-то с пола. Самым кончиками пальцев держала поднятое. Помахала силиконовыми доказательствами.

- Два раза, Тишенька. И второй раз ты...

- Вали отсюда! – проревел он сквозь саднящую боль в горле. Все. Вспышкой вспомнил. Спину. И нимб золотых волос. Обхватил себя руками. Холодная минералка замерзла в лед в желудке и стала все там распирать. Он обнял себя за плечи крепче и начал раскачиваться. И уже тише:

- Уходи. Уходи. Уходи.

- Ты чего такой злой с утра, Тиша?

- Быстро!

- Хоть денег на такси дай, - блондинка сообразила быстро, что ветер переменился.

- Портмоне в кармане куртки. Бери, сколько хочешь. Уйди только.

Спустя несколько секунд после того, как хлопнула входная дверь, его вырвало. Желчью, горечью и минеральной водой. У предательства всегда вкус желчи и рвоты. Тогда, в юности, его первое время тоже постоянно рвало. Именно желчью. Хотя, может, там было от перемены питания. А в этот раз – от пива с абсентом. Ага.

Он обессилено откинулся на подушки. Зажмурился, подышал через нос. Надо встать. И что-то делать. Обязательно надо что-то сделать. Пока он не сошел с ума от мыслей и воспоминаний, которые нагло лезли сквозь пробитую брешь.

Заставил себя собственноручно убрать то, что натворил в спальне. И презервативы заставил себя выкинуть, хотя снова затосило. Как девочка, бл*дь! Или как баба беременная.

Потом душ. Побрился. Порезался какого-то хрена аж два раза. Боль от защипавшего на порезах лосьона была почти сладкой. Пусть морда саднит. Пусть там.

Кнопкой чайника щелкнул привычно. А вот в кружку себе налил остатки бульона. Морс он допил еще позавчера.

Пил из кружки разогретый в микроволновке бульон. Приготовленный Варей бульон. Даже имя ее отзывалось болью внутри черепной коробки. И лицо ее - везде. На дне бульонной чашки. В окне. В экране мобильного. Везде. Белое лицо в нимбе золотых волос. И почему-то вспомнил такое же белое лицо отца. Сам весь черный, а лицо белое. Не мог оторвать взгляд от его лица. Все смотрел и смотрел – пока совсем из виду не скрылся. По лицу бежали слезы, но Тихон их не чувствовал. И над ним никто почему-то не смеялся. А должны были.

Куда бы посмотреть, чтобы не видеть лиц. Лиц тех, кого он предал. Чье доверие и любовь обманул. Куда спрятаться от их укоряющих глаз? На углу стола аккуратно лежит упаковка с лекарствами.

- Ты лекарство, по крайней мере, пьешь?

Пью, Варя, пью.

Старательно прочитал все исписанные мелкими буквами инструкции. Выпил, как написано. Запил остатками бульона и голым кипятком из чайника. А потом вызвал Сергея Леонидовича. За руль сегодня Тихону никак нельзя. Пальцы вон до сих пор дрожат.

Тремор. Слово вспомнилось – из Вариного обихода. Напридумывают эти медики разных слов для простых вещей. И снова в мыслях она – Варя. И боль, немного отступившая, вернулась. Тупыми молоточками в виски и противным жжением в желудке. Ему надо уйти из квартиры. Здесь совсем невмоготу. И он пошел одеваться.

На пороге вдруг замер. Дверной проем. Там, за порогом – она. Так же стояла вчера. Белое лицо. И Тину почему-то страшно стало делать шаг через порог. Слово перейти какую-то невидимую черту. После которой уже ничего не исправишь. Хотя какого хрена. Он шагнул за эту черту давно. И все равно Тихон зажмурился, выходя из квартиры. До кучи у него теперь еще и фобия дверных косяков и проемов.

По дороге в ресторан Тин решил, что ему надо все-таки выпить. Опохмелиться. Потому что адская головная боль и жжение в желудке не отпускали. Потому что было совсем херово. Потому что...

- Сангиной не шутят, Тиша!

У него ж еще и ангина. Впервые за очень долгое время ему захотелось стонать. Не от удовольствия и в постели с красивой бабой. А от боли и бессилия.

Хмуρο кивнул Никодиму на входе. Потом поговорит. Сначала - выпить.

- Леха, сидра мне налей. Вишневого.

Бармен, оторвавшийся от какого-то автомобильного журнала, который листал до этого, одарил хозяина ничего не выражающим взглядом и водрузил на темную полированную поверхность стойки невесть откуда добытую табличку «Бар не работает». Тихон опешил.

- Это чего такое?

- Не видно, что ли? – Лещ повернул табличку к себе, протер полотенцем. – Бар открывается вечером. Сейчас закрыт.

- Ты берега не попутал, Лещинский?! Сидра мне дай!

Бармен отвернулся и демонстративно принялся полировать коньячный бокал.

- Бунт, значит, да? – зло выдохнул Тихон. – Ну, дождетесь вы у меня...

Слез с табурета и пошел на кухню. Нельзя опускаться до склок с собственным барменом.

- О, явился - не запылится, - так прокомментировал его появление на кухне Михаил Александрович.

Тихон чуть не споткнулся о порог. Такое ощущение, что за те неполные сутки, что его не было, у него ресторан отобрали. По крайней мере, персонал вел себя так, будто Тихон тут не хозяин больше. Тин не хозяин «Тину».

- Саныч, налей, а? Знаю, у тебя наверняка заначка есть. Не может не быть.

Шеф-повар отвесил ему тяжелый взгляд. Поправил чисто профессорским жестом свои интеллигентные очки в тонкой серебристой оправе. И выдал.

- А половником по е*альнику не желаете, Тихон Аристархович?

- Чего?! – опешил Тихий.

- Шильцем в рыльце. Лопаткой по сопатке, - услужливо подсказывал Михаил Александрович. В руке он при этом сжимал тридцатисантиметровый немецкий «шеф», что как-то сразу добавляло его словам веса.

- Вы, мать вашу, совсем охренели! – взорвался, наконец, Тихон. – Забыли, на кого работаете?! Кто вам деньги платит?! Кто ваш хозяин?!

- Ты на моей кухне глотку не дери! – рявкнул в ответ Михаил Александрович. – Я пока еще тут шеф-повар, и на этой кухне хозяин – я!

- Чего с ним говорить, - раздался за спиной Тихого голос Леща. – Половником в лоб – и весь разговор. Или ножом уж сразу.

Тин резко обернулся. Мрачно посмотрел на бармена.

- Революцию тут устроить вздумали?!

- Угу, - невозмутимо ответил уже Никодим, тоже подтянувшийся на кухню. – Стачку. Забастовку.

- Я вам устрою стачку! Без выходного пособия!

- А я уже заявление об увольнении написал, - ехидно ухмыльнулся Лещинский. – Меня в «Самшит» давно зовут. Вазген Аргамович – человек приличный, семейный, не то, что это...

Тин устало привалился к косяку кухонной двери. Они стали его преследовать – косяки и дверные проемы.

- Садись, давай, - смилостивился шеф-повар. Кивнул в сторону разделочного стола. – Рассольника тебя налью. Тебе сейчас кисленького и горячего – самое оно.

- Тарелку с горячим рассольником ему на голову, - не унимался Алексей.

- Или в штаны, - поддержал Виталий.

- Ссс... сердобольные такие! До слез прямо! – огрызнулся Тихон.

- Крокодильим слезам не верят!

Тин вздохнул. Ничего не сказал больше и прошел к столу.

Рассольник был вкусный, горячий, и от него полегчало, как от самого лучшего лекарства.

- Вот что же ты бухаешь, если не умеешь, - нож шеф-повар почему-то все не выпускал из рук и так и пристроился с ним в ладони напротив Тихона. Рядом, не спрашивая разрешения, присели бармен и метрдотель. Просто районная партийная тройка на разборе дела! – Не умеешь – так не пей. Вот дурак дураком ты пьяный, Тихон Аристархович. Да еще и болеешь вон как потом. Не умеешь – так и не берись.

Тихон ел молча. И все пытался отделаться от ощущения, что это уже было. Он ест суп. Ему промывают мозги. Какое-то время было слышно только, как он прихлебывает невероятно вкусный рассольник. Потом Михаил Александрович нарушил молчание.

- Застукала тебя вчера Варвара Глебовна?

Ему не хотелось об этом говорить. Ему не хотелось об этом думать. И отвечать не хотелось. Дернул плечом, негромко буркнул, глядя в тарелку:

- Ну.

Нет, пора вводить штраф за мат на рабочем месте. Весь аппетит перебили, матершинники х*ровы! Тихон доедал суп без желания и под аккомпанемент мнений о своей персоне, которые высказывались очень без купюр. И кем?! Шеф-поваром, барменом и метрдотелем его собственного ресторана!

- А ты зачем ей сказал? – не выдержал Тин и напустился на Никодима. – Кто тебя за язык тянул?! Не мог сказать, что я в командировке?! В налоговой? Где угодно! На хрен ты меня спалил, а?! Я бы перебесился, и все нормально бы было!

- Нормально? – фыркнул Виталий. – Ни х*ра ты не понимаешь, что такое «нормально», Аристархович. Я, конечно, всю жизнь по кабакам да ресторанам ошиваюсь, но что такое порядочность, еще помню. А это твое потребл*дство вот уже где! – рубанул ладонью около горла.

- Нечего лезть в мою личную жизнь!

- Так не выпячивай свою бл*скую личную жизнь! И девчонок порядочных не трогай! – заорал вдруг Никодим. Лещ положил старшему товарищу руку на плечо, словно успокаивая.

- Господи... - прижал Тин ладонь ко лбу. Сумасшедший дом, а не ресторан.

- Не поминай имя Божье всуе, Аристархович, - строго одернул его Михаил Александрович. – Вспомнит о тебе раньше поры – не сдобровать тебе.

Он заглянул в кабинет – больше по привычке. Нарезал пару кругов по нему. Включил ноутбук, посмотрел в экран пустым взглядом – словно читать и даже видеть разучился. Нет. Не работник он сегодня. Совсем. Пусть все ждет до завтра. Что бы там ни было – пусть ждет.

Попросил Сергея Леонидовича высадить у магазина. Все-таки купил себе бутылку – не сидра, пива. И пошел в небольшой скверик, который располагался неподалеку от дома. Идти сейчас в квартиру Тихон не мог. Не мог, и все тут. Как лобное место там.

Сидел на скамейке, медленно потягивал пиво и щурился на яркое солнце. Погода на стыке зимы и весны шалит. То оттепелью поманит, то подморозит, то снегопад подкинет. Сейчас снова оттепель. Звонко, почти по-весеннему капает с карнизов. Солнце блестит на крышах, ярко отражается в стеклах. На рябине оглушительно чирикают воробьи. Мимо проходит женщина с девочкой. Девочка совсем маленькая, но, оказывается, уже умеет разговаривать.

- Мама! – громко, на весь сквер. – А почему дядя без шапки? А почему он пьет прямо из бутылки?

Тихону вдруг становится ужасно интересным – как ответит мама на вопрос дочки. Женщина окидывает его крайне неодобрительным взглядом. Крепче перехватывает детскую ладошку.

- Наверное, дядя очень хочет пить, - делая нажим на слове «пить». – А что без шапки – так, наверное, дядю в детстве не научили, что когда холодно, надо надевать шапку. А, может, дядя заболеть хочет.

Малышка с любопытством смотрит на странного дядю.

Дядя не хочет заболеть. Дядя хочет сдохнуть.

Сидя на скамейке в сквере с бутылкой пива в руке, он сдался. И элементы мозаики с радостным жужжанием начали складываться в его голове в общее полотно.

Моя. Моя девочка. Моя Варя.

Не врал тогда. Много дури совершил в своей жизни, но вот врать - старался не врать. В основном не врать. От этого и все его беды, наверное. Что притвориться, когда надо, не смог. И в ту ночь не соврал. Прорвалось тогда – из глубин, откуда-то совсем из неизвестного самому себе места. Но сказав один раз, не смог остановиться. Кайф просто ловил, повторяя эти слова, эти и другие. Потому что это правда. Правда, которая где-то пряталась внутри и теперь, воспользовавшись тем, что он болен и слаб, вырвалась. И радостно и неприкрыто праздновала победу, пока он шептал эти слова и признания. Когда шалел от ее ответного тихого «Мой Тишка». Когда поверил на какие-то краткие мгновения – все так. Она его, а он ее. И они вместе. Не разорвать.

А утром... А что – утром? Утром он проснулся собой. Тем, кто был давно сам по себе. Ни от кого не зависим. Никому не должен. Хозяин своей жизни. Свой собственный. И ничей больше.

А слово ведь не воробей. Вылетело уже. Мой. Моя. Что он натворил? Что наделал? Как все вернуть? Как себя вернуть? Варя, отдай мне меня.

Не отдаешь? Не отпускаешь?

Не отдаешь.

Не отпускаешь.

Сам заберу. Сам оторву. Спасибо потом скажешь. Все равно я всегда разочаровываю тех, кто меня любит. Видно, такой уж человек. От которого лучше держаться подальше. Жаль, что поздно понял. Жаль.

Лучше бы ему остаться на той скамейке в сквере. И ночевать бы там.

Потому что он снова замер перед входной дверью. Теперь с другой стороны. На том месте, где вчера стояла Варя. Стояла и смотрела на него. На него, который...

А что бы он почувствовал, если бы оказался в самом деле на ее месте? Если бы увидел ее голой с другим? С Юриком этим уродским? Хотя сам он чем лучше? Знал ведь. Точно знал, что делает. Куда бьет.

Но если бы увидел ее с другим, сейчас бы сидел в отделении и давал признательные показания. Потому что убил бы. Или, как минимум, тяжкие телесные. Ему. А ей...

А ее он убил. Вчера. Теперь понимал это точно. Ну, или, как минимум, тяжкие... душевные. Если бывают такие.

Бывают. Он знает. И тяжкие телесные, и тяжкие духовные.

А ведь когда звонок затрезвонил, он сразу понял, кто это. Непонятно почему и откуда, но понял сразу. И без сомнений. В какой момент застал их этот звонок? До? После? Между первым и вторым разом? Не помнил. Почему-то ни черта не помнил, как все было у него с этой куклой. И хотелось даже представить, что не было ничего. Не помнит, значит, не было. Но хрена там. Слишком явные доказательства обратного.

Смутно вспомнил вдруг, как белобрысая просила его не открывать дверь. А он поперся. Поперся открывать дверь, точно зная, кого увидит за нею. Потому что решил, что если Варя приехала именно в этот момент, значит, судьба. Значит, так тому и быть. Значит, правильное решение он принял.

А вот и ни хрена. Неправильное. Потому что к ночи он осатанел. С маниакальной педантичностью глотал таблетки. *Она*. Смотрел на розу с отколотым лепестком. *Она*. И в телефоне открыт контакт. *Она*. И простыни на кровати. *Она*. И везде – она.

Та, которую он предал. Всех предал в своей жизни. Всех. Самых главных людей. Отца. Женщину. Один остался. Как и хотел. А теперь что? Только сдохнуть. Зато - один. Зато – сам себе хозяин. Никому не должен. Никому не нужен. Свой собственный. Ничейный.

Сейчас телефон треснет, так крепко он его сжимает. Позвонить. И голос ее услышать. А не услышит. Она не возьмет трубку. Она от него отвернется. Как отвернулся отец. И Тихон больше никогда... никогда ее не увидит. Зато - один. Сам. Свой. Ничей.

А вот и хрен!

Нет-нет-нет. Нееет. Не может быть так, чтобы он и во второй раз все испортил. Дан же ему был этот шанс. Этот второй раз. А он что? А он дурак, конечно. Но исправит. Да не может быть такого, чтобы нельзя исправить! Теперь ему не четырнадцать. Ему тридцать. Он взрослый. Он сильный. Достанет у него воли и упрямства. И не е отдаст. Не отпустит. Вернет. Не может быть, чтобы нельзя было вернуть.

Ну, гульнул. Да, скотина. Осознал всю меру и глубину. Больше не повторится. Правда. Честно. Он не верил в это даже тогда – в юности. Что кто-то поверит в это его дурацкое: «Я больше не буду». Но теперь-то все иначе. Теперь он умнее. Сильнее. И возможностей – вагон.

Цветы? Он купит ей цветочный магазин. И кондитерскую. И винный бутик. И машину купит: что она на своей смешной табуретке ездит? Хорошую дорогую машину. И золотые часы. И шубу. И кольцо с бриллиантами. Вульгарное и блестящее. Два кольца. Три.

Или одно. Тонкое и золотое. Да, даже так. И даже тонкое обручальное кольцо. На самый крайний случай. Если все остальное не работает. Хотя бы пообещает.

Лишь бы вернуть. И он вернет. Во второй раз сможет. А о том, что это невозможно, он думать не будет. Невозможного нет. Вот это он себе и должен повторять.

Кажется, засыпать с телефоном в руке, на экране которого открыт контакт Варя, вошло у него в привычку.

Она проревела несколько часов. Даже предположить не могла, что человек способен плакать способен плакать столько времени подряд. С перерывами на туалет, попить водички и попытки успокоиться. И не какой-то абстрактный человек, а она сама, Варвара Самойлова, взрослая женщина и хирург, способна на такое.

Но слезы текли и текли. Горло сжималось и сжималось. Рыдания душили и душили. И она плакала. Ревела. Всхлипывала. Какая-то часть мозга, не парализованная болью, понимала: все

правильно. Это нужно сделать. Чтобы вышел гной из раны. Вытек яд. Слезами вымыть всю грязь и инородные тела.

А потом она проведет антисептическую обработку. Спиртом. Напьется. Завтра или послезавтра. Потом зашьет. Забинтует. И будет жить дальше. Сможет. Сумеет. Уже делала так. Правда, во второй раз почему-то еще больнее. Ну так сама виновата – нечего было самым мягким, самым уязвимым местом подставляться.

В три часа ночи Варя усилием воли заставила себя выпить валерьянки – ничего другого из седативных в доме не было. И легла спать. Пару раз еще всхлипнула. И неожиданно уснула.

Утром будильник вызвал самую настоящую, с трудом переносимую головную боль. Мелькнула малодушная мысль позвонить заведующему и сказать, что заболела. Потому что ну как отработать целый день, если спала меньше четырех часов? Что она – не человек, что ли? Заболеть не может? С начальством у Вари отношения прекрасные, в том числе, и благодаря отцу – она это четко понимала. Именно поэтому заставила себя встать с постели. Нечего тут. И вообще, уж работа ее точно не предаст. И работу надо ценить.

Волгина руками всплеснула на ее появление в кабинете. Да, такая уж у Вари кожа, что до сих пор и глаза, и нос припухшие. Варвара внутренне подобралась. И напрасно. Зоя Анатольевна промолчала. Хотя наверняка догадалась – и о том, что Варя ревела накануне. И даже о причинах, скорее всего, все поняла. Но не сказала ни слова. А вместо этого прикрывала Варю весь день. Все, что смогла, взяла на себя. Словно закрыла своей пышной фигурой Варвару ото всех: от любопытных взглядов, коллег, ненужных разговоров. Оставив Варю только то, что никто, кроме нее не смог уже сделать. Работу. В тот день Варя поняла, как ей повезло с медсестрой. Золотой человек. Сердце золотое. И руки золотые – хоть целуй. Только бы время выкроить на это.

А со временем все плотно. Как по заказу – непрерывным потоком. И Варя вскрывала, зашивала, перевязывала. И только к концу приема поняла, как это ей помогло. Выстояла. Выдержала. Сегодня еще закрепить эффект спиртным. Выпить. Вырубиться – усталость и недосып уже сказываются. А завтра будет легче. Самый первый, самый страшный день она пережила. Это как с операцией. Еще будут рецидивы и возможные осложнения, но самый трудный и важный день - первый после операции. Она его пережила.

Телефонный звонок настиг Варю, когда переодевалась. Взяла аппарат с опаской. И облегченно выдохнула, увидев на экране лицо красивой темноволосой девушки. Номер Тихого она удалила сразу же. И даже всякими черными списками не стала заморачиваться. Он ей больше не позвонит. И нечего дергаться.

Варя ответила на звонок.

- Ну, ты где? – раздался звонкий голос. – Я уже все колеса тебе обпинала.

- Эээ... Привет, Любашкин.

- И тебе привет, - рассмеялась невестка. – Выходи, давай, заждалась я тебя, госпожа хирург.

- А ты где? – уже догадываясь об очевидном.

- У твоей машины, - довольно отрапортовала Люба.

- А... зачем?

- Соскучилась!

- Слушай... - Варя вздохнула. Невероятно некстати сейчас Любава. Совершенно.

- Только не говори мне, что у тебя грандиозные планы на вечер! – взмолилась Люба. – Хотя... если свидание... - невестка вздохнула. – Я понимаю. Извини, если не вовремя. Точно. У тебя же там есть кто-то, кому ты розы стеклянные даришь. Так что если свидание, - немного деланно рассмеялась Любава, - так я все понимаю и...

- Нет никакого свидания! – резко. Выдохнула. – А чего тебе дома не сидится? В вашем положении, мадам...

- Не начинай! – фыркнула невестка. – Я уже с тоски вою. То нельзя, туда не ходи.

- Коля дежурит? - догадалась Варя, параллельно натягивая пуховик.

- Нет. Но у него же теперь обширная частная практика. Он сегодня в разъездах допоздна. Представляешь, до чего я дошла? Ему в двенадцать ночи звонят какие-то бабы, а я даже не ревную уже.

- Правда? – невольно улыбнулась Варвара, кивая на прощание медсестре и выходя из кабинета.

- А толку? – беспечно отозвалась Любава. – Коля сразу начинает нудно перечислять, сколько ему платят за частные консультации. Знаешь, у твоего брата как-то незаметно любопытная особенность развилась.

- Какая?

- Он одним-двумя словами действует как слоновья доза успокоительного. Даже на меня. Ну и на других... дам... тоже. Звонят ему, рыдают так, что даже я слышу. Он им что-то скажет – и все, тишь, гладь, вмняемая женщина. Вот такой у тебя брат, оказывается, - Люба рассмеялась, но в голосе чувствовалась странная гордость.

- А раньше было наоборот. Умел одним-двумя словами довести до белого каления.

- Ой, это он тоже по-прежнему умеет. Ну, где ты там? Выходи, Леопольд. Выходи, подлый трус.

- Ничего я не трус, - Варя толкнула стеклянную дверь. – Выхожу.

Люба действительно стояла возле ее машины. Короткая расклешенная норковая шубка, брюки для беременных. Варя некстати подумала о том, как, наверное, брат гордится женой. Любаву даже последние месяцы беременности красили. Подлецу, как говорится, все к лицу.

И мозги, что характерно, Любе тоже не отказали. Потому что ей хватило одного взгляда.

- Варя, что случилось?

- А что у меня может случиться? – Варя с независимым видом открыла машину. – Это вообще я должна у тебя спрашивать – что случилось? Какие новости? Как малышка?

- Зубы мне не заговаривай! – рывкнула Люба. Взяла золотку за плечи, взгляделась в лицо. – Всю ночь редела? Из-за кого? Из-за этого, с розами?!

Варя почувствовала, как начинает дрожать подбородок. Ну, правильно. День рабочий окончился. Можно ослабить натяжение. И Люба так некстати...

- Так... - резюмировала сцену Любава. – У тебя дома выпить есть?

- Тебе же нельзя.

- Мне нельзя, а тебе надо!

- Вино, кажется, есть.

- Вот и хорошо. Проехали. Дома все расскажешь.

- Любаш, да не стоит... Да и в твоём положении...

- Как миленькая все расскажешь! – инквизиторским тоном пообещала Люба, садясь в машину.

А в машине Любава вдруг положила руку на Варину, тронувшую рычаг переключателя коробки передач.

- Варюшка... - неуверенно. – Ты мне только сейчас скажи... Ты не беременна? - посопела через нос. - Аборт? Выкидыш?

- Нет, - криво усмехнулась Варя. Вот только этого ей бы сейчас не хватало для полного счастья. Залететь от Тихого. От одного - «венеричка», от другого – ребенок. Зашибись было бы. Варя подавил истеричный вскрик. – Нет, Любаш, я не беременна. Я же взрослый человек, врач. Со мной таких глупостей не случается.

-Ага, - выдохнула Люба. – Это хорошо. Поехали. Будем пить. И разговаривать.

- Понимаешь, Люб... - Варя покачала вино в бокале. Красное. Десертное. Сладкое. Как ирония - в контрасте с тем, о чем она собиралась говорить. – У меня парень был. В студенчестве. Ну, как парень. Жених, наверное. Любила его. Сильно. Замуж за него собиралась.

- Юра? – подсказала Люба, осторожно пригубивая горячий чай. – Что? – в ответ на удивленный взгляд. – Ник рассказывал.

- А, ну да, - невесело усмехнулась Варя. – Кое-что Колька знал. Но не все. В общем, изменил Юра мне. Но это не главное. А главное – что он меня заразил. Венерическим заболеванием.

Люба едва не поперхнулась чаем. Отодвинула кружку, прижала пальцы к губам и уставилась на Варю широко распахнутыми глазами.

- Да не пугайся так, - хмыкнула Варвара. – Слава Богу, не сифилис, не гонорея, не еще что похуже. Так, можно сказать, версия лайт. Трихомоноз. Слышала?

Люба потрясенно помотала головой.

- Коля знает?!

- Нет, - Варя отпила вина. – Никому не говорила. Сама вылечилась. Да и стыдно.

- Да Коля бы тебя понял! – взбунтовалась Люба. – Он тебя, знаешь, как любит!

- Он бы Юрке нос сломал, - все-таки улыбнулась Варя. – А зачем это нужно? - махнула рукой - Да и кому?

- Ты его снова встретила? Он к тебе пристаёт? Из-за чего ты плакала?! – Любу снова прорвало на вопросы.

- Встретила, - Варя налила себе еще вина. – Другого. Снова влюбилась, блин. И мне даже показалось, что и меня тоже... Так, мать его, показалось! А меня вместо этого снова... - запила всхлип вином.

- Заразил?! - потрясенно выдохнула Люба.

- Да нет, - Варя смахнула упрямую слезу со щеки. - Я теперь не такая наивная, без резинок в руки не даюсь. Просто... Просто изменил. Застукала я его с поличным, Любаш. Голым. С другой.

Тонкие изящные пальцы Любы Самойловой, те самые пальцы, которыми она умела виртуозно управляться с раскаленным стеклом, сжались в небольшие кулачки.

- Мне бы за горло его подержаться... - свистящим шепотом.

- Вот что со мной не так, Любашик, а? – тоскливо спросила Варя. – Один - изменил, еще и «подарком» наградил. Другой изменил, да еще практически у меня на глазах. Мало того, что сначала говорят: «люблю», «моя», а потом обманывают и предают. Так еще и лицом тыкают – вот, мол, какая ты дура. Наверное, и, правда, дура. Второй раз. На те же грабли. Что со мной не так, Люб? Что мне только одни уроды попадаются? – все-таки всхлинула. Потом икнула.

- Не дури! – Люба сунула ей под нос бокал. – И с больной головы на здоровую не перекладывай! С тобой все в порядке. Ты у нас умница, красавица и вообще - хирург. Отсекай ненужное! И, знаешь... - Люба забрала Варин бокал с вином и решительно допила остатки. – Бог троицу любит! Вот третий будет у тебя... - оттопырила большой палец. – Вот какой! Так что хорош киснуть и готовься встретить настоящего мужчину в своей жизни!

- Бокал отдай! – все-таки улыбнулась сквозь слезы Варя. – Тоже мне, будущая мать, а туда же.

- Уже можно! – с непонятной уверенностью ответила невестка. – Ребенок уже сформирован полностью, и от глотка вина ничего нам не будет. А мне надо! И... Ох... - выдохнула и прижала руку к низу живота слева. – Дочь тоже возмущена мужской подлостью. Распиналась вовсю.

Варя улыбнулась уже увереннее. Приложила ладонь к круглому животу и вслушалась в толчки. Там маленький ребенок. Чудо новой жизни. Девочка, с которой у самой Вари общая кровь. Ее племянница. И вот это по-настоящему важно.

- Ладно, все, - уже привычным жестом оторвала бумажное полотенце, высморкалась. Второй рулон за сутки. – Пережила Юрия. Переживем и Тихона. Время все лечит. Все, что мне нужно – время.

- Тихон?! Господи, Варька, где ты это чудо в перьях нашла?

- Сам свалился, - отмахнулась Варя.

- Он твой коллега?

- Нет. Я в этот раз богатенького... подцепила. Ресторатор он. Довольно успешный.

- И как теперь по ресторанам ходить? – проворочала Люба. – Эх, если бы не мое положение... Я бы Надин позвонила...

- И что?

- Потолковали бы с твоим Тихоном. Ласково. Как девочки, - ноготки застучали по столу. – Нежно-нежно. За все его старания. Ссс... скотина!

- Перестань! – немного пьяно хихикнула Варя. У Любавы по сравнению с ее сестрой Надей характер еще мягкий. Надиного крутого темперамента даже Варя не то, чтобы побаивалась, но опасалась. Ей под горячий язык лучше не попадаться. Один только человек знал, как с ней справляться. Но этот человек и с суперкомпьютерами умел ладить. – Слушай, а ты... в Коле никогда... не сомневалась?

- Нет, - с завидной уверенностью. – Я и ревную его только для тонуса, - улыбнулась смущенно Люба. – Я же знаю, что он никогда... И он знает, что я... Да брось, Варя! Два урода – это не показатель!

- Однако, тенденция, - ответила Варя фразой из известного чукотского анекдота.

- Нет, не тенденция, - упрямо не согласилась Любава. – Просто... Да я просто уверена, что третий будет идеален. И он уже ждет тебя, Вареничек! Слушай, - внезапно воодушевилась Люба. – А тебе Егорка понравился? Он славный. А с новой стрижкой так вообще красавец!

- Перестань! – Варя не верила себе, что улыбается. Что спустя сутки после этого у нее уже получается улыбаться. – Не порти мальчику жизнь. Сама справлюсь.

- Справишься, конечно, - уверенно кивнула Люба. - Ты только этого своего козла забудь, и все будет хорошо.

- Легко сказать... - выдохнула невесело Варвара. – Вряд ли смогу. Так скоро. Время нужно.

- Ничего, он подождет! – уверенно ответила невестка. – Принц твой. Дождется. Понимаю, хорошая моя, что трудно. Но ты справишься, - Любава обняла золовку за плечи. – Ты же у нас сильная. Ооох... - снова положила руку на живот. – Николаевна совсем разбушевалась.

- Бунтует? – улыбнулась Варя.

- Угу. Наверное, домой мне пора. Отец наш скоро явится. Он, конечно, будет «ни петь, ни свистеть» после своего «обхода». Но покормить и почесать за ухом Звероящера надо обязательно.

- Конечно, обязательно! Давай, езжай. Поздно уже. И... спасибо. За все.

Люба лишь фыркнула.

В прихожей, помогая Любаве надеть шубку, Варя произнесла нерешительно.

- Люб... Ты не говори никому, ладно?

- Обижаешь, - невестка запахла шубу. – Я понимаю, что это между нами, девочками.

То ли дело было в Любе, ее присутствии и словах. То ли в бутылке красного десертного. То ли в том, что накануне ночью Варя почти не спала. То ли в тяжелом рабочем дне. Или в чем-то еще. Но после душа она заснула. Практически мгновенно. Без слез, без тяжелых дум. Без сновидений и сожалений. С абсолютно пустой головой.

А утром, едва начался рабочий день, позвонил Николай. Первая мысль была, что Люба все-таки не сдержала данного слова и рассказала все Кольке. Поэтому трубку взяла с опаской. А потом подскочила на месте. И оглохла от Колиного вопля.

- Варька! У меня дочь родилась! ДОЧЬ! Леночка! Сегодня ночью! Под утро уже! Дочь, Варька, дочь! У меня родилась дочь!

И тут у Вари снова потекли слезы. Сквозь них она улыбнулась встревоженной Зое Анатольевне, поднявшей с места вслед за ней. Замахала рукой – дескать, все в порядке. Но медсестра уже поняла по ее репликам, заулыбалась широко и радостно. И, правда, радость-то какая. Человек родился. Где-то убыло, а где-то прибыло. Все в гармонии.

Потом Зоя Анатольевна накапала Вале и себе в чай рижского бальзама, одной рукой отметя возражения про «за рулем».

- Отметить надо обязательно! А к вечеру все выветрится. Там чайная ложка на кружку.

И сегодня, в виде компенсации за вчерашнее, на удивление малолюдно в травмпункте, и есть возможность посидеть и попить чаю. И отметить рождение племянницы. Варвара пила чай с ароматным бальзамом, звонила матери, отцу, бабушке, Надьке. Все всех поздравляли, правда, отец был очень краток – звонок застал его на клиническом разборе. Но голос радостный до невозможности. «Дед я, Вареник, дед! Теперь твоя очередь». На эти слова отца сердце защемило. Но уже терпимо.

Ник позвонил еще раз, ближе к концу рабочего дня. Рассказал подробности, похвастался фото. А потом огоршил просьбой.

- Варька, поехали коляску выбирать?

- Какую? – не сообразила Варя.

- Ленкину! – расхохотался брат. А потом добавил серьезнее. – Любава не разрешала мне ничего покупать. Суеверия какие-то вдруг проснулись: до рождения ребенка, типа, нельзя, чтобы не сглазить, и все такое. Я думал, в роддом ее сбегать на плановые роды и заняться этим вплотную. А оно, видишь, как получилось. Любовь Станиславовна вечно все по-своему делает.

Ник ворчал, но Варя ему не верила. Голос у него был до дурости счастливый. Хотя можно было представить, чего стоила эта ситуация ее брату, который привык все планировать на пять лет вперед. А тут Люба с Леночкой взяли – и все папино плановое хозяйствование псу под хвост. Варя улыбнулась.

- Вареник, ну поехали, а? – заныл Колька, по-своему истолковав молчание сестры. – Мать там пеленки-распашонки купит. Кроватьку Баженовы обещали. А вот транспорта нету. Поехали, а? Мне одному скучно. И вообще...

Ему хотелось с кем-то разделить свою радость, этот праздник. Варя лишь отдаленно могла себе представить, какая сейчас у Ника эйфория. И с кем, если не с сестрой ее разделить? А для нее это отличный способ отвлечься от своих проблем.

- Давай. Поехали. Только на тебе. Заедешь за мной?

- Договорились! – радостно ответил брат. – Объявляется часовая готовность.

Варя щедро налила себе еще бальзаму в кружку с чаем. Теперь можно смело. Машину у больницы оставит. Завтра как-нибудь доберется до работы. А сегодня у нее праздник. Племянница родилась.

Они еще попили чаю с Зоей Анатольевной, поговорили на приятные темы. Медсестра вспомнила аналогичные события тридцатилетней давности из своей жизни. И ни слова о том, что и Варя уже пора о детях подумать. И о ее вчерашнем опухшем лице. Золото у нее Зоя Анатольевна, а не медсестра.

Коля встречал ее у дверей травмпункта. И это было кстати - Варя едва не совершила головокружительный кульбит, поскользнувшись. Снова подморозило – к вечеру, после оттепели. И свежим снежком присыпало.

- Осторожнее, - брат успел подхватить ее за капюшон, а потом за локоть. - А то придется возвращаться на работу и оказывать себе первую помощь.

Варя не стала спорить, а вместо этого повисла у Ника на шее и со всей дури проорала ему в ухо:

- С новорожденной вас, папаша!

Коля рассмеялся, потом потер ухо.

- Вот зачем моей дочери глухой отец? - а потом вдруг посерьезнел. – Ты как, Варвар?

- Прекрасно! Теткой себя чувствую. Такой взрослой умной теткой, - и тут под внимательным взглядом брата улыбка сползла с Вариного лица. Любава! Поросенок! – Она тебе рассказала, да?

- Угу.

- Когда успела?! Ведь обещала же!

- Днем сегодня позвонила. Из роддома, - немного смущенно ответил Ник. – После родов оклемалась и позвонила. Сказала, что в ее отсутствие я отвечаю за твое душевное состояние. Ну вот я и... отвечаю.

Варя не знала: то ли зареветь, то ли рассмеяться. Хотелось и того, и другого. Причем одновременно.

- Вааарь... - Коля потянул ее за рукав. – А дай мне его позывные и адрес.

- Зачем?

- Морду набью, - как о чем-то само самом разумеющемся ответил брат.

- Поедем лучше коляску выбирать, - все-таки улыбнулась Варя. – Морды бить – это контрпродуктивно.

- Нифига! Еще как продуктивно. Уродов надо учить. Чтобы неповадно было. Ты-то справилась – а о других подумать? Где твоя женская солидарность?

Варвара хотела ответить рифмой на вопрос «где?». И замерла с открытым ртом. За спиной Коли стоял Тихон.

Теплый воздух облачком пара вылетал из ее рта. Который она никак не могла закрыть. И никак не могла сказать хоть что-то. И вообще – ее парализовало словно всю.

Ник обернулся. Смерил стоящего в паре шагов мужчину изучающим взглядом.

- О как. На ловца и зверь бежит.

Варин на первый взгляд медлительный брат-тугодум в некоторые моменты соображал со скоростью болида «Формулы-1». Как сейчас, например. Сразу понял, кто перед ним.

Тихон смотрел только на Варю. Странное у него было лицо. Ей показалось, что он такой же, как она – то ли парализованный, то ли замороженный. А потом губы дрогнули.

- Здравствуй Варя. Нам нужно поговорить.

Ответить она не успела. Да и не могла пока говорить.

- Варваре Глебовне нынче не до пустых разговоров. Занята Варвара Глебовна.

Тихон перевел взгляд на Николая. Смерил ничего не выражающим взглядом. И снова посмотрел на Варвару. И те же слова. Тем же тусклым тоном.

- Варя. Нам нужно поговорить, - и после паузы добавил. – Пожалуйста.

- Ты глухой? Тупой? – голос Ника зазвучал громче. И Варя вдруг отчетливо почувствовала, как брат напряжен. От него исходила почти физически ощутимая вибрация. Он явно был на взводе. – Тебе русским языком сказано: занята Варвара Глебовна! Сегодня. Завтра. Всегда! Какое из этих слов непонятно?!

Тихон удостоил Николая более пристального взгляда. И соизволил ответить.

- Ты вообще кто такой?

- Ой, - нехорошо обрадовался Коля. – И на меня внимание барин обратил! Позвольте отрекомендоваться, - отвесил издевательский поклон. – Самойлов Николай Глебович. Брат Варвары Глебовны. Старшой. А еще я врач первой категории. Хирург. Детский. Ты, я смотрю, из детского возраста, вроде, вышел. Но я в виде исключения могу попробовать тебе мозги вправить. Нетрадиционным способом.

Еще один тяжелый взгляд.

- Попробуй, если не боишься. А сейчас уйди с дороги. Нам с Варей поговорить надо. Уйди. По-хорошему говорю.

- По-хорошему?! – весело изумился Ник. – А что – может быть и по-плохому?

Они стояли друг напротив друга. И в голову Варваре, как часто бывает в переломные моменты, пришла дурацкая, парадоксальная и абсолютно не к месту мысль. Как они похожи, когда стоят вот так, напротив. Фигуры почти одинаковые. Тин, кажется, немного выше. А Колька – шире в плечах. Практически одинаковые темные джинсы, верх отличается: у Коли пуховик, у Тихона – кожаная куртка. А позы одинаковые: широко расставленные ноги, пальцы сжаты в кулаки, головы слегка вперед. И хмурые взгляды исподлобья – зеркальной копией.

- Лучше тебе не проверять, - процедил сквозь зубы Тихон. – Отойди. Дай нам поговорить с Варей. Потом, если хочешь, и с тобой парой слов перекинусь.

Колька усмехнулся. Посмотрел куда-то в сторону и вверх, словно призывая кого-то невидимого в свидетели чужой наглости и глупости. Дескать, ходят же по земле такие недогадливые люди. И без дальнейших предупреждений молниеносно ударил прямым справа в челюсть. Дополнив подсечкой.

Гололед сыграл свою роль. Если бы не он, вряд ли у Ника получилось уложить соперника с одного попадания. Но Тихон покачнулся от неожиданного удара, потерял равновесие, поскользнулся. И, нелепо взмахнув руками, высокий крупный мужчина все-таки опрокинулся навзничь. В последний момент успев сгруппироваться и упасть на бок.

- Коля! – у Вари все же прорезался голос. – Прекрати!

- Прекратил, - Ник слегка встряхнул рукой, подул на костяшки. – Чуть кисть не выбил - здоровенный лось какой. Давненько я не разминался. Не думал, что завалю с одного удара. Эй, говорливый, добавки хочешь?

С*ки подлые эти вольники с их подсечками! Сейчас рыжий огребет! И Тихон не посмотрит, что он Варькин брат! Никому не позволит бить себя безнаказанно. Особенно на глазах у любимой женщины. Сейчас встанет. И выдаст ответку. Сейчас встанет.

Упал неудачно. Попытался при падении сгруппироваться – и на больное плечо как раз. Ничего, все равно бить будет справа. Только бы встать. Чего-то тяжело вставать. Дышать трудно – будто воздух весь куда-то делся. И руки ватные. И стало вдруг почему-то темнеть вокруг. И звон колокольный. Откуда здесь колокола?

Надо встать. Обязательно надо встать. Надо вста...

Мир погас резко, как изображение в телевизоре.

- Вставай, давай, - высокий рыжеволосый мужчина стоял, уперев руки в пояс. – Вставай. И попробуй дать сдачи – ты мужик или кто?

Мужчина, лежащий на припорошенном снегом льду, попытался встать. Приподнялся на локте. Кажется, попробовал что-то сказать. И тяжело рухнул обратно на снег.

- Вставай, сволочь, - уже не так уверенно повторил Ник. – Поднимайся. Сейчас добавка будет.

Со снега ему не ответили.

- Коля... - голос у Вари очень тихий – в противовес тому, что она сейчас испытывает. – Ты что наделал?!

- Я его просто ударил! Чуть-чуть. Как хрустальный, блин. Да он притворяется – смотри, даже крови нет!

Варя сделала пару шагов и упала на колени рядом с лежащим мужчиной. Наклониться к губам – дыхание. Шея - сонная артерия. О, Господи... Веко - вверх.

Подняла взгляд на стоящего рядом брата. Непослушными губами, на выдохе.

- Коля... Коленька...

Ник еще какое-то время молчал, недоверчиво хмурясь. Потом сделал шаг, другой. И неспешно опустился на колени в снег – с другой стороны от лежащего тела. В том же порядке – губы, шея, веко. Недоверчиво переводит взгляд на сестру. И выдыхает.

- Твою мать...

В этот момент два потомственных хирурга – Варвара и Николай Самойловы - проявили оба совсем не свойственный им непрофессионализм. Они позволили себе потерять несколько драгоценных секунд, пока потрясенно смотрели друг на друга. Потом одновременно перевели взгляды на лицо лежащего между ними. Лицо, которое уже сравнялось цветом с окружающим снегом.

И тут хирурги Самойловы вскочили на ноги. И в обоих с безошибочной точностью включился механизм, вбитый генами и годами учебы и работы. Однако песочные часы уже перевернулись. Начался обратный отсчет. Счет крупинкам песка, которые одна за одной неумолимо сыпались вниз. Обратный отсчет начался для всех троих. Но для того, кто лежал на снегу, он начался иначе. Любая из этих песчинок-секунд могла стать последней.

Действие одиннадцатое. В котором сначала много и быстро - событий. А потом много и долго – разговоров. А еще на сцене появляется человек, который решает все. Такое у него ампула.

Из авторской суфлерской будки показывается еще более лохматая чем в прошлый раз

голова. И, поправляя пенсне, скучно произносит:

«А кто зажался в гардеробе бинокль взять – это вы зря».

Их взгляды, как один, повернулись к серо-синему зданию хирургического корпуса. Оно близко. Две минуты пешком. Там отделение травматологии. Там лучший хирург-травматолог города. Там отец. Там спасение. И до него невозможно далеко.

Из дверей травмпункта вышла Волгина.

- Каталку! Быстро! - Варин крик был на пределе голосовых связок. Медсестра среагировала быстро: тут же повернулась обратно и бегом – и это при ее-то комплекции!

Дальше все понеслось как в режиме перемотки. Каталку опустили вниз. Втроем с трудом, но погрузили Тихона. Волгина придержала дверь. Коридоры, лифт, переходы, затянутые инеем окна. Все, не только зрение, туннельное. Вперед мимо белых окон. И лицо его белое. И двери белые. Колин крик: «Звони отцу!». У самого Ника заняты руки – именно он катит коляску. Доставая, Варя едва не уронила телефон.

Господи, сделай так, чтобы отец был еще на работе.

Отец берет трубку быстро. Да, на работе. Включается в процесс мгновенно. Задает вопросы. Варя перечисляет симптомы. Короткое «Иду» и отбой. Снова лифт. Медленно. Песчинка за песчинкой.

И вот – двери во спасение. Приемное хирургического корпуса. Отец встречает. Вместе с дежурной бригадой.

- Ну, что тут у нас за дурдом и паника? – Самойлов-старший быстро подошел к каталке. Шея. Веко. Хмурится. Кивнул дежурным врачам. – Исключаем инфаркт и инсульт.

Каталка исчезла в дверях, на которых написано «ЭКГ. МРТ». Брат и сестра Самойловы проводили ее взглядом.

- И как это понимать?! – из состояния накатившего после адреналиновой гонки отупения их вывел сердитый голос отца. – Мы не дежуриим сегодня! Какого хрена вы это сюда приперли?!

- При угрозе жизни человек доставляется в ближайшую больницу! – огрызнулся Ник.

- Ай, какой умник! Откуда вы его взяли?

- Он упал у дверей травмпункта.

- Упал?

- Я его ударил. Один раз.

- А за...

- Глеб Николаевич! – из кабинета выглянул врач, и Самойлов-старший, замолчав на полуслове, быстро вошел туда. Варя и Ник остались вдвоем. В компании дурных предчувствий, чутко прислушиваясь к малейшему звуку из-за тех дверей, где скрылся отец. И вскоре показался оттуда.

- И сосудистых вызовите! – это Самойлов-старший проговорил, обернувшись. Следом выехала каталка, человек на ней был уже накрыт простыней. Каталка вывезла его головой вперед – на это и Варя, и Ник сразу обратили внимание.

- Пап! - они бросились вслед за отцом и каталкой, которые быстро двигались в сторону лифта. – Пап, что там?!

- Жо*а, - лаконично ответил Глеб Николаевич, проходя за каталкой в лифт. – Брысь отсюда!

Отпрыски проявили строптивость и шагнули следом. Двери лязгнули, и кабина медленно тронулась.

- И откуда вы только взялись на мою голову?! – рявкнул отец, уже не обращая внимания на санитаров. – Я сегодня старший по всему корпусу! У меня проверка министерская на носу! Такие в отделении показатели хорошие по летальности. И тут вы! С этим телом в предкаматозном состоянии!

- Пааа... - выдохнула Варя жалобно. - Кто оперировать будет?

- Не папкай! Кто-кто... тяжелые кому-то нужны, можно подумать! Да и старший я сегодня по хирургии. Кому же еще... Папа ваш и будет оперировать. И если этот тип попытается сдохнуть у меня на операционном столе... Если испортит мне перед проверкой показатели летальности по отделению... Я не знаю, что я с ним сделаю! И с вами заодно!

Снова лязгнули двери лифта. Снова каталка выехала головой вперед. Только тут Варя и Ник обратили внимание, что всю дорогу отец держал руку на шее лежащего на каталке. А тут от шеи руку убрал, полез в карман.

- Дождитесь меня в кабинете, раз уже поднялись. Коньяк не трогать! - Глеб Николаевич шлепнул о ладонь сына связкой ключей и быстро зашагал вслед за каталкой.

Заведующий успел сделать несколько шагов по коридору отделения, прежде чем его нагнало тихое:

- С Богом, пап.

- Сам справлюсь, - буркнул привычно. А потом все же обернулся и подмигнул детям. – Хотя лишним не будет.

И медведеподобная фигура в зеленом хирургическом костюме быстро пошла по коридору травматологического отделения. Варя и Ник едва успели перевести дыхание, как на них снова обратили внимание.

- Это кто вас сюда пустил?! В верхней одежде! Без бахил! - к ним спешила сердитая женщина лет пятидесяти в светло-сиреневом. И вдруг заулыбалась. – Ой, Коля. Не узнала тебя. Поздравляю! Глеб Николаевич уже похвастался!

Женщина крепко обняла Николая, потом обернулась к Варе.

- И тебя, Варюша, с племянницей! – Варе тоже досталось своя порция объятий от сестры-хозяйки. - Вы к отцу, что ли? Он у себя, кажется. С бумагами возится. Злой, как шатун. С утра

приехал в хорошем настроении, а сейчас от бумаг совсем озверел. Проверка у нас начинается завтра.

- Уже не возится, - вздохнул Ник. – У него экстренная. Валентина Матвеевна, дайте нам бахилы, правда, что ли. – Стащил свой пуховик, сунул подмышку, потянул за капюшон Варин.

- Да так идите, - махнула рукой медсестра.

- Не, так нельзя, - Ник нагнулся, стащил с ног зимние ботинки, взял их в руку. – Варька, разувайся и пошли.

А потом они долго молчали, сидя вдвоем плечом к плечу на потертом кожаном диване. Ник вспоминал, как сидел здесь после аварии, с ногой в гипсе. И о том, что после нее последовало. Варя вообще ни о чем не думала. В голове было пусто. При попытке что-то осмыслить или спрогнозировать накатывал неконтролируемый страх, и мысли разлетались. Пока удавалось сосредотачиваться на простых действиях. Убрать одежду в шкаф. Сесть на диван. Подтянуть носки на ногах. Закрыть окно. Нет, душно. Открыть. Снова сесть на диван. Протянуть руку, поправить криво лежащую стопку документов на углу стола. Взять верхний лист. Прочитать. Не понять ни слова. Встать, выключить свет.

- Зачем? – из темноты возмутился Ник.

- Давай спрячемся, Коль, - она прошла почти на ощупь, села рядом. – Вдруг в темноте плохие новости нас не найдут.

- Варвар, ты как ребенок...

- Мне страшно, Коль... - Варя всхлипнула и уткнулась лицом в плечо брату. – Так страшнооо...

- А мне-то как страшно, Варьк, - вздохнул Ник. – Если что – это же, получается, я человека убил...

- Коля!

- Ладно, ладно... - Николай обнял сестру за плечи, прижал к себе. – Все будет хорошо.

- Откуда знаешь? - Варя шмыгнула носом и сама обняла Ника поперек груди, устроила голову на его плече.

- Отец же оперируют. Он все может.

Это в детстве они верили, что папа может все. Когда выросли, повзрослели, сами стали врачами, поняли, что папа может не все. Есть грань, за которой бессилён даже отец. Но сейчас им отчаянно и по-детски хотелось верить, что папа - всемогущий.

- Варь, а ты поняла, что случилось-то? Какой диагноз отец поставил? Что резать будет? Я тут подумал... На ишемию похоже. Или все-таки тромбоземболия?

- Думаю, плечо резать будет, - тихо и неуверенно ответила Варя. – Ты шрам видел?

- Не.

- У Тихона шрам на плече. Думаю... Думаю, с этим связано. Или тромб. Или сердце. У него же ангина была! Черт... - застонала. – Не знаю. Но папа знает!

- Шрам... - задумчиво протянул Ник. – А ты не спрашивала его, откуда шрам?

- Спрашивала. Говорит – фурункул.

- Пи... Врет?

- Наверняка.

- Ну и говнюк он у тебя, - выдохнул Коля. Но как-то совершенно беззлобно.

Они еще какое-то время сидели молча и обнявшись. А потом Варя с удивлением поняла, что брат заснул. У него были бессонная ночь и день, полный потрясений. Вырубил Звероящера. И хорошо. Хорошо, что Колька заснул. Лучше спать, чем сходить с ума от беспокойства и неизвестности. В голове все же оформилась мысль. Одна, но отчетливая.

Живи, Тихон. Пожалуйста, живи. Ради моего брата. Ради его новорожденной дочери и любящей жены. Ради моего отца и его репутации одного из лучших хирургов города. Ради хороших показателей летальности по отделению! Ради меня. Ради себя. Живи. Милуйся со своими Жаннами и Ирэнами, носись со своими ресторанами, решай дела с Росей. Что хочешь, то и делай. Только живи, Тихий. Живи, сволочь. Живи... любимый.

Они так и сидели в темноте, обнявшись на диване. Брат и сестра Самойловы. Потомственные хирурги. Гензель и Грета. Два испуганных ребенка, заблудившихся в страшном дремучем лесу. Так и застал своих детей Глеб Николаевич Самойлов, заведующий травматологическим отделением одной из московских городских больниц, врач высшей категории и без двух лет заслуженный врач России – хотя о последнем Глеб Николаевич еще даже не догадывался.

Щелкнул выключатель, заливая кабинет ярким белым светом. И дочь, и сын синхронно зажмурились и застонали.

- Чего в темноте сидим? – Глеб Николаевич прошел к своему креслу и устало опустил в него.

- Пап, как... он?

- В реанимации.

- Живой?!

- Вареник, не знаю, где как, а у нас в отделении в реанимацию только живых людей определяют. Покойников мы в морг отправляем. Не, оно, конечно, в процессе может поменяться...

Варя мертвой хваткой вцепилась в руку вставшего вслед за ней брата.

- Пап, операция нормально прошла?!

- Нормально, - зевнул Глеб Николаевич, прикрыв рот своей здоровенной ладонью. Потом поднял руки и потянулся. – Куда он денется с подводной лодки. Устал ваш папа. Варька, сделай отцу чаю. Крепкого и сладкого. – Подумал и добавил: – в утках с собаками.

Как всякий уважающий себя человек, Глеб Николаевич к определенным годам обзавелся хобби. Он начал коллекционировать стаканы и подстаканники. Пока вся его коллекция умещалась на двух полках: одна дома, другая на работе. У Самойлова-старшего образовался даже определенный ритуал чаепития. И целый свод примет, с этой коллекцией связанный. Золоченый латунный подстаканник ручной работы, изображавший сцену утиной охоты, вынимался из шкафа по особым случаям. Когда бывало завершено какое-то трудное дело. Потому что этот подстаканник был подарен травматологу Самойлову человеком, которого Глеб Николаевич, фигурально и не очень выражаясь, достал с того света и поставил на ноги.

Варя это знала. И чай кинулась делать отцу бегом. Страх наконец-то отступил. Папа действительно может все.

В отсутствие сестры Ник не стал задавать вопросов о прошедшей операции, чтобы отцу два раза повторять не пришлось. Поговорили о том, с чего начался день – с рождения Леночки. Не верилось, что это случилось сегодня. Что все в один день.

А потом вернулась Варя. Глеб Николаевич шумно отхлебнул чая, зажмурился от удовольствия. Сделал еще глоток – с закрытыми глазами. А потом глаза открыл, посмотрел сначала на сына, потом на дочь.

- Ну? Я жажду грязных подробностей. Выкладывайте.

- Мы думали, это ты... - несколько растерянно ответил за двоих Николай. – Расскажешь нам.

- Да? Ну ладно, расскажу. Слушайте, - Глеб Николаевич еще отхлебнул чая, и еще раз зажмурился. - А у вас общую хирургию Федюшин читал?

Ник нахмурил лоб, а Варя пару раз хлопнула ресницами от неожиданной смены темы разговора. Николай опомнился раньше сестры.

- Не. Он умер, когда я на первом курсе учился. Помню, у нас занятий в тот день не было – почти все преподаватели на похороны ушли.

- Ну да, ну да... - Глеб Николаевич задумчиво потер шею. – Он же еще в мои времена уже немолодой был. Так он рассказывал, что видел такое сплошь и рядом после войны. Люди были просто напичканы железом. Где только не сидело. И бывало такое, что убивало человека через несколько лет после того, как сама война кончилась. Так Федюшин нам рассказывал. Он войну санитаром прошел, совсем пацаном почти, много чего нам рассказывал на лекциях. А я вот... - заведующий травмой покачал головой, словно отгоняя воспоминания о своей студенческой молодости. – А я сколько лет работаю - в первый раз такое вижу.

- Да что видишь-то?! - не выдержал Коля. Варя же так и сидела – удивленная, молчаливая и ожидающая.

- А вот это! – из кармана Глеб Николаевич достал полиэтиленовый пакетик с чем-то небольшим и темным внутри. – Ну? Как вы это объясните, господа Самойловы?

Ник бережно взял пакетик со стола. Варя нагнулась, чтобы тоже посмотреть. Что это? Догадался первым Николай, хотя не видел раньше ни разу за всю свою профессиональную деятельность. Спросил все же неуверенно.

- Пуля?

- Она самая, - удовлетворенно кивнул Самойлов-старший. – Калибр пять сорок пять, если я не ошибаюсь.

- А... откуда она? – осторожно спросила Варя. Впрочем, она, кажется, уже догадывалась об ответе.

- Это вы мне скажите – откуда она взялась там, где я ее обнаружил? А достал я ее из плеча вашего найденыша. Из подключичной области.

Против «найденыха» Варя не возразила. Она была слишком ошарашена. И в то же время эта новость... не слишком удивила. Чего-то подобного от Тихого стоило ожидать.

- Бать... - растерянно ответил Николай. – Это не я.

- Да ясное дело, что не ты! – хмыкнул Глеб Николаевич и приложился к кружке. – Ранение застарелое. Он с этой пулей явно уже не один год ходил. А судя по шраму... - Самойлов-старший почесал затылок. – Я бы тому умельцу, кто его зашивал, руки оторвал.

Варя и Ник сидели, потрясенно глядя друг на друга.

- Так это его из-за пули... так накрыло? – сообразил, наконец, Николай.

- Угу, - хрустнул пальцами отец. – Упал, видимо, на то плечо, где пуля сидела. Масса у этого хлопца - будь здоров, мягкие ткани на разрыв, пуля сместилась – и аккурат в позвоночную артерию. Хорошо, что на томографе зацепили подключичную и заметили инородное тело. У Ханина – глаз-алмаз. Успели прямо вовремя, там уже инсульт в вертебро-базиллярном бассейне был на подходе. Еще бы пара минут – и совсем бы скучно стало этому... Как звать-то парня, хоть знаете? Как нам его оформлять? Хотя там вроде паспорт и телефон при нем есть...

- Тихон, - ответила Варя. И, помолчав, добавила. – Тихон Тихий.

Самойлов-старший расхохотался.

- Веселый хлопец, как я погляжу. Ладно, я уже понял, что вы ни хрена не знаете, я устал и ни черта не соображаю, а потому – брысь по домам. Завтра поговорим. Вечером приезжайте на ужин. Поговорим подробнее. Ну и отметим заодно. Вот же гад этот Тихий, - устало вздохнул Глеб Николаевич. – Такой день – внучка у меня родилась! А он тут со своей пулей. Такой праздник испортил. Где вы только нашли, дети, этот ужас... тихий?

Варя открыла рот. И закрыла. Она просто не знала, что сказать.

- Все ясно! – махнул рукой отец. – Все, до завтра. Николай, Любоньке привет сердечный передавай. Я уж ей звонить сам не стал – мало ли, не ко времени окажусь, да и сумасшедший дом тут у меня. В общем, передавай привет и благодарность от деда за внучку.

Когда за детьми закрылась дверь, Глеб Николаевич медленно опустил голову на руки. Пять минут. Нет, десять. Десять минут поспать. Устал зверски.

- Коль... - Варин голос прозвучал тихо.

- Ась? - обернулся от машины брат.

- Переночуй у меня, а?

Между бровей Ника залегла недоуменная складка.

- Зачем?

- Боюсь, - ей уже на все плевать. Выжить бы. Снова почему-то накатил страх. Непонятный. Неконтролируемый. Иррациональный. Пережить эту ночь. А она думала, что самую страшную ночь в своей жизни пережила. – Одна боюсь, Коленька... Переночуй у меня. Пожалуйста.

- Неа, - помотал головой Ник после недолгого раздумья. – У тебя спать негде. Диван маленький, на полу не хочу. Давай к нам – у нас кровать нормальная.

- Давай, - без споров согласилась Варя. Лишь бы не одной.

А в квартире брата мысли о событиях сегодняшнего вечера на время отступили – Колю пришлось кормить поздним ужином. Очень поздним. Практически, ночным ужином. Варя сидела напротив брата, уминающего котлеты с макаронами, щедро политые лечо, и гадала, куда это все помещается. Нет, он здоровенный, конечно. Но четыре котлеты...

Потом Варя без зазрения совести обрядилась в Любавину пижаму. И без малейших упреков все той же совести прижалось к горячей Колькиной спине. Он ей нужен сегодня. Как якорь. Как гарантия. Что все будет хорошо.

Живи, Тихий, живи. Как хочешь, с кем хочешь, но только живи. Живи, потому что иначе все теряет смысл. Жи-ви.

Выяснилось, что на нервной почве Звероящер храпит. Но этот звук действовал на Варю странно умиротворяюще. И под негромкое посапывание брата она и сама заснула. Сны ее в ту ночь были беспокойными и тревожными.

Варя сверлила глазами цифры на мобильном. Восемь тридцать. Наконец-то! Теперь можно звонить отцу. Он ответил сразу.

- Пап, привет. Как он?

- Здравствуй, дочь моя. Он – это кто?

- Тихон.

- Тихон? Который Ти... А. Этот.

- Да, этот! – ну почему отец не отвечает сразу?! Что-то наверняка случилось ночью!

- Живой. В реанимации. В сознании.

- А как он...

- Вареник, я у дверей кабинета главного! Вечером поговорим.

И короткие гудки. Пару дней назад ей казалось, что самое страшное – увидеть любимого с другой. Теперь четко понимает, что самое страшное – не услышать этих слов. *Живой. В реанимации. В сознании.*

Все. Надо собраться. И работать.

Весь день, пока Варвара работала - преимущественно руками и на автомате, потому что ничего сложного или хотя бы необычного прием ей не подкинул – в голове крутились мысли о вчерашнем дне. Варя пыталась осознать произошедшее. И пришла к парадоксальному выводу. Вчера все связалось, сплелось в один клубок. Все, что копилось и готовилось не один месяц: их противоречащие логике и здравому смыслу отношения с Тихоном, его измена, Люба и Коля, оказавшиеся в ненужное время в ненужном месте, а вот отец - в нужное и в нужном. И только он смог аккуратно развязать этот страшный по последствиям – к счастью, не случившимся, а лишь обозначившимся, – клубок. Могло зацепить всех: Колю, Любу, только вчера родившуюся Леночку, отца, мать, саму Варю. Все слепилось в страшный ком. А началось все вполне невинно - она села к Тихону в машину. Оказывается, первый шаг к огромным и, зачастую, необратимым изменениям в своей жизни мы совершаем незаметно.

Зачем она села к нему в машину? Почему не отшла? Надо было, пусть резко, грубо, но не позволить ему бесцеремонно влезть в свою жизнь и чуть все там не сломать. Чуть не сломать жизнь близких Варе людей.

Но теперь все. Узел развязан. Клубок распутан. И можно начинать жизнь с чистого листа. И начинать забывать про Тихого. Это будет непросто, но она это сделает. Слишком он дорогое удовольствие для нее. Не по карману.

Дверь Варе открыла мама. Из столовой слышался громкий голос отца.

- С кем он там ругается? – отвечая на материнский поцелуй.

- С телефоном, - усмехнулась Юлия Юрьевна. – У него же проверка в отделении. Как приехал - постоянно с кем-то по телефону ругается.

- Кусается?

- Уже почти нет, - мать потрепала дочь по кудрям. – Иди, руки мой и проходи в столовую. Коля звонил – уже подъезжает.

В столовой отец коротко прижал ее к себе, пару слов еще рявкнул в трубку и сунул телефон в карман.

- Выключу к черту!

- Дельная мысль, - согласилась супруга.

Глеб Николаевич только вздохнул и переключил внимание на дочь.

- Ну, рассказывай, Варвара Глебовна.

- Что рассказывать? – как можно непринужденнее спросила Варя, устраиваясь за столом.

- Все! Кто такой этот Тихон Тихий? Колька мне сегодня по телефону сказал, что он друг твой сердечный – правда, нет? Что вас связывает? Откуда у него в плече пуля? За что ему Колька в рожу дал?

Варе захотелось спрятаться под стол. Во время той гадкой истории с Юрием ей удалось удержать все в тайне. Сейчас - нет. Весь ее позор наружу. Варя вдохнула поглубже. Мать удивленно переводила взгляд с мужа на дочь, но пока молчала, разливая суп по тарелкам.

- Пап, ты сначала скажи – как он?

- Да все в порядке, я же тебе еще утром сказал. Я к нему заглянул перед тем, как на планерку идти – он дрых. Ну а когда вернулся, тут и вовсе цирк начался...

- Проверка? – понимающе кивнула Варвара в попытке потянуть время.

- Если бы только она! Спасибо, Юленька, - это Глеб Николаевич сказал уже жене, которая поставила перед ним дымящуюся тарелку. – Слушай, Юль, я же тебе еще не успел рассказать. Да и Варьке интересно будет. Я сегодня возвращаюсь с пятиминутки, открываю дверь отдаления, а мне навстречу идет...

- Ну?! – не выдержала Юлия Юрьевна драматической паузы, которую Глеб Николаевич заполнил поглощением супа. – Кто? Министр здравоохранения?!

- Если бы! – Самойлов отложил ложку. – Поп!

- Какой поп? – опешила Юлия.

- Вот такой! – Глеб Николаевич широко развел руки, чуть не смахнув со стола корзинку с ржаным хлебом. – Плечи – косая сажень. Ростом выше меня. Борода – во! – пристроил себе ладонь посередине грудины. – Голос – как труба. Настоящий батюшка в рясе с крестом на груди!

- Глеб... - недоуменно подняла бровь супруга. – Ты же не привечаешь служителей культа в отделении у себя. Кого ты там недавно гонял? Свидетелей Иеговы?

- Не, - Самойлов снова принялся за суп. – И ты, Варвара, ешь, а то совсем прозрачная! Я этих гонял... седьмого дня которые... Как их? Трансвеститы седьмого дня?

Варя чуть не поперхнулась супом. А потом немного нервно присоединилась к материнскому смеху.

- Адвентисты, Глеб, адвентисты!

- Да? А слово-то похожее.

- Ну, адвентистов, ты, значит, выгнал и проповедовать не дал. А этого не выгнал?

- Этого попробуй выгони, - хмыкнул Самойлов. – Говорю же – больше меня раза в полтора. И, знаешь, он времени в отделении провел всего ничего, а успел полезное дело сделать.

- Какое?

- Я же тебе про Селиванова рассказывал? Ага, а Варька не в курсе. Всю плешь мне этот Селиванов проел, - это Самойлов говорил уже дочери. - То не хочу, это не буду. У него диабет, и стопу надо ампутировать. А он: то «да», то «нет»; носимся с ним вторую неделю, только койко-место занимает. И не выпихнешь его – федеральный льготник, чуть что – жалобу сразу президенту писать будет.

- Помню, да, ты рассказывал, - кивнула Юлия.

- Ну, так отец Аристарх за пять минут Селиванова на путь истинный наставил и чудо сотворил.

- Что, Селиванов встал и пошел?

- Откуда в тебе столько цинизма... - неодобрительно покачал головой Самойлов. – Нет, он мне согласие на операцию подписал. Так что отец Аристарх определенно обладает полезным даром убеждения. Правда, наставление Селиванову о том, что уныние есть грех смертный, все отделение слышало. Говорю же – голос, как труба, - усмехнулся Глеб Николаевич. – В общем, выгонять его не с руки оказалось. А супруга его... это как получается – матушка, да? – так она, смотрю – уже со старшей моей чай пьет и за жизнь беседу ведет. А ты же знаешь, что у Матвеевны снега прошлогоднего не выпросишь зимой. И простыней списанных. Она же человек-рентген - насквозь всех видит. Так что я как-то решил смириться с их присутствием. Пока.

- Ясно. А каким ветром все-таки батюшку к вам отделение занесло? Проповедовать пришел?

- Да прямо! - фыркнул Самойлов-старший. - Отец Аристарх по делу пришел. Сына навестить. Правда, в реанимацию я его не пустил. Завтра в палату переведу – тогда уж пусть.

И тут у Вари в голове вдруг щелкнуло. Реанимация. Сын. Аристарх – имя редкое.

- Пап, а у этого Аристарха как фамилия? К кому он приходил?

- Как - к кому? – брови отца взлетели вверх. – Тихий Аристарх Петрович – отец принца твоего увечного.

- Как – отец?! – и рот, и глаза у Варвары синхронно округлились. – Священник?!

- А ты не знала, что ли? – и тут Глеб Николаевич расхохотался. – Правда, не знала? Что твой Тихон – попович?

- Так! – Юлия переводила взгляд с веселящегося мужа на потрясенную дочь. – Кто мне расскажет внятно и с самого начала, что произошло?! И кто этот Тихий?

- Я бы тоже хотел знать, - усмехнулся отец семейства. – Пока развернутых и внятных ответов на свои вопросы я не получил.

От вопросительных взглядов родителей Варвару спас дверной звонок.

- Это Коля! – по-мышинному пискнула Варя и бегом помчалась в прихожую. За спиной слышался взволнованный голос матери и приглушенный бас отца.

Это и в самом деле был брат.

- Ну, как тут? - после привычного объятия и поцелуя в щеку.

- Допрашивают, - вздохнула Варя.

- Перед допросом хоть кормят?

- А в тюрьме сейчас макароны дают... - нараспев протянула Варя.

- ВАРЬКА! – и дальше шепотом. – Я и так сегодня весь день как на иголках.

- Извини, - Варя взяла брата за руку. – Это у меня нервное. Там такое, блин... кино. Пошли.

В столовой Ник получил свою порцию родительского внимания: поцелуй в лоб от матери, рукопожатие от отца. А потом еще и тарелку супа.

- Ну-с... - потер ладони Глеб Николаевич. – Продолжаем разговор. Кто такой этот Тихий, Варвара?

Варя уставилась в стол. Как не хочется об этом говорить. Но, наверное, отец имеет право знать – с учетом вчерашних событий. И произнесла, все так же глядя в стол.

- Он мой любовник.

- Варя!

- Что – Варя? – она подняла голову и с вызовом посмотрела на мать. – Мама, подскажи, как назвать человека, с которым состоишь в сексуальных отношениях? И только... в таких?

- Ладно, - пресек напряженность между своими женщинами Глеб Николаевич. – Откуда у него пуля в плече?

- Не знаю, - честно ответила Варя. - Спрашивала его про шрам – говорил, что это фурункул.

- Юморист! – фыркнул Глеб Николаевич. – А в морду он за что от Кольки получил?

Николай покосился на Варю. И принялся увлеченно есть суп.

- Спасибо, мам, очень вкусно.

- Ты посмотри, а? - Самойлов-старший подпер щеку кулаком. – Выросли, а все как в детстве – друг друга прикрывают. Варвара, отвечай, раз у брата рот занят.

- Мы с Тихоном поругались. Нет, даже не так. Мы расстались.

- Из-за чего?

Допрос. Натуральный допрос. Во второй раз не получается все сохранить в тайне.

- Какая разница? – Варя не заметила, как стала говорить громко. Выдохнула. – Характерами не сошлись.

- И за это нынче в рожу бьют?

- Мам, а можно мне белого хлеба? – снова пришел на помощь сестре Ник. И, как только мать ушла на кухню, сказал хмуро. – За дело он получил. Поверь, батя, за дело. Правда, я не думал, что выйдет... так.

- Так. Дело ясное, что дело темное. А вы, как обычно, друг друга покрываете. Мне-то теперь что с ним делать?

- Мне все равно, - негромко, но твердо ответила Варя. – Я с ним рассталась. Что жив и все в порядке – очень рада. А дальше мне все равно, что с ним будет.

- Все равно ей, - проворчал Глеб Николаевич. Обернулся к подошедшей жене, поцеловал ее в локоток и прижался к руке щекой. – Вот посмотри на этих балбесов, Юленька. Выросли такие взрослые. Одна любовников себе уже заводит, другой вон даже размножаться научился. А чуть что – бегом к папе. Папа, спасай! Папа, помогай! Папа спас и помог, а теперь еще и с «подарком» этим будет разбираться. У папы вопросов куча, а на них никто не отвечает. Ладно, - вздохнул Самойлов-старший. - Завтра сам допрошу с пристрастием господина Тихого. И, между прочим, лишение трудоспособности на срок более трех недель – это средней степени тяжести. Тоже уголовная ответственность, если что.

Коля вздохнул и уткнулся в тарелку с супом. Юлия села рядом.

- Глеб... ты это серьезно?

- Это не я серьезно, а Уголовный Кодекс у нас серьезный. Да не переживай так, душа моя... - Глеб приобнял жену за плечи. – Разрулю – я же у тебя умный и опытный. Мой внучке не нужен отец-уголовник. А кстати! У нас же повод есть! Что мы все про Тихого да про Тихого? Юль, налей нам. Отметить надо. Праздник же! Правда, некоторые его чуть не испортили.

- Хорошо, - с легким вздохом встала Юлия. – Что будем? Коньяк? Или шампанское откроем?

- Давай коньяк.

- Мы за рулем, - синхронно выдохнули брат и сестра Самойловы.

- Ну как обычно, - усмехнулся Глеб Николаевич. – Взрослым – коньяк. Детям – сок. С трубочкой.

- Нет у нас с трубочкой, - улыбнулась Юлия. - Скоро, наверное, будем держать дома, а пока нет. Только в большой емкости.

- Ну, в кружки им налей. Поди справятся – они же у нас, типа, большие и уже взрослые.

Действие двенадцатое. Несмотря на то, что теоретики жанра советуют всячески избегать длинных монологов, здесь герои все же попробуют удержать внимание публики во время своих рассказов.

Из авторской суфлерской будки, зевая: «И кофе вы в Буфете тоже зря не пили».

Голоса.

Хохот Нинки.

Рев тренера.

Визг матери Ваньки Тобольцева.

Скучный голос инспектора по делам несовершеннолетних.

Плач мамы.

И голос отца. Глухой, но четко выговаривающий слова. Так, что при всем желании не понять его невозможно.

Голоса. То как настоящие и наяву, то искаженные, будто из металлической бочки.

И картины. И запахи.

Присыпанный мукой стол и мамины руки, тоже белые. Пирог с капустой. С грибами. Самые вкусные с вишней. И медово-ореховые пряники на Рождество.

Спортзал, полный запахов пота и пыли. Маты, спортивные и тренера. Раздевалка. «Тихон, не хочешь немного развлечься покруче? Не засс*шь?». Кто же не хочет? Тем более тренер предлагает. Тем более, Тин сам давно хотел доказать всем. И другие пацаны из секции согласились.

Темнота и тишина. Адреналин покалывает в кончиках пальцев и затылке. И вдруг все раскалывается – ярким голубым мигающим светом, звуком сирены.

Он не успел ничего сделать. И все равно опоздал.

Лицо отца белое. Слова его: «Так будет лучше». И уже беззвучно, губами одними: «Наверное».

Тихон тогда не заплакал. Нос задрал и отвернулся. А в увозящей его машине слезы потекли. Сами собой.

Так будет лучше. Конечно. С глаз долой неугодного сына. Чтобы не позорил перед общиной. Убрать подальше. Так будет лучше, точно. Для отца.

Его голос, четко выговаривающий слова.

Так будет лучше.

И другой голос, откуда-то совсем из другого места.

- Сколько пальцев?

Какие, на хрен, пальцы?!

Звонок в дверь спустя полчаса после того, как Варя пришла домой, поставил ее в тупик. Поначалу. Но пока вытирала руки и шла к двери, непостижимо догадалась. Так и есть. Мама.

- Давно не виделись, - попыталась пошутить Варя, отвечая на материнский поцелуй.

- Давно, - серьезно кивнула Юлия Юрьевна. – Ты успела поужинать после работы?

- Угу, - кивнула Варвара, скрестив пальцы за спиной. Еда у нее ассоциировалась с Тихим. А потому есть не хотелось. Совсем.

- Тогда пойдем чай пить, - решительно кивнула Юлия Юрьевна. Достала из маленькой черной замшевой сумочки то, что в таких элегантных сумочках, как правило, не носят. Да что там – оно и поместиться в этой сумочке по всем законам физики не могло. Но поместилось.

– А это к чаю.

- Отличный выбор... - немного растерянно кивнула Варя, беря в руки бутылку «Курвуазье».
– К чаю - самое то.

А под чай с «Курвуазье» Варя все рассказала маме. Про Тихона – без купюр. И про Юрия заодно – тоже без купюр. Та история сидела в ней занозой, спрятанная, скрытая от родителей; помнится, они очень удивлялись ее разрыву со Щербаковым - ведь он был представлен в качестве практически жениха. А потом вдруг без объяснений: был Юрий – нет Юрия. И все тут. Родители тогда не полезли с расспросами - на носу было окончание медакадемии, да и мудрости хватило. А потом Варя в темпе вальса свалила из отчего дома на вольные самостоятельные хлеба.

Рассказ вышел долгий. Заплакала Варя только в самом конце, но как-то уже без надрыва, тихо и обреченно.

- Что мне теперь делать, мам? – Варя поерзала щекой на материнском плече.

- Жить, хорошая моя, - мамина ладонь легко прошлась по спине. – Жить и радоваться тому, что у тебя есть. А у тебя много что есть.

- Да. У меня есть вы с папой. И Коля. И Люба. И Леночка.

- И не только, - Юлия Юрьевна обняла дочь за плечи. – У тебя еще есть ум, красота, прекрасное образование и работа. Слушай, Варенька, может быть, тебе сейчас съездить в отпуск? На море?

- Какое море, мам, в феврале месяце?

- Какое-какое... - пожала плечами мать. – Будто ты не знаешь. В Индии. В Таиланде. Тебе надо переключиться. Мы с отцом купим тебе путевку, не переживай.

Ездил с Росей в Таиланд. Волкинг–стрит, пип-шоу, все дела...

- Нет! – И, спохватившись, что ответ прозвучал резко, добавила уже тише и мягче. – Не хочу. Да и отпуск у меня по графику в августе. Ты же знаешь, мам, у нас с этим строго, все по графику.

- Варя, ты как ребенок! – немного раздраженно парировала Юлия Юрьевна. – Папа договорится. Тебе надо отдохнуть. Давай, мы...

- Нет, мам, - Варя смягчила свой отказ, прижавшись к матери плотнее. - Не надо. И договариваться не надо. И отдыхать мне не надо. Я без работы сейчас с ума сойду.

- Ну, как знаешь, - не стала настаивать мать. – В любом случае в гордом одиночестве тебе киснуть не дадим, и не рассчитывай, слышишь?

- Не рассчитываю, - улыбнулась Варя, вытирая остатки слез. А потом вдруг спросила, даже для себя неожиданно: - Как мне его простить, мам?

- А ты хочешь простить? – после паузы уточнила мать.

- Не знаю. Понимаешь... - Варвара крепче сжала мамину ладонь, переплела пальцы. - Когда я думала, что... - вздохнула так, словно воздуха не хватало, чтобы выговорить эти слова. – Когда я думала, что он... умрет... мне стало на все плевать. Измена... подумаешь, всего лишь секс. А тут – жизнь. Не из-за Коли, мам, понимаешь? Хотя из-за Кольки тоже, конечно. Но как жить... если его нет уже? Как? Как?! – она еще раз выдохнула. Кричит уже. Нельзя. – Не понимаю, как жить без него. Наверное, это неправильно, но я не понимаю, как жить, если его нет на свете! Без него все... Без него ничего. Без него пусто. Мне все равно, где он, с кем он. Но лишь бы жил! Ох... Идиотка, да?

Юлия молча прижала дочь к себе. Не знала, что сказать сейчас. Жизнь прожила, а вот не знала, что сказать. Не подготовила жизнь.

- А как простить – тоже не знаю, - непоследовательно шмыгнула носом Варя. – Без него не знаю, как жить. Как простить – тоже не знаю. Не смогу простить. И проститься с ним не могу. Отпустить не могу. Что делать? Как забыть? Как такое вообще можно забыть?! И надо ли забыть? А не надо, наверное, - самой себе ответила. - Не надо забывать. Все уже. Все изменилось и не будет, как раньше. Правда?

- Правда, - кивнула Юлия. – Но это не значит, что будет хуже. Знаешь... Мне в новогоднюю ночь сон приснился. Хороший.

- Расскажи, - Варя отхлебнула остывший чай.

- А снилось мне, Варенька, как я на твоей свадьбе гуляю. Жениха не помню. А вот ты - счастливая-счастливая. И папа твой пьяный был, - Юлия Юрьевна слегка усмехнулась. - Но тоже очень счастливый.

- Мама! Глупо верить в сны! – Варя попыталась показать свое недовольство, но все равно губы расплзлись в улыбке.

- На Новый год сны сбываются! – авторитетно парировала Юлия Юрьевна. – Все будет хорошо. Я точно знаю. Слушай свое сердце. Оно подскажет, что сделать. Помнишь, у Экзюпери? Вот мой секрет, он очень прост...

- ... Зорко одно лишь сердце, - закончила фразу дочь.

В эту ночь впервые за длительный период времени Юлия Юрьевна Самойлова не приехала домой ночевать. Зато Варя Самойлова, как в детстве, заснула под маминой рукой, глядящей по голове, заснула быстро и крепко. А вот Глеб Николаевич Самойлов, наоборот, несмотря на усталость, заснуть не мог долго – ворочался, ворчал себе под нос, ходил пить, даже взялся за книжку. Отвык он спать один.

К пациенту Тихому Глебу Николаевичу собрался уже в послеобеденное время, когда разгреб все срочные дела. Нет, он держал руку на пульсе, образно говоря. И был в курсе: и общего состояния, и всего остального сопутствующего. Сам дал добро на перевод из реанимации в VIP-палату. С утра заведующего доискивался какой-то ушлый молодой человек с нагловатыми манерами - из числа друзей пациента Тихого, надо полагать. Условия пребывания желал обсудить и еще кое-что. Но не до него было Глебу Николаевичу, повидал он таких ушлых и наглых за свою профессиональную деятельность вагон и маленькую тележку. А с этой проверкой – и совсем не до дружков Тихого. Сплавил молодого да резвого Валентине Матвеевне, и тот у нее быстро понял, как себя нужно вести в отделении. Но все бюрократические вопросы по поводу оформления Тихона Тихого решили – и то хлеб. Пора бы и самолично навестить пациента. Познакомиться очно.

Пациент Тихий полусидел на кровати, уткнувшись в телефон. Бич это прямо нынешнего времени. Чуть не в операционной им телефон подавай. «Селфи» с хирургами. Глеб Николаевич нахмурил брови и демонстративно громко прикрыл за собой дверь. Оторвись от телефона, уважаемый. Спаситель твой пришел.

- Здравствуйте, Тихон Аристархович.

- Здравствуйте, - спокойно так. Без трепета и пиетета.

- Я заведующий отделением. Именно я Вас позавчера принимал и оперировал.

- Очень рад, что Вы наконец-то зашли. А то мне никто толком ничего не говорит.

Борзый хлопец. Ни черта не тихий.

- У Вас есть какие-то жалобы, Тихон Аристархович? На качество оказания медицинской помощи?

- Нет, - Тихий спокойно положил телефон на тумбочку. – Жалоб нет. Просто хотел поговорить с Вами.

- Тут наши желания совпадают, - Самойлов сел на стул, заложил ногу на ногу. - Как самочувствие?

- Нормально, - пожал своими здоровенными плечами Тихий. Поморщился.

Нормально ему. Ну-ну. За время работы в травматологическом отделении Глеб Николаевич повидал самых разных людей. И сразу понял, к какому типу относится гражданин Тихий. Из тех, кому скажи после того, как от наркоза очнулся, что ему ногу до трусов оттяпали, а он кивнет и скажет: «Понятно». Самойлов был уже в курсе, что Тихий наутро после операции отказался справлять малую нужду в «утку» и по стенке, но дополз до туалета. И что от положенных послеоперационных уколов с обезболивающим тоже отказался. Непростой пациент. Со всех точек зрения проблемный.

- Ну, а раз нормально, давайте поговорим. Двадцатого вечером Вас доставили в отделение в состоянии острой ишемии, - Глеб Николаевич ненадолго замолчал, подбирая формулировку, а Тихий этой паузой воспользовался.

- Верю вам на слово, доктор, потому что сам обстоятельств своего появления здесь не помню. Медсестра в реанимации сказала, что Вы меня практически с того света достали. Я обязательно Вас отблагодарю...

Самойлов нетерпеливо махнул рукой. Такие слова он слышал много раз. Нет, они не потеряли для него своей ценности – слова обычной человеческой благодарности. Но здесь ведь совершенно иной случай. Дети замешаны. Оба.

- Я хотел поговорить с Вами, Тихон Аристархович, о причине острого состояния, в котором Вас доставили в больницу.

Если Тихого и задело то, что к его словам благодарности отнеслись не слишком внимательно, то вида не подал. Вместо этого кивнул только - в знак того, что слушает.

- И какова же эта причина?

Вот как. Про удар Николая – ни слова. Глеб Николаевич никак не мог разгадать мотивы человека, сидящего напротив. И это раздражало, но пока умеренно.

- Причину я Вам сейчас продемонстрирую, - Самойлов неспешно полез в карман, не прекращая говорить. – Это то, что находилось в Вашем теле, в мягких тканях плеча, в подключичной области. От падения оно сместилось и передавило артерию. Отсюда – потеря сознания и все остальное. Вот оно.

Тихий сначала просто смотрел на предмет в руках врача. Потом медленно протянул руку – правую. И долго рассматривал пакетик уже у себя на ладони.

- Пуля, - на всякий случай уведомил Глеб Николаевич. Хотя был уверен, что его собеседник знает, что это.

Тихий в ответ только угукнул практически безразлично, продолжая разглядывать пулю. И терпение у заведующего кончилось. Надоела ему эта шахматная партия пополам с игрой в молчанку. Время еще не хватало тратить на это.

- Согласно закону, я обязан сообщить об огнестрельном ранении в правоохранительные органы.

Глеб Николаевич немного слукавил. Сейчас речь шла не о ранении. А о пуле, застрявшей в мягких тканях неизвестно сколько лет назад. Но сути дела это не меняло. Ему нужно знать правду.

Тихий положил пакет с пулей на тумбочку, рядом с телефоном. И молча уставился на врача, никак не комментируя последние его слова.

- Не желаете мне рассказать, каким образом пуля оказалась в Вашем плече? – обманчиво спокойно спросил Самойлов.

- Зачем Вам это, доктор? – так же обманчиво тихо ответил его собеседник. – Многия знания – многия печали. Скажите - сколько? Сколько нужно заплатить, чтобы Вы забыли о том, что вытащили из моего плеча?

Глеб Николаевич покачал головой. Непрошибаемый совсем. Умный, уверенный в себе, просчитывающий, думающий, что все знает и все может купить. Вообще парням с такими

габаритами и таким взглядом на жизнь мозги обычно полагались в секвестированном объеме. Этому же явно по какому-то капризу природы мозгов досталось пропорционально весу. То есть до хрена. Это однозначно читалось по глазам.

- Боюсь, Тихий, так мы с Вами ни до чего хорошего не договоримся, - тон заведующего заметно похолодел, стал жестче. – У меня в этом деле свой интерес, который денежными знаками не выражается. Так что монетами звенеть не трудитесь.

- Извините, не хотел Вас обидеть, доктор, - неожиданно пошел на попятную Тихий. – А что у Вас за интерес в этой дурацкой пуле? Не стоит она того. Поверьте, ничего интересного.

- Интерес мой таков, - Самойлов откинулся на спинку стула и сложил руки на груди. - Позавчера в *мое* отделение Вас собственноручно доставили *мои* родные дети, Николай и Варвара Самойловы. Они, конечно, с детства норовили то голубя со сломанным крылом домой притащить, то котенка бездомного. Но чтобы целого человека, да еще в предкаматозном состоянии – это прямо в первый раз такое.

Тин не сразу осознал услышанное. Потом растерянно перевел взгляд с лица заведующего, который Тихону кого-то смутно напоминал, но он все никак не мог сообразить, кого, потому что голова до сих пор соображала не очень хорошо, на его грудь. Прищурился. Прочитал, шевеля губами, то, что написано на бейдже. И выдохнул потрясенно:

- Господи...

- Иногда меня называют и так, - невозмутимо кивнул Самойлов. – Но я предпочитаю, когда меня называют по имени-отчеству.

Варин отец. Этот суровый здоровенный заведующий травматологическим отделением – Варин отец. Хирург, который его оперировал. Врач, который спас ему жизнь. И это - Варин отец. Господи...

- Ну-с, - Глеб Николаевич не дал Тину времени на раздумья, – расскажешь, как дело было, Тихон? Или я права знать не имею, во что такое мои дети вляпались?

Вопрос был поставлен предельно честно и откровенно. И отказать ЭТОМУ человеку ТЕПЕРЬ уже нельзя.

- Расскажу, - Тихон прокашлялся, пряча неловкость. – Вы извините, Глеб Николаевич.... Я не знал, что... - вдохнул поглубже. - Не обратил внимания на Ваше имя-отчество. Или не называл Вас никто – все больше «заведующий». Или... Хотя должен был догадаться, сын на Вас похож. Да и Варя... чем-то... Черт! Башка совсем не соображает. Извините.

- Это последствия ишемии и наркоза. Пройдет со временем, - тон Самойлова смягчился. – Давай, рассказывай, герой.

- Долгая история, - вздохнул Тин. – Я сейчас воды только выпью, ладно?

Глеб Николаевич кивнул. И в это время за его спиной открылась дверь в палату. Заведующий обернулся. На пороге стоял отец Аристарх. Хотя Самойлов не сразу узнал Тихого-старшего – тот был одет не в рясу, а в обычную одежду: брюки, рубашку, свитер. Вкупе с очками,

шапкой седых кудрей и импозантной бородой Аристарх Тихий походил скорее на ученого или университетского преподавателя, нежели на священнослужителя.

- Глеб Николаевич, здравствуйте, - Аристарх Петрович шагнул в палату, протянул руку поднявшемуся на ноги Самойлову. – Еще раз примите отцовскую благодарностью. За все.

- Это моя работа, - стандартно ответил Самойлов, отвечая на рукопожатие. – А мы тут, - обращаясь к Тихому-младшему, - с вашим сыном интересную беседу ведем.

Ну надо же. Никогда бы Глеб Николаевич не подумал, что такие лица, как у этого Тихона Тихого – довольно неприятительно вытесанные матушкой-природой – пригодны для выражения настолько гремучей смеси эмоций. И даже не в лице дело. В глазах. Помимо мозгов парню достались еще и очень выразительные глаза. И сейчас в них плескался дикий коктейль противоположных чувств. Откровенная, животная какая-то паника. Чуть ли не страх, чуть ли не ужас. И в компанию к ним – надежда. Та самая сумасшедшая надежда, которая бывает, когда не остается уже ничего. Когда все против человека, а он только на ней, на надежде, и живет. Вот что было в глазах Тихона Тихого, когда он смотрел на отца, подходящего к его постели.

А Тихон в это время нелепо и некстати вспомнил о том, как стыдился отцовской рясы в юности. И сейчас был благодарен отцу за то, что он одет цивильно. И выглядит, между прочим, очень внушительно. А вторая мысль была, что это мерзко и подло – стыдиться собственного отца. И все равно, если бы мог, Тин бы сейчас удрал. Но бежать было некуда. И Тихон смотрел на отца, как кролик смотрит на подползающего к нему удава. Вжался плечами и спиной в подушку. Некуда бежать.

И незачем.

Левой рукой Аристарх Петрович прижал к груди бороду, наклоняясь. Поцеловал сына в лоб. Разогнулся и погладил правой Тихона по голове. Робким, почти невесомым и очень неуверенным движением, каким прикасаются молодые отцы в первый раз к своему новорожденному чаду, когда дитя такое маленькое и хрупкое, что до него дотронуться страшно. И хочется, и боязно.

И то, что отец был уже далеко не молод, а дитя – совсем не новорожденным, не имело сейчас никакого значения.

- Здравствуй, сынок.

Глеб Николаевич вдруг отчетливо понял, что присутствует при последнем акте семейной драмы Тихих. И он тут, наверное, лишний. Но уйти сейчас казалось нелепым. И еще – интересно посмотреть на реакцию непрошибаемого Тихого-младшего.

А младшего наконец-то прошибло. Сначала показалось, что он что-то скажет - губы дрогнули. Но вместо того, чтобы заговорить, он резко отвернулся. Буквально уткнулся носом в стену. Глебу Николаевичу со своего места было видно, как побелела кожа на скуле, как обозначился тонкий шрам – так сильно Тихон сжал челюсти. Лишь бы не сказать ничего. Лишь бы не вырвалось лишнего. *Эх, мальчик, мальчик... Так вот и доживешь до инфаркта в пятьдесят на пустом месте. Нельзя так. Чтобы все в себе. Чтобы ничего наружу.*

Отвернувшись к стене, «мальчик» часто задышал носом. Почти засопел. В иной ситуации этот звук показался бы смешным. Но не теперь.

Дрогнули пальцы на одеяле. Аристарх Петрович тут же отреагировал на этот крошечный жест, накрыл ладонью сыновнюю руку. И едва не задохнулся счастьем и облегчением – от того, как крепко сжали его руку в ответ.

Глеб Николаевич смотрел на эти две руки на одеяле – почти одинаковые, здоровенные мужские руки, крепко сжимающие друг друга. Нет, наверное, надо все-таки зайти попозже.

Но даже со стула заведующий встать не успел.

- Я невольно слышал ваши последние слова, - обернулся к нему Тихий-старший. – Думаю, на часть вопросов смогу ответить, пока Тиша с мыслями собирается. Хотя про пулю, - неодобрительно покосился в сторону тумбочки, - я ничего не знаю. Но как до этого дело дошло – пожалуй, догадываюсь. Что знаю - расскажу.

- С интересом послушаю, - Самойлов почувствовал, как затекла поясница. Приподнялся, вытащил из-под себя стул и развернул его спинкой вперед, на которую и облокотился, усевшись на сиденье верхом. – Полчаса у меня есть.

- Вряд ли мы уложимся в полчаса, да, Тиша?

Тиша угукнул, так и не поворачиваясь от стены.

- Наверное, мне придется начать рассказ с моего деда, - продолжил серьезно Аристарх Петрович.

- Даже с деда? – хмыкнул Глеб Николаевич. – От седьмого колена? Иаков породил Исаака? А покороче... гхм... нельзя?

- Сначала был Авраам, - улыбнулся Аристарх в бороду. - Авраам родил Исаака. Но мы так далеко не пойдём.

- Это радует, - вздохнул Глеб. – Рассказывайте про деда. Пока мне никто не позвонил.

Так Глеб Николаевич Самойлов, врачеватель тел человеческих, стал нечаянно исповедником отца и сына Тихих. Именно ему они и рассказали свою непростую историю. Доктору Глебу и друг другу.

Тихон Тихий был настоятелем одного из старых московских храмов. Тех самых, что так радостно взрывали новые хозяева страны в двадцатые и тридцатые годы прошлого столетия. Тихон Тихий новую власть не признал. За что и поплатился. Его храм взлетел на воздух в феврале двадцать восьмого. Настоятель присутствовал при этом – стоял за оцеплением. И в тот момент, когда белокаменный храм окутало огненное облако взрыва, разорвалось сердце старого священника. Инфаркт миокарда – если говорить сухими медицинскими терминами.

Вдова осталась одна с двумя сыновьями. Петр и Павел Тихие. Или, как называла их на малороссийский манер матушка, бывшая родом с Полтавщины, Петрусь и Павлусь. Оба выводы из судьбы отца сделали и поняли, что с новой властью надо дружить. Правда, происхождение им биографию подпортило, но мозгами юноши обделены не были. Старший пошел по инженерному делу, младший - по медицинскому. До поры, до времени все было благополучно. Но отца-священника все-таки дало себя припомнили обоим Тихим – младшему раньше, чем старшему.

Павла посадили в тридцать девятом. До войны не дожил - перед самым началом его унес туберкулез. Старшего ГУЛАГ забрал уже после победы, но без таких необратимых последствий. Петр Тихий в лагерях выжил. Чудом, как он полагал. Потому что когда «красного конструктора», помещенного в одну камеру с уголовниками, решили «опустить», он впервые во взрослой и сознательной жизни взмолился. Отчаянно, громко, вслух. Его крик Богородице слышали охранники, но, разумеется, и не подумали вмешаться. А Петр Тихий кричал, пополам со словами молитвы: «Живым не дамся, сам помру, но и с собой кого смогу заберу!».

Его все-таки не тронули. А благодаря вертухаям о Петре Тихом пошла слава по зоне. Так Петр Тихий уверовал по-настоящему, вспомнил о своих корнях. Священником по факту он стал гораздо раньше, чем его рукоположили. За все годы в лагере и выслушивал исповеди, и грехи отпускал, и молитвы писал - от души и как помнил от отца.

После освобождения он еще два года прожил там, на берегах Енисея. В суровых краях, полных такими, как он. А потом все же смог вернуться, но не в Москву – она была для него под запретом – в Подмоскowie. Семинария – иного пути Петр не видел. Потом Бог подарил ему жену, Анну, уроженку Коломны. Там и обосновался.

Сын Аристарх пошел по пути отца и деда. Легко дался ему этот выбор, по велению души, как он сам считал. Но судьба приготовила и ему испытание веры и предназначения. Испытание, которое он же и породил.

Аристарх старался воспитывать детей так, как учили. Как положено. Но результат вышел прямо противоположный. Сын. Непослушный. Дерзкий. Отец не понял, как это получилось. Тиша рос скромным и хорошим мальчиком. А потом, вдруг, ни с того, ни с сего...

- Не вдруг! – это в исповедь вклинился Тихон. Пришла его очередь.

Он с какого-то момента стал стыдиться отца. Стало остро хотеться, чтобы у него батя был, как у Славки Ракитянского: пусть бывший комсомольский работник, зато сейчас уважаемый человек, веселый, и, главное, все понимает! Или как у Ваньки Тобольцева – вовсе без отца. Правда, мамаша у Ваньки - жуть полная. Именно она написала на Тихона заяву в милицию: что Тихий разбил в кровь лицо ее сыну. И ей ведь не объяснишь, что Ванька сам просил научить его давать сдачи. И тупо пропустил слева.

А Тихона никто не слушал. Потому что с учителями огрызается. Оценки - хуже некуда, за исключением физкультуры, математики и эпизодами - физики. Хвалит его только тренер по греко-римской борьбе. А это не аргумент.

Над Тихом смеялись: «попович» - он огрызался. Бил морды. Никому не спускал. А в глубине души хотел, чтобы отец был нормальным. Обычным. Как у всех. И чтобы достаток был в доме. Чтобы праздники нормальные, как у других ребят. Пусть бы даже пил лучше, чем все эти посты, службы! Но это было из разряда несбыточного. Все так, как есть, и тут уже ничего не изменишь. У него отец – поп. А сам Тихон – попович.

Только в тренировочном зале он забывал об этом. Там был только он сам. Его руки, ноги, сила, то, чему он научился. И там, в зале, Тихон был хозяин себе и своей жизни. Там от него зависело все. Как он захочет, так и будет. Захочет – и станет чемпионом. Сначала по области.

Потом в Москву поедет. И там всех победит. Он всерьез верил, что станет знаменитым спортсменом. Потому что у него получалось. Потому что тренер говорил, что у Тихона есть способности. Потому что он сам в это верил. Потому что очень этого хотел – вырваться из чуждой ему атмосферы. Стать самому себе хозяином. И чтобы никаких постов, разговоров о праведности, чтения Евангелия, присутствия на богослужениях. Тогда ему это все было чуждо и противно. И он страстно мечтал уйти из дома. Мать с сестрами, конечно, будет жаль.

Тогда он еще не знал, что многое в жизни гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. И так горячо любимая им секция греко-римской борьбы была не только спортивной организацией. Но и прикрытием для не совсем законных дел. Крепкие ребята-борцы под руководством тренера помогали нужным людям из криминального мира. Что конкретно они делали, Тихон узнать не успел. Ему предложили - в весьма завуалированной форме – стать взрослым и откушать романтики ночной опасной жизни города. Ну и материальное положение поправить заодно. Разумеется, он согласился – ко всему прочему, его тренер был хорошим психологом, знал, как и что сказать.

Дело ему поручили простое, чтобы проверить, на что годен, – стоять на стреме, пока другие снимают колеса с машины. Но такое уж у Тихона было везение, что на первом же «деле» его и поймали. И тут всплыло все. И заявление матери Ваньки Тобольцева. И характеристики из школы. И много чего другого, включая поведение Тихона во время следствия.

Конечно, Тихон не знал тогда, сколько порогов обил отец, чтобы было принято *то* решение. Чтобы Тихона не отправили в интернат для трудновоспитуемых подростков. Зато помнил отчетливо белое лицо отца. Сам черный, в одном подряснике, без креста даже, а лицо белое. И волосы. И борода. Поседел за одну ночь, а раньше черные были волосы, только редкая проседе. Поседел после того, как Тихона Тихого, единственного сына отца Аристарха, настоятеля храма святых Марфы и Марии, отправили в реабилитационный центр для подростков. По закону на оформление в такие центры требовалось согласие самого подростка. И Тихон его с удовольствием дал, проорав отцу, что куда угодно готов – лишь бы вон из опостылевшего отчего дома.

Сначала его определили на полгода. Потом еще на столько же. Тихону сказали тогда, что это родители настояли на продлении его пребывания в центре. Ну да, конечно. *Так будет лучше.* И не сказать, чтобы там, в центре, было так уж плохо. Внутри Тина было плохо. Очень. Он потом не любил вспоминать то время. Замороженный был. Ничего не хотелось. Словно лишили его чего-то важного. Возможности дышать. Или любить. Быть с теми, кто нужен. И кому не нужен оказался он сам.

Из реабилитационного центра Тихон вернулся домой. И понял, что может быть еще хуже, чем было там – когда глаза видишь. Эти глаза. Глаза родных, которые стыдятся тебя. Уже тогда его начало накрывать осознание собственной неправоты. Но Тихон был слишком молод, слишком озлоблен, чтобы дать этому осознанию прорасти в душе. И он ушел из дома – его приютил на пару месяцев тренер. За повесткой в армию Тихон Тихий пришел самолично, весьма ошарашив военкома.

С армией ему повезло. Несмотря на год пребывания в реабилитационном центре, его взяли во внутренние войска, в легендарный ОДОН – сыграло роль то, что он здоровый, крепкий, борец. Служил в Балашихе, сто десять километров всего до Коломны. Хотя Тихону на это было плевать – ощущение дома он сознательно вытраивал из себя. И, хотя в армии было непросто, по

сравнению с годом, проведенным в реабилитационном центре, – даже хорошо. В смысле - нормально. Понятно. А еще он вырос, повзрослел и оброс шкурой. Теперь попробуй подступись.

После демобилизации Тин даже не показался в Коломне. Сразу в Москву. Там его уже ждал перебравшийся туда его бывший тренер. И закрутились дела серьезнее и интереснее.

Его пристроили в охрану к представителю того непонятного сословия на стыке бизнеса и криминала, которое вылупилось накануне смены тысячелетий – и цвело пышным цветом не год и не два. Звали этого представителя Леонид Лидман, и рыбу он ловил в самых разных сферах, но официальным прикрытием служил ему ресторанный бизнес. Тихон в свите у Лидмана прижился: выглядел весьма внушительно и даже угрожающе, одним лишь внешним видом отпугивал – тогда он брился на лысо, как привык в армии; да и за время, службы еще больше оброс мускулатурой. Борцовские навыки никуда не делись. И хозяин был им доволен, и напарники. Только с оружием у Тихона никак не складывалось – несмотря на то, что выдали, и на стрельбище возили, и тренировался, и опыт армейский имелся приличный. А все равно, при мысли о том, что придется стрелять в живого человека холодок пробегал. Руками как-то понятнее. Честнее.

Да только так и не пришлось Тихону стрелять. Он оказался по другую сторону от ствола. Сам не понял, как это произошло. Сколько ни пытался потом восстановить в памяти последовательность событий, все никак не получилось. Но судя по словам очевидцев, прикрыл он собой своего нанимателя. Принял предназначенную тому пулю. Сам Тихон не помнил ничего: ни как принял решение, ни само движение. В памяти осталась внезапная острая обжигающая боль в плече. Попытка устоять на ногах. Быстро намокавшая горячим на груди футболка. И крики, и еще выстрелы. Потом – провал. Потеря сознания от обильной кровопотери.

А очнулся он уже в совсем другом, незнакомом месте. Но оно долго преследовало в ночных кошмарах. Какого-то хрена обезболивающее не подействовало. Вкололи два шприца, больше врач – если это был врач – не решился, сказал, что сердце может не выдержать. И плечо вскрыли так. Практически на живую. Тихона держали трое. В рот засунули кожаный ремень, чтобы приглушить крик. Тин хотел отключиться, мечтал об этом – потерять сознание, как после ранения. В конце концов произошло, но уже когда все почти закончилось.

Несколько дней он провел в горячке и бреде, помнил только постоянную жажду, жар и уколы антибиотиков. И адскую боль в плече. И весь разгар событий тупо пропустил. Оказывается, встреча, на которой Тихон схлопотал пулю, была финалом долгой борьбы по дележу каких-то несмешных активов. Борьбу эту наниматель Тина проиграл. И почел за лучшее свалить из страны, спасая свою шкуру и то, что еще можно было сохранить. И уже оттуда, из-за границы, из Хайфы, на имя Тихона Тихого DHL доставила пухлый конверт. Тин, едва оправившийся после ранения, долго вчитывался и все никак не мог понять написанного. Пока умные люди из числа еще оставшихся в Москве подручных бывшего шефа не разъяснили.

Лидман оставил Тихону ресторан – тот самый, его гнездо, место сбора приближенных и не только. Хотя после того финального аккорда со стрельбой большая часть завсегдаев либо спешно покинула столицу, либо переметнулась в стан врага, либо... либо что-то еще. В общем, ресторан остался без своих постоянных посетителей. Но это была недвижимость в центре Москвы. Золотая жила. Благодарность мальчишке Тину за спасение хозяйской жизни, цена за принятую пулю. У этих людей иногда бывали весьма своеобразные представления о порядочности. Да и не было у Лидмана уверенности в том, что в его положении ресторан, оставшийся в Москве, хоть сколько-нибудь ликвидный актив.

Тихон сидел, ошарашенный, в пустом зале за столиком своего... своего?!... ресторана. Вчитывался в который раз в документы, не понимая толком ничего. Как это? Да за что ему? Зачем? И что теперь с этим делать? И неужели все по-настоящему?!

Он сгреб со стола документы, отнес их в бывший кабинет Лидмана, убрал в сейф – код от него, в числе всего прочего, содержался в том пухлом пакете. И пошел на улицу. Голова гудела, плечо горело, он никак не мог осмыслить произошедшее. Тин не смотрел, куда шел. Но когда увидел, в кого врезался, и кто костерит его на чем свет стоит, расхохотался. Впрочем, и визави, разглядев, кто так придурочно ржет, присоединился к веселью. Надо же. Славка Ракитянский. Лет пять не виделись. Или больше. И как он его узнал? А ни черта не изменился. Все такой же вечно веселый идиот.

Рот у Славки как открылся, когда Тин отпер собственным ключом служебный вход ресторана, так долго и не закрывался. Пока Тихон рассказывал обо всех своих приключениях после той истории с колесами. Когда показывал документы на ресторан, Ракета не выдержал и тихо выругался.

- Везучий ты, мать твою, Тиныч!

Тин лишь недоверчиво хмыкнул. Сам он до сих пор не осознал: повезло ему или наоборот – жизнь очередной финт выкинула. Что ему теперь с этим рестораном делать? Да и вообще – а ну как «дружки» Лидмана явятся сюда? За каким-нибудь бесом.

- Какие планы? – деловито поинтересовался Ракитянский. Словно вчера расстались. Словно, как в школьные годы, все еще оставались закадычными друзьями.

А какими могут быть планы? Может, это шанс. Наконец-то - шанс. Что-то, что будет зависеть только от него и принадлежать только ему – Тихону Тихому. Как с чистого листа все начать. Что его ждет? Успех? Поражение? Он никогда не узнает, пока не попробует. И Славку же он спустя столько лет именно сегодня не случайно встретил.

- Ресторан буду делать.

- А ты в этом разбираешься? – неуверенно спросил Ракета.

- Неа. А ты?

Ракитянский выразил свое отношение к ресторанному бизнесу громким фырканьем.

- Значит, будем разбираться, - пожал плечами Тихон, поморщился от боли и протянул товарищу детства руку. – Ты со мной?

Славян закатил глаза под лоб и с видом «Где наша не пропадала» ответил на рукопожатие. Не случайно же он сегодня Тина встретил – спустя столько лет?

- Только имей в виду, - ткнул пальцем куда-то в угол листа. – Пока ты тут не распишешься, документы силы не имеют.

Тин, не мешкая ни на минуты, поставил свою закорючку, где тыкал Ракета. Он потом всегда так делал, потому что доверял Славке. Не зря же будущие компаньоны встретились именно в тот день?

У одного на руках был свеженький, пахнувший типографской краской и чернилам, в бордовой обложке диплом бакалавра юриспруденции гражданско-правового профиля, у второго за плечами – реабилитационный центр для подростков и армия. Мозгов – примерно поровну у обоих, и с избытком. А еще – только молодостью дающаяся уверенность, что все получится. Что невозможного нет.

Они ни черта не боялись, были молоды и полны желания свернуть горы. У одного – диплом с отличием юрфака МГУ, у второго – троечный аттестат о среднем образовании. Они были идеальной командой.

И они свернули горы. Пару раз чуть не свернули себе шеи – фигурально выражаясь. Один раз чудом избежали ареста имущества. Пришлось отрезать от ресторана часть площади и сдавать в аренду. И, да, приходили «друзья» Лидмана, но с ними Тин разобрался. Хватит с него одного ранения в плечо.

Тихон жутко комплексовал по поводу отсутствия у него хотя бы какого-то мало-мальски приличного образования, но тщательно скрывал и виду не показывал. Зато читал все подряд. Даже когда понимал одно слово из пяти. И как губка впитывал все, что слышал. По-детски радовался, когда у него получалось что-то сообразить раньше Роси, хотя подозревал, что Славка иногда нарочно поддавался. Зато в шахматы он Ракету честно надирал – и тут бесился уже Славян.

А вообще разное было за это время. Даже не верилось, что им, двум молодым идиотам, у которых один диплом на двоих, пусть и красный, удалось что-то сделать. Да не просто «что-то» - к тридцати годам получилось ДЕЛО. Работающее, приносящее прибыль, за которое не стыдно. Да, такие финты выходят только у очень везучих и очень бесстрашных. И верящих, что невозможного нет.

Судьба поводила-поводила Тихона кругами, пару раз подвела к краю и все-таки выдала билет в тихую гавань. Уберегла.

Как Аристарх корил себя. Как упрекал. Хотя сначала гордыня и гнев свое взяли. Да как так? Да за что? Все делал как полагается. А сын... сын настоятеля храма, митрофорного протоиерея... И вот так вот. Какой позор. Какой стыд...

К осознанию, что это его стыд и позор, а не Тишин, Аристарх шел долго. Но все-таки принял эту правильную мысль. Это он отец. Должен быть умнее, мудрее. Не доглядел. Не понял. Упустил. Что не маленький и послушный мальчик уже, а подросший юноша. С дочерью все было как-то проще. А сын... Думал Аристарх, в спортивной секции из парня дурь выйдет, а получилось только еще хуже. И слова все эти модные: пубертат, гормоны – есть в них какой-то смысл. Надо было иначе. Тиша явно характером в деда уродился. Хоть и не застал деда своего живым, а повадкой очень походил на «красного конструктора» Петра Тихого - отец о себе и своих молодых годах сыну Аристарху откровенно рассказывал, все, как было, не обеляя себя. На фотографиях, где они оба сняты в гимнастерках, сходство между дедом и внуком было особенно заметно. А не только внешнее сходство. У Тишки такой же крутой нрав, как у деда. И надо было внимательнее, гибче. Но Аристарх вместо этого без отцовской мудрости, нахрапом, запретами, авторитетом. Вот и получил. Сам виноват.

А жизнь повторного шанса все никак не давала. Когда Тихон вернулся из центра, такие гнусь и мерзость из него полезли, настолько безобразно себя вел, что когда после очередного окрика отцовского сын, закинув на плечо спортивную сумку, хлопнул дверью родительского дома, Аристарх только перекрестился облегченно. Впрочем, спустя час еще более облегченно выдохнул, когда старшая дочь, Нина, пришла домой и хмуро сообщила, что Тихон собрался жить у тренера. Пока.

Нина была единственной, с кем Тихон поддерживал хоть какие-то отношения. Они с самого детства были не разлей вода. Разница в два с небольшим года, схожие характеры и внешне почти как близнецы. Дрались, бывало дело. Но в то же время Тихон квасил носы особо недогадливым Нинкиным ухажерам, а она писала за него сочинения. Так было до того лета, когда Тихона забрали в реабилитационный центр. И потом только на ее письма он отвечал, фотографию из армии ей прислал и только с Ниной разговаривал толком, когда вернулся. Впрочем, младшие, София и Лиза, не понимали еще, что происходит в семье. Кроме того, что происходит что-то нехорошее. Аристарх чувствовал, что он виноват в этом раздоре. И как дальше-то жить? Как наставлять паству, если у самого под боком такой пожар?

Известие о том, что Тихон ушел в армию, принесло облегчение. Может быть, хоть армия его перевоспитает? Оценить результат не получилось – домой Тихон из армии не вернулся. Обосновался в Москве – информация поступала все от той же Нины. И даже этому Аристарх слегка и малодушно, но обрадовался. Поначалу. А потом чувство вины стало давить на сердце все сильнее. Душно. Тяжело. Обреченно.

Известий от Тихона почти не было. Иногда он звонил Нине. И только. Жив, здоров. Работает. Все. А потом он приехал. На какой-то иностранной машине, в которой было двое – водитель и сам Тихон. Вышел из автомобиля с полными руками пакетов. Аристарх смотрел на сына молча. А тот сгрузил подарки у порога и усмехнулся.

- А вы все нищенствуете? Эх, батя, батя... На вот... - полез в карман куртки за кошельком, зашелестели купюры. – Ты, если чего надо, звони, вот номер. – К купюрам приложилась бумажка с написанными от руки цифрами. – Я теперь денег много зарабатываю, помогу тебе младших на ноги поставить...

Даже не слова ударили. А больше всего запах взбесил. От Тихона пахло спиртным. Сильно. Полетели в стороны деньги. Бас Аристарха было по всей улице слышно. А потом с ревом умчалась иностранная черная машина, оставив семейство Тихих по-прежнему без сына. Аристарх стоял, прислонившись к косяку и держась за левую половину груди, – там колело немилосердно, жгло огнем. У другого косяка тихо плакала Серафима. София и Лиза молчали, потрясенные. И только Нина двигалась – с хмурым видом собирала разлетевшиеся по всему двору разноцветные бумажки.

Ту ночь Аристарх провел без сна, на коленях перед престолом в храме, где был настоятелем. Просил у Отца Небесного вразумления в своем мирском долге и пути отца собственного сына. Как жить дальше? Что делать?

Оказалось, что уже стемнело. Кто-то включил лампу на тумбочке. Прошло гораздо больше получаса. И, что совсем удивительно, за все время исповеди отца и сына Тихих у их своеобразного

«духовника» ни разу не зазвонил телефон. Как будто все внезапно забыли о заведующем травматологическим отделением. Это ли не чудо?

Еще бы спина так не ныла – Самойлов только сейчас осознал, как затекла поясница. Снова. И еще попутно обратил внимание, что все это время отец и сын держались за руки. Да уж. Наверное, он все же лишний. И теперь Тихим надо побыть вдвоем. Глеб Николаевич и так совершенно неожиданно и непрошено оказался свидетелем их долгожданного примирения. Но с другой стороны, у него есть собственный сын. И он тоже натворил глупостей, пусть и не столько, сколько Тихон Тихий.

Самойлов кашлянул.

- Да уж, Тихон... Слушал я тебя и думал, что пуля в плече – ты еще легко отделался при своем характере. И, кстати, раз уж разговор зашел. Обязан сказать, так что уж прошу меня теперь послушать.

Оба Тихие уставились на него похожими серьезными взглядами.

- Причиной, спровоцировавшей падение, и, как следствие, вызвавшей смещение пули и то острое состояние, которое за этим последовало, стал удар. Удар, который нанес... мой сын. Если говорить по закону, ты, Тихон, имеешь полное право предъявлять претензии об ущербе здоровью и временной утрате трудоспособности. По закону – имеешь.

Тихон явно собрался ответить, но Глеб Николаевич не дал.

- Подожди. Я не закончил. Хочу, чтобы ты кое-что для себя уяснил, прежде чем мне ответишь. Ты несколько лет ходил с бомбой внутри – это понимаешь? По краю ходил, по самой кромке. Любое падение могло вызвать то, что случилось позавчера. Ты мог банально поскользнуться. Тебя могли нечаянно толкнуть. Тебе было достаточно просто не слишком удачно упасть. Чтобы пуля сместилась и пережала артерию. Думаю, это был только вопрос времени. Как ты вообще себя сохранил при таком положении пули и твоим характере буйном, я понять не могу, - зав. травмой покачал головой. – Везучий, видать. Очень. Потому что представь себе, Тихон. Ты поскальзываешься. Или тебя толкают. Ты падаешь. На плечо. Ситуация развивается по уже известному сценарию. И какова вероятность, что рядом окажутся люди, которые быстро поймут, что с тобой произошло? Поймут, среагируют, смогут организовать медицинскую помощь? Думаю, она близка к нулю. Тебе невероятно повезло, что тебя ударил врач. И что это произошло в двух шагах от хирургического корпуса. Конечно, по закону Колька виноват. А по совести он тебе жизнь спас.

Ответить Тихон снова не успел. Раздался тихий всхлип, и все трое мужчин повернули головы к двери палаты. Там по косяку медленно сползала Серафима Андреевна Тихая.

Первым среагировал Глеб Николаевич – потому что врач. Подскочил, успел подхватить. А тут и Аристарх подоспел.

- Сима, Симочка, да ты что...

А у Серафимы Андреевны совсем побелели губы, и пальцы, которыми она вцепилась в ворот рубашки мужа, тоже. Сдав женщину на руки ее супругу, Самойлов выглянул за дверь. И в коридоре травматологии послышался громкий голос заведующего.

- Маришка! А, это ты, Рита! Сердечного чего-нибудь, сюда, в VIP, живо!

Постовая сестра бегом сорвалась с места.

А потом, удостоверившись, что с Серафимой Андреевной все в порядке, и она пришла в себя, и щеки порозовели, и муж с сыном хлопчут вокруг нее, Глеб Николаевич собрался уходить. Тихим теперь точно надо побыть узким семейным кругом. Но от двери обернулся и произнес, глядя через всю палату в глаза младшего представителя необычного семейства:

- Ты подумай над тем, что я тебе сказал, Тихон. И дай знать, что решил.

- А тут и думать не о чем, - упрямый взгляд из-под нахмуренных бровей показался Самойлову странно знакомым. – Я понимаю, что у Вас, Глеб Николаевич, обо мне не самое лестное мнение сложилось. Но у меня и в мыслях не было винить... - Тихон негромко кашлянул, – обвинять Вашего сына в случившемся. Во всем виноват я сам.

Заведующий кивнул невозмутимо.

- Рад такому решению. Ну, тогда всего хорошего, - взглянул на наручные часы. – До конца времени посещения осталось двадцать минут. А, впрочем... Если что, скажете, что я разрешил. Ну и VIP, опять же.

Самойлов аккуратно прикрыл за собой дверь и пошел по коридору отделения в сторону своего кабинета. Что-то утомили его Тихие своими откровениями, прямо до чрезвычайности утомили. А странно все же, что ему за все время никто не позвонил. Вот чудо чудное.

- Приветствую тебя, дочь.

- Привет, пап, - рассмеялась Варя. – У тебя получается говорить? Проверка закончилась?

- Да прямо, - вздохнул отец. – Эти пока всю кровь не выпьют – не угомонятся. Я тебе с отчетом звоню.

- С каким отчетом? – опешила Варвара. В чем ей отец может отчитываться?

- Твоего ненаглядного я перевел из реанимации в VIP-палату, разместил со всеми удобствами. Состояние у него стабильное.

- Он не мой!

- В каком смысле – немой? – изумился отец. – Ничего не немой. Говорил сегодня столько, что слушать – не переслушать. Пока с отцом мирился – прямо соловьем разливался.

- В том смысле, что он мне никто! - потом до нее дошел смысл всех сказанных слов. – Как – мирился? А он что – с отцом в ссоре был?

- О, да ты о своем поповиче, я смотрю, ничего не знаешь, - хмыкнул Самойлов-старший. – Там не то, что ссора, там такая драма семейная – хоть кино снимай, хоть книжку пиши. – И с внезапным воодушевлением: – рассказать?

- Не надо! – и тут же пожалела о своих словах, но упрямо продолжила: – ничего о нем не хочу знать. Ни-че-го!

- Ладно, - на удивление покладисто согласился отец. И вдруг внезапно спросил строго: – Ты мне тогда скажи, что у тебя с квалификационной работой? Готовишься?

Варя вздохнула. Она точно знала, что такая резкая смена темы разговора означала только одно – отец пришел к каким-то выводам. А если папа к чему пришел, то его и бульдозером с места не сдвинуть. И шут его знает – хорошо это или нет. Знать бы – какие это выводы. Варя еще раз вздохнула и принялась отчитываться о проделанной работе.

Действие тринадцатое. Провинциальная труппа показывает столичным звездам, как надо играть.

Из авторской суфлерской будки с восхищением: «Во дают коломенские!»

Новый посетитель, нанесший визит к нему в больничную юдоль, изумил Тихона до крайности. Изумление усугубилось тем, что визитер застал Тина врасплох: во время выполнения комплекса упражнений, который ему прописал Глеб Николаевич – заведующий сказал, что чем раньше начать, тем скорее начнется процесс реабилитации. Выписывать его Самойлов не торопился – из-за довольно сложной пластики сосудов хотел еще понаблюдать в динамике, как поведут себя рука, голова и сердце. А что тут смотреть? Рука не слушалась, голова пухла, а сердце ныло.

Тихон с шипением выдохнул и сердито уставился на собственную левую ладонь. Рука как не своя. Хорошо, что левая. Хотя Глеб Николаевич говорил, что правая быстрее бы восстановилась из-за вынужденной нагрузки – для правши, разумеется. Тин попробовал в очередной раз выполнить упражнение и негромко выругался.

- Ай-ай-ай, - раздался за спиной насмешливый голос. – Распивать алкогольные напитки, курить и нецензурно выражаться в отделении запрещено.

Тин резко обернулся. Поморщился от боли в плече. И раскрыл рот от удивления. В дверях палаты стоял здоровенный рыжий борец-вольник, детский хирург и Варин старший брат в одном лице. Николай был облачен в белый халат, а в руке держал полупрозрачный пакет с ярко-оранжевыми апельсинами. Удивить сильнее было сложно.

- Здорова, - невозмутимо кивнула молодая копия заведующего «травмой» и шагнула в палату. – Как ваше ничего, Тихон Аристархович?

- Привет, - растерянно ответил Тин. Проследил взглядом за апельсинами, пристроенными на холодильник. И понял, что совершенно не знает, что сказать. И почему-то волнуется.

Варин брат сел на стул и кивнул, приглашая присоединиться. Тихон стянул со спинки кровати полотенце, промокнул вспотевшие шею и лицо и устроился на краешке постели.

- Как рука? – деловито, как ни в чем не бывало, полюбопытствовал Николай. Практически с отцовскими интонациями.

Тин решил попробовать ничему не удивляться.

- Нормально. Разрабатываю потихоньку.

- Слышал я твоё «потихоньку», - усмехнулся Самойлов-младший.

- Ну... трудно бывает... иногда, - и все-таки решил задать по сути закономерный вопрос. – Чем обязан высокой чести визита?

Сам поморщился едкости своего вопроса. Не то хотел сказать. Не так. Волнуется.

- А я это... - Николай вздохнул, поскреб в затылке. – Ну, в общем ... Извиниться пришел.

Не удивляться не получилось. Челюсть бы поймать успеть.

- Извиниться?! За что?!

- Как – «за что»? – вполне искренне изумился Варин брат. – За то, что чуть не прибил тебя.

- Ты извиняешься за то, что попытка вышла неудачной?

- Нет! – рявкнул Ник. Трудно у них разговор начался. Но Николай твердо решил поговорить. Потому и пришел, хотя несколько дней настраивался на визит.

- Слушай, - вздохнул Тин. Ему тоже было неловко за свои слова. Не то он говорит, совсем не то, что хочет. – Мне твой отец уже все объяснил. Что я все это время после ранения по острию ножа ходил. С этой пулей возле артерии. Так что если бы не ты...

- А ты о ней не знал? – перебил Николай – у него проснулся профессиональный интерес. – Вообще не знал?

- Нет, - покачал головой Тин.

- Как такое может быть?

- Меня же не в больнице оперировали.

- А где? – опешил Николай. – А... как?

- А вот так, - невесело усмехнулся Тин.

Ник вспомнил свою эфиопскую практику и кивнул. Да, может быть по-разному, и так, в том числе.

- И тебя ничего не беспокоило? – Ник все никак не мог удовлетворить свое любопытство, хотя пришел не за этим. Но уж больно случай интересный.

- Беспокоило, - неловко ответил Тихон. Никак он не ожидал, что будет обсуждать с Вариным братом свое здоровье. Он вообще не ожидал, что тот к нему придет. Хотя в жизни Тина в последние дни неожиданные события – норма. Приветов из прошлого петардами взрываются чуть ли не каждый день. – Ныло на дождь. На смену погоды. Я думал, это последствия ранения. В общем, если бы не ты, помер бы я где-нибудь тихой сапой, поскользнувшись в гололед. Так что извиняться тебе не за что.

- Да ты и так чуть не сдох от моего удара! – Нику надоело ходить вокруг да около. Он должен сказать все как есть. – Батя мой, конечно, тебя накрутил, чтобы ты заявление на меня не писал за нанесение тяжких телесных. Но ты же реально помирал и...

- Я в любом случае не собирался писать заявление на тебя, - сумел вставить слово Тин.

- У меня вся жизнь перед глазами пролетела, - вздохнул и как-то без прежнего запала продолжил Ник. – Я как подумал... Что я своими руками... - Николай смотрел на свои ладони, словно не веря. – Ведь если бы мы с Варькой соображали чуть дольше... Если бы Варина медсестра не вышла в тот момент... Если бы батя не дежурил... Все могло бы в любой момент кончиться. В любую секунду. И стал бы я... убийцей. А у меня дочь в тот день родилась, представляешь?

- Поздравляю, - немного не к месту ответил Тин. – Слушай, забудь. Забей. Я сам виноват. И, знаешь...

Тихон встал и отошел к окну. Так ему было проще сказать то, что хотел. Повернулся лицом к стеклу. Невежливо, но иначе он вообще не решится. Нет. Дернул головой. Развернулся, уперся спиной в подоконник, хмуро посмотрел Николаю в глаза.

- Это я должен извиняться. Не перед тобой – перед Варей. Не знаю, как решать эту задачу, да и не о том сейчас. Я про другое хочу сказать. Я точно знаю, что тебе и твоему отцу я жизнью обязан. Понятия не имею, что ты с этим будешь делать, но знай – можешь в любой момент меня о чем угодно попросить. Хоть пианино на десятый этаж без лифта поднять, хоть денег, хоть...

Ник поморщился и собрался что-то сказать, но Тин поднял руку.

- Просто дослушай. Мало ли как в жизни сложится. Просто знай, что есть человек, которому ты можешь позвонить, и он сделает для тебя все возможное и невозможное. Все. Почти все. Но одного я для тебя не сделаю.

- И что же это? – Ник пытался не показать, как поражен словами Тихона.

- Не проси меня отказаться от твоей сестры. Я ее обидел, и крепко. Но без нее не могу. Не отпущу Варю – и не проси. Не знаю, что и как буду делать, но я ее верну.

- Ой, вы посмотрите на него! – Ник сцепил ладони на колене. – Сам еще ложку толком поднять не может, а туда же. «Не отпущу, верну». Герой прямо.

Какое-то время они смотрели в глаза молча, словно оценивая: и друг друга, и сказанные слова. А потом Николай смущенно отвел взгляд. Блин, это как-то неправильно, перед Варькой неудобно и вообще....Но этот Тихий начал ему нравиться. Нормальный, кажется, мужик.

Неловкую паузу прервало открытие двери. Ник обернулся и невольно привстал. А вот и Тихий-старший собственной персоной. Однако производит впечатление.

Отец Аристарх прошел к окну, коротко обнял сына – и Тихон обнял отца в ответ, одной рукой. А потом Тихий-старший обернулся к Николаю.

- Насколько я понимаю, этот молодой человек - сын Глеба Николаевича?

- Угу, - отозвался из-за спины отца Тихон. Почти из-за этой спины не видимый.

- Николай Самойлов, - представился Ник. И поймал себя на том, что стоит на вытяжку. И все равно смотрит на отца Тихона немного, но снизу вверх. Непривычно как-то.

- Рад знакомству, - Николаю протянули руку, и он ее осторожно пожал.

- Взаимно, - Ник ответил согласно этикету, а потом на него плюнул. – Не знаю, в курсе ли вы...

- В курсе, - кивнул Аристарх Петрович и сел на второй стул. – Тиша, а ты чего стоишь? Садись, давай, в ногах правды нет.

Тихон усмехнулся, но прошел, устроился на кровати с ногами. Кажется, в присутствии отца он скинул лет пятнадцать, и в его поведении стало проскальзывать что-то мальчишеское, детское.

- Я, Николай Глебович, - продолжил отец Аристарх, - очень рад, что нашелся все-таки человек, который Тишу образумил и на путь истинный наставил. Благодарность за то вам моя и супруги моей, Серафимы Андреевны.

Николай растерянно кивнул. А Тихий-старший продолжил невозмутимо.

- Тиша у нас мальчик своенравный, далеко не всякого слушает. Я очень рад, что к вашим аргументам, Николай, Тиша прислушался.

Ник сидел ошарашенный. «Своенравный мальчик», кажется, героически пытался не ржать.

Отец Аристарх посмотрел сначала на одного, потом на другого, улыбнулся в бороду и поднялся на ноги во весь свой внушительный рост. А Ник вспомнил вдруг книжку про Александра Невского, которую читал в юности. И там был эпизод, как на одну из свежестроенных северных русских крепостей совершила налет чужь. Нападение было совершено в банный день, когда вся дружина парилась в бане. Первым делом налетчики бросились грабить, разумеется, церковь – там золото, серебро, драгоценные камни. И к тому моменту, когда голая дружина, только лишь в мечи и щиты одетая, подросла, то увидела, как местный настоятель тяжелым золотым крестом направо и налево один оборону храма держал от разграбления. И удержал ведь.

А еще в книжке Стивена Кинга, которую Нику как-то Варя подкинула, был священник, про которого сам автор писал, что если бы такой апостол был у Христа, то на кресте оказался бы Понтий Пилат. Николаю подумалось, что Аристарх Тихий принадлежит именно к такой категории священнослужителей.

- Так, юноши, вижу, вам есть о чем побеседовать. Оставляю вас пока - мне надо кое-кого в отделении еще навестить. Ты уж прости, Тиша, что я сегодня не в партикулярном. Но тут есть люди, которые нуждаются в наставлении священника.

- Батя, перестань, - было видно, как Тихону неловко. – Одевайся, как тебе надо. На мое отношение к тебе это... никак не влияет.

- Вот и славно, - спокойно кивнул Аристарх. – Ой, Тиша, смотри-ка. К тебе еще гости.

И тут пришел черед Николаю ловить челюсть. Таких... хм... барышень он еще не видел. Удобные черные ботиночки на плоской подошве в голубом полиэтилене бахил, клетчатая юбка в складку до колена, уютный бордовый свитер, сумочка на плече, аккуратное темное каре до плеч. Вполне симпатичная молодая женщина. Только габаритами примерно как сам Николай. Или чуть меньше, но самую малость. Такая вот... фея.

- Нина, оставляю брата на твое попечение, - Аристарх, выходя, коснулся плеча девушки рукой. - Я еще попозже зайду.

Нина еще пару секунд постояла в дверях. А потом с воплем «Тишка!» кинулась к брату. Тот резко поднялся на ноги. Кажется, когда они обнялись, дрогнул пол.

- Тиша, Тишка... – хлюпала Нина куда-то в шею брату. – Напугал нас! Свинтус!

В ответ Тихий вполне убедительно изобразил хрюканье, за что схлопотал ладонью по плечу, охнул и получил еще одну порцию уже более осторожных объятий. А потом брат и сестра Тихие наконец-то расцепились.

- Нина, это Николай Самойлов. Сын хирурга, который меня оперировал. Николай, это моя старшая сестра Нина.

Ник на всякий случай снова встал.

- Здравствуйте, Нина, - произнес Коля с некоторой опаской. И не напрасно. Если кому-то рассказать, что его обняли и прижали к весьма пышной груди так, что у него в позвоночнике что-то хрустнуло, никто же не поверит! А потом Нина его еще и поцеловала – в щеку.

- Спасибо, Коленька! – Николай настолько опешил, что на «Коленьку» уже не среагировал. – Папа рассказал, что если бы не ты, Тишка бы рано или поздно... - Нина вздохнула, всхлипнула, поспела, еще раз вздохнула. – Бестолочь он у нас. Хорошо, что ему попался такой человек как ты!

Никому оставалось только пытаться держать глазные яблоки в пределах глазниц, а рот не настезь распахнутым. Вот это семейка! Совсем не так Николай представлял себе визит к Тихону Тихому.

- Добрейшего дня, Глеб Николаевич!

Заведующий оторвался от бумаг и поднял голову.

- А, Аристарх Петрович. День добрый.

Отец Аристарх прошел в кабинет. В руках у него, помимо почти привычного чемоданчика с обрядовыми принадлежностями, был еще пакет.

- Вы сегодня завтракали, Глеб Николаевич? Только честно.

Самойлов неожиданно усмехнулся.

- Как на духу вам отвечаю, отец Аристарх. Не успел. Дежурство сумасшедшее.

- Так я и думал, - Тихий пристроил пакет на стол. – А не дело это. Серафима Андреевна вам тут передала. С капустой, с картошкой, с яблоками. С вишней, правда, Тишка все выудил.

А потом они пили чай с пирогами и беседовали. Степенно и обстоятельно. Один - врачеватель тел, другой – душ. И Глеб Николаевич в который раз удивлялся тому, что в присутствии Аристарха Петровича его собственный телефон молчит. И в кабинет никто не заглядывает. Ну чудеса же?

- Глеб Николаевич, вы по совести мне скажите – не мешаю я вам? Так уж вышло, что когда позвонили тогда из больницы – я сразу со службы, как был, сюда приехал спешно. А люди, знаете, реагируют на рясу. Я привык, всегда готов. Но заведение тут государственное, а государство у нас светское. Вы в отделении – главный. Если мои визиты вашим пациентам мешают, скажите.

- Будут мешать – скажу, - кивнул Самойлов. – Пока только пользу вижу. Восьмая палата у меня вашими стараниями вообще преобразилась. Как смогли убедить, поделитесь секретом?

- У вас свое мастерство, у меня – свое, - отец Аристарх улыбнулся и отпил еще чаю. – Главное, что дело общее делаем.

- Угу, - немного рассеянно кивнул заведующий. А потом все-таки спросил о том, что немного беспокоило. – А я думал, раз вы тут – проповедовать начнете.

- Зачем? - искренне удивился отец Аристарх. – Для этого храм есть.

- Ну а как же... людей к Богу приводить?

- Мне кажется, вы неверно понимаете иерархию, Глеб Николаевич. Я не привожу людей к Богу. На это способен только сам человек. Я могу только помочь.

Заведующий решил не вдаваться в теологический диспут, и вместо этого вразумители еще поговорили про дела отделения, коллекцию подстаканников и пироги от матушки Серафимы, которые, и в самом деле, выше всяческих похвал.

Собранная сумка стояла у дверей палаты. Стараниями Роси были приготовлены и розданы подарки: Валентине Матвеевне, обеспечивавшей комфорт во время пребывания Тина в отделении, постовым и процедурным сестричкам, анестезиологу и физиотерапевту. Остался один человек, которого Тихон должен отблагодарить лично. Именно поэтому Тин стоял уже полчаса у поста, развлекал медсестер байками и уже порядком утомился и языком работать, и слушать их хихиканье. А заведующий все задерживался в операционной.

Девчонки вдруг резко перестали хихикать и принялись с деловитым видом шуршать бумажками. Тихон обернулся. Стеклопакетные двери в отделение наполнила знакомая медведеподобная фигура. И пока Глеб Николаевич шел по коридору, Тин словно другими глазами увидел Вариного отца. Усталость читалась в каждом движении. В медленной походке. В наклоне опущенной головы. В том, как на ходу растирал запястья. И Тихон впервые задумался, из чего состоят дни Глеба Николаевича. Или его сына. Или... дочери. Для Тина операция стала событием, перевернувшим жизнь. А для таких, как Варин отец, это каждодневная работа. И сейчас Тин отчетливо осознал, как она тяжела. Мысль показалась ему крайне важной, но он решил додумать ее потом. А сейчас...

- Здравствуйте, Глеб Николаевич.

- Приветствую, - кивнул Самойлов и обратился к медсестре. – Мариша, меня искал кто?

- Синицын вас искал! – тут же затараторила постовая. – Просил обязательно ему позвонить.

- Ясно. Выписку отдали? – заведующий кивнул в сторону Тихона.

- Да, - дружно отрапортовали обе медсестры как по команде.

- Ну все тогда, - Глеб Николаевич обернулся, наконец, всем корпусом к Тихону. – Я там расписал подробно, да и вчера мы вроде все проговорили. Ступай и не грехи больше.

Медсестры хихикнули, снова на диво слаженно.

- Глеб Николаевич, на два слова можно?

- Только на два, - кивнул после паузы Самойлов. – Не больше.

Он развернулся и пошел к своему кабинету. Спина была теперь прямая, руки в карманах. Но его опущенные плечи и жест, растирающий запястья, крепко врезались Тину в память. Прихватив стоящую на столе коробку, он пошел следом.

На эту коробку уже в кабинете Глеб Николаевич сразу недобро зыркнул.

- Если там коньяк, убери сейчас же. Иначе об голову тебе его расшибу.

- Ну что вы, Глеб Николаевич, какой коньяк, - вздохнул Тин. – Что я, не понимаю, что ли... Какой уж тут коньяк. Другие категории.

- Сообразительный какой, - хмыкнул Самойлов, тяжело опускаясь в кресло. – Ну, где там твои два слова?

Тин помолчал немного. А потом вдруг спросил – совсем не о том.

- Скажите – оно того стоит?

Вопрос прозвучал по-дурацки. Он вышел странным, непонятным, и Тихон был готов к ответному: «Ты о чем?». Но Варин отец вопрос понял. Сначала взъерошил волосы на затылке, размял шею, наклонил голову вправо, влево.

- А скажи мне, Тихон, как ты определяешь, что правильно, а что - нет?

Теперь уже Глеб Николаевич ошарашил вопросом. Тихон всерьез задумался над ответом, а Самойлов продолжил с усмешкой.

- Ладно, подумай на досуге на эту интересную тему. А я тебе скажу, как я считаю. Правильно – это когда все остальное неправильно. Понимаешь?

Тин нахмурился.

- Не могу я по-другому, - вздохнул заведующий. – Не могу и не умею. Пробовал иначе и все равно сюда вернулся. Ну и как ты думаешь, что это означает? Что оно того стоит?

- Да, - серьезно кивнул Тихон после небольшого раздумья.

- Ну вот ты и ответил на свой вопрос. Это все, что ты хотел мне сказать? А то меня начальник протезной мастерской ждет, а я ему данные еще не подготовил. И если сегодня не дам, Алексей Тимофеевич меня самым тяжелым протезом отдубасит.

Тин не поверил, что кто-то сможет отдубасить заведующего травмой хоть протезом, хоть чем другим. Но чужое время, и в самом деле, не стоит понапрасну занимать. У Тихона есть дело и разговор. Он шагнул к столу и поставил коробку.

- Это вам. Там не коньяк.

Самойлов хмуро посмотрел сначала на Тина, потом на коробку.

- Зачем это вообще? Мы с тобой сполна рассчитались, мне Валентина Матвеевна доложила.

Тихон упрямо покачал головой и подвинул коробку ближе к врачу.

- Откройте. Мне кажется, вам понравится.

Самойлов еще похмурил брови и зашуршал упаковкой. Потом сунул в нее нос. Достал содержимое целиком. Вдохнул – и обреченно, и восхищенно.

- Гад.

- Я был уверен, что вам понравится, - широко улыбнулся Тин.

- Ты просто знал, от чего я не смогу отказаться! - Глеб Николаевич держал в руках серебряный подстаканник, поворачивая его в разные стороны. Старинный. Перевернул. Ага, вот и дата. Больше ста лет назад. Снова вернул в вертикальное положение, еще покрутил. Надо же. Не просто старинный – именной.

- Боюсь представить, сколько это стоит... - голос Самойлова задумчив. – Антиквариат же. Решил откупиться от меня по-крупному, Тихон Аристархович?

- Нисколько это не стоит. Это вещь принадлежала моему прадеду. Жалована не помню по какому случаю то ли великим князем, то ли еще кем-то таким же сиятельным.

Глеба Николаевича не обманул этот небрежный тон. Он резко поставил подстаканник на стол и отодвинул от себя. Тихон так же резко отступил назад и замотал головой.

- Обратно не возьму. Отец просил принять подарок.

- Так уж и просил? – насупился Самойлов.

- Ну... Благословил подарить.

- Ох... - вздохнул Глеб Николаевич. – И что мне с вами делать, Тихие?

- Так вы все уже сделали, Глеб Николаевич. Осталось благодарность принять.

Заведующий помолчал. А потом неохотно кивнул.

- Ладно. Убедил. Спасибо.

Одну победу Тин одержал. Со вторым делом сложнее.

- Еще один вопрос обговорю, можно?

- Ты целую речь подготовил, я смотрю. Прямо как нобелевский лауреат, - Самойлов откинулся в кресле и не удержался – взял подарок в руки. Какая работа. Какая чеканка. Сейчас так не делают. – Вещай давай.

Тихон вздохнул. Он собирался сказать Самойлову-старшему то, что уже сказал младшему. Но с Вариным отцом говорить на эти темы не в пример сложнее, чем с ее братом.

- Глеб Николаевич, мы с вами оба знаем, что я вам жизнью обязан. Если бы не вы, сейчас я бы тут не стоял. Хотите, не хотите – а вы мне как... второй отец.

Глеб Николаевич молчал и смотрел внимательно. Даже подстаканник обратно на стол отставил.

- Собственно, по большому счету, я весь с потрохами вам принадлежу. И если что-то вам нужно... Лично вам... или что-то для отделения... для больницы. Вы скажите. Любые деньги. В пределах того, чем я владею.

- Прямо так и подмывает выписку из банка попросить. Оценить, так сказать, какое счастье мне привалило и чем я теперь могу распорядиться, - наконец-то отреагировал Самойлов.

- Я серьезно!

- Да по лицу видно, что серьезнее некуда. Ничего не надо. Ты VIP-палату оплатил, подарок доктору сделал, подарок мне понравился. Все - совесть твоя чиста. Остальное – блажь.

- И все равно, - Тин упрямо продолжил. – Вы подумайте. Я для вас все, что попросите, сделаю, - и, после паузы и тише. - Кроме одного.

- Ну-ка, ну-ка... Заинтриговал. Чего же это меня лишили?

- Я... - и, решившись, на одном выдохе. – Я люблю вашу дочь.

Пауза в этот раз вышла еще более долгой. Заведующий складывал и раскладывал дужки у очков.

- Ну и дальше что?

- Я не знаю, в курсе вы или нет...

- Что ты подлец и мерзавец? Извещен.

Тихону показалось, что он сейчас покраснеет. Это было бы глупо и некстати. Но взгляд все же отвел. Посмотрел в пол у своих ног. А потом поднял голову.

- Да, все так. Но без Вари не могу. И не хочу. Без нее... как вы говорили? Все неправильно без нее. Так что... вот.

- Что – «вот»? Это была декларация о намерениях? Ладно, я ее выслушал. Что еще?

- То есть... вы не против? - Тин немного растерялся.

- Против чего? Чтобы ты Варьку любил? Так тут запретишь разве... - Самойлов встал из-за стола и повел плечами, поморщился. – Варвара у меня девица взрослая, умная, самостоятельная. У нее своя голова на плечах есть, разберется, что с тобой делать. Ты только один момент учти в

своей декларации о намерениях. Если узнаю, что Варя из-за тебя плакала... хотя бы еще раз... Я, знаешь ли, страсть как не люблю женские слезы, Тихон. В общем, лучше тебе не знать, что я тебе оторву и куда засуну. И еще учти – в этом случае откачивать тебе будет уже некому. Усек?

- Усек.

- Тогда ступай с миром, отрок.

- Глеб Николаевич, - Тихон обернулся уже от двери. – Может быть, все-таки купить что-нибудь для отделения? Правда, очень хочется отблагодарить.

- Вот ты настырный, - вздохнул заведующий и принялся рыться среди бумаг, заваливших стол. Потом снял трубку с телефона. – Матвеевна? А где тот счет на реанимационные кровати, которые ты мне давеча под нос совала? У тебя? Тащи сюда, тут твой разлюбленный Тихон Аристархович жаждет нас облагодетельствовать.

Через минуту Тина смел ураган под кодовым названием «сестра-хозяйка и счета на реанимационные кровати».

- Здорово, тетя Варя.

- Привет, папа Коля, - рассмеялась приветствию Варвара. – Как твои девочки? Что говорит педиатр – когда можно будет выходить на прогулку? Мне уже не терпится протестировать, что мы с мамой выбрали.

- Девочки ведут себя хорошо. Как положено, - тон у Кольки самодоволен, но сейчас эти интонации в голосе брата Варю радуют. – А что нам педиатр? Мы сами себе педиатр. Через пару недель пойдем гулять. Папа Коля так решил.

- Отлично! – снова рассмеялась Варя. – Завтра к вам заскочу – сегодня не успею. А ты чего звонишь – соскучился, папа Коля? Или дело есть?

- Это ты, я смотрю, страшно деловая, - хмыкнул Николай. – Лишней минутки на брата нет.

- Да все равно завтра приеду.

- Приезжай. А звоню я тебе сообщить, что Тиныча сегодня выписали.

Варя не сразу сообразила, о ком речь. А когда поняла...

- Кого?! – задохнулась возмущением. - Коля!!!

- Что – Коля? Тридцать с гаком уже Коля. И не ори на старшего брата.

Но ей были уже до фонаря все его возражения.

- Не смей, слышишь! Не смей говорить мне о нем! Мне нет до него никакого дела! И тебе тоже нет до него дела! Ты меня понял?!

- Тебя бы даже глухой понял –так орешь, - проворчал Ник. – Как скажешь. Давай тогда, до завтра. – И, прежде чем Варя успела попрощаться, добавил: - Левая рука у него пока очень

ограничена в движении, реабилитация будет долгой, наверное. Но тебе же до этого нет никакого дела.

Варя смотрела на телефон в своей ладони. Николаше крепко повезло, что он сейчас не рядом. Это же надо было до такого додуматься! Будто после всего ей есть какое-то дело до Тихого, его рук и всего остального, с ним связанного.

- Мама, я не думаю, что это хорошая идея.

- Хорошая, хорошая, - безмятежно ответила Серафима Андреевна. – Даже думать нечего.

- Мам, я взрослый! Я столько лет жил один. Нет никакой необходимости со мной нянчиться. Я сам справлюсь.

- Видели мы, как ты сам справился, - неожиданно сурово ответила мать. – До чего ты себя довел своей самостоятельностью? До больницы. Чудом смерти избежал. Нет, Тишенька, не умеешь ты один. За тобой присматривать надо.

Тихон беспомощно смотрел на мать. Потом с тайной надеждой перевел взгляд на отца. Аристарх Петрович с преувеличенно сосредоточенным видом убирал с рукава подрясника какие-то ворсинки.

- Я с тобой поживу пару недель, - деловито продолжила Серафима Андреевна. – Или как получится. Потом Нина. Потом София. А там и у Лизы каникулы начнутся. Не переживай, сынок, мы тебя одного не оставим.

Прекрасная перспектива. Но придумать возражения Тин так и не смог.

Пришлось купить новый диван в гостиную – тот, что был, не годился, чтобы на нем спать. Тин с удовольствием уступил спальню матери: все равно он кровать почти ненавидел, если можно испытывать чувства к предмету мебели. Но когда он смотрел на кровать... или дверной проем... наверное, никогда не сможет забыть то, что с этим связано. Так что сейчас, может быть, и к лучшему, что мать рядом. Серафима не давала сыну слишком циклиться на тех событиях. Да и вообще – много было упущено времени, и сейчас они словно наверстывали.

Серафима Андреевна выдала расчет сотруднице клининговой компании и принялась за квартиру сына всерьез. Тихон махнул рукой на то, что переставили мебель, переложили вещи, перевесили шторы. Смог даже пережить то, что мать навела порядок на его рабочем столе. Все равно, почти ничего важного не потерялось. Ему вообще казалось, что когда мать, ворча, что в этих клининговых компаниях совсем не знают, как делать уборку, вытирала пыль в каком-то труднодоступном углу, уничтожалась не только пыль в комнате. Убирались грязь и труха из его собственной жизни. И поэтому Тин терпеливо помогал, чем мог, как позволяла далекая от полной функциональности левая рука.

Он очень серьезно подошел ко всем выданным Вариным отцом рекомендациям. Частная клиника восстановительной медицины. Массаж, комплекс упражнений, в том числе, и на специальных тренажерах. Аппараты с какими-то то ли токами, то ли импульсами. Тин

дисциплинированно выполнял все, что ему назначили. А в остальное время работал и развлекал мать. И думал. Ночами особенно. Бессонница мучила.

Когда Серафима Андреевна закончила полировать до блеска квартиру, она решила заняться шитьем, для чего нужно было привезти из Коломны швейную машинку. Правда, Серафима Андреевна обмолвилась, что машинка стала совсем капризной, а настоящих мастеров, которые могут починить изделие Подольского механического завода, выпущенное в далеком шестьдесят третьем, сейчас не сыскать. Может быть, Тишенька знает мастера?

Тишенька кивнул и сказал, что знает мастера. И вечером Сергей Леонидович внес в квартиру к своему нанимателю коробку – спасибо Маргарите Сергеевне, которая с Тихоном три часа промоталась по магазинам и помогла выбрать нужное. Открывшая дверь Серафима Андреевна только охнула, увидев на коробке заветные буквы «Singer». Тихон снова сделал подарок, от которого невозможно отказаться.

А воскресенье они провели в разъездах по магазинам тканей. Серафима Андреевна решила, что сыну нужны новое постельное белье и шторы. Тихон не спорил. А когда мать рассказала, что увлеклась в последнее время лоскутным шитьем, Тин преподнес матери еще кое-что – едва ли не более значимое, чем швейная машинка легендарной марки, хотя оно ничего Тихону не стоило. Но Тин уже начал понемногу приходить к мысли, что самые важные вещи не покупаются за деньги. Ни за какие.

Тихон позвонил хозяину мастерской, в которой заказывал обтяжку стен и некоторых элементов интерьера. Съездил туда и вернулся с двумя огромными мешками всевозможных обрезков тканей. После этого подарка Серафима Андреевна даже всплакнула. И, перетряхнув за пару вечеров содержимое мешков, села шить лоскутное одеяло. Как было сообщено Тину, одеяло будет выполнено в технике «Бабушкин сад». И засыпал Тихон теперь либо под стрекот швейной машинки, либо под тихое пение матери, работающей иголкой. Бессонница отступила.

Рося ржал, когда мать звонила Тину, если он задерживался на работе. Но Тихон на ухмылки Славяна не реагировал и терпеливо отвечал в трубку: «Да, мама, я понял. К восьми буду. Самое позднее - к половине девятого. Да, хорошо, обязательно». В один из вечеров, за домашним ужином, он пригласил мать в ресторан, хотя и опасался отказа. Ну так и получил его.

- Что ты, Тиша, - Серафима Андреевна разгладила на коленях фартук. – Так нельзя. Я в ресторан только с мужем могу пойти. Так что ты уж нас вдвоем с отцом пригласи как-нибудь.

И как-то совсем по-девичьи улыбнулась. Тин ответно улыбнулся матери. Но подумал, что отец-то точно не примет его приглашение.

К тому моменту, когда «сменить» мать прибыла старшая из сестер Тихих, начатое матерью лоскутное одеяло еще не было окончено.

- Ух ты! – присвистнула Нина. – Красота какая! Это кому?

- Первому внуку, - негромко ответила Серафима Андреевна.

Нина вздохнула, а Тин обнял сестру за плечи. Ничего. У него будет несколько недель на то, чтобы ее уговорить.

Переупрямить Нину Аристарховну оказалось не так-то просто. Да что там – попросту невозможно.

- Почему?!

- По кочану, - пожала плечами Нина. – Не дает Бог детей – значит, есть причина.

- Нинка! – Тин уже растерял все терпение. Бывают же такие упрямые женщины! – Дети не от Бога, а от того, что мужчина и женщина сама знаешь чем занимаются.

Нина посмотрела на него как на дурачка и ничего не ответила.

- Вы обследования проходили?

- Да.

- В Коломне?

- А где же еще.

- Представляю себе этот уровень! – Нина попыталась что-то возразить, но Тихон не дал. – Слушай, в Москве есть хорошие клиники европейского уровня! Которые занимаются вопросами лечения бесплодия. Как крайний вариант – есть еще ЭКО.

- Тиша... - сестра смотрела на младшего, как будто что-то новое увидела. – А ты откуда это знаешь? Слова-то какие... ЭКО!

- Я изучал вопрос, - хмуро буркнул Тин.

- Твою бы энергию – да в мирное русло, - вздохнула Нина.

- А твою энергию – собственным детям! – упрямо возразил Тихон. – Сколько можно в детском саду чужих нянчить?

- Перестань! – настырный брат ее все-таки достал. – Говорю же, если не дает Бог детей, значит, есть причина! Мы с Антоном решили... - Нина помолчала. – Еще год. И если не... то возьмем из детского дома.

- Нина...

- Все, закрыли тему! – отрезала Нина. – Слетай за пивом, малой.

- Я?!

- Кто младше, тот и бежит.

- Я на тебя Тохе пожалуюсь!

Нина только фыркнула.

На пиво с кальмаром неожиданно подтянулся Антон, который приехал в Москву за грузом. Правда, от хмельного отказался, потому что был за рулем, но посидел с ними пару часов. Тину было неловко от того, что из-за него муж с женой живут по разным городам. Но на все его

предложения забрать свою драгоценную с собой, потому что Тин в сестре-няньке не нуждается, Антон только отмахнулся, сказав, что давно мечтал от своей мегеры отдохнуть. Учитывая, как он в этот момент искоса поглядывал на «мегеру», зятю Тихон ни разу не поверил.

Зато они переговорили с Тохой по поводу его «Газели», на которой он экспедиторствовал. Зять, в отличие от сестры, не стал кочевряжиться и принял предложенную помощь. Договорились, что Антон машину сдаст по trade-in, а разницу за новую машину доплатит Тихон.

- Я тебе частями потом все верну! – предупредил Антон.

- Конечно-конечно, - Тин впился зубами в пелядь.

Нина только вздохнула. Она точно знала, что денег брат назад не возьмет. Но так же точно она понимала, как важно для Тишки, спустя столько лет, что-то сделать для семьи, для близких людей. Ему это было важно и нужно. Да и пусть мальчишка играет.

При Софии Аристарховне все стало строго и по расписанию. И никакого пива – даже в мыслях. Заскочивший в субботу по делам Рося нарвался сначала на душеспасительную беседу, что нельзя рот осквернять непотребными выражениями, а потом и вовсе был признан годным для позирования и усажен на табурет со строгим наказом не шевелиться. Ракета жалобно косил глазом, но мужественно вытерпел полтора часа, после чего удостоился чести испить чаю с пряниками.

На завтрак бывала каша, обедал Тихон на работе, а на ужин его баловали то макаронами с сыром, то рыбной запеканкой. На столах и других рабочих поверхностях множились наброски Тина, пейзажей из сквера и портретов Роси в образе почему-то князя Дмитрия Донского на фоне Коломенского кремля. София училась заочно в художественном училище и одновременно работала в иконописной мастерской одного из коломенских монастырей. С принятием монашеского пострига, которым бредила в юности, пока решила повременить. «В миру от меня пользы больше» - строго ответила София на вопрос брата. А Тину оставалось только тихо удивляться, какая у него серьезная и всесторонне положительная вторая сестра. Удивляться и умиляться. А еще с Софией ему стало удивительно спокойно. Настолько спокойно, насколько это было вообще возможно в его положении.

А с Лизой было весело. Они словно сравнялись в годах. Ходили в кино, на аттракционы и в аквапарк. А еще Тин зачем-то сводил Лизу... нет, не в Макдоналдс. В «Седьмое небо». Как Варю когда-то. Лизка, кажется, даже не дышала там первое время – надо же, как большая, как взрослая, в нарядном платье – в РЕСТОРАНЕ! Да в каком! Потом ничего, освоилась, разговорилась. И когда Тин спросил, видела ли она Москву с такой высоты, ошарашила брата ответом.

- Я на мир с высоты пять тысяч шестьсот метров смотрела.

Тихон поперхнулся минералкой и уставился выжидательно. Лиза немного смутилась, но продолжила.

- Мы прошлым летом с папой на Эльбрусе были.

Тину осталось только проглотить все изумленные реплики. Отец?! На Эльбрусе?!

- Каким образом вы там оказались?

- Папа организовал. У нас же отряд православных скаутов. И вот он нас и повел. Он и отец Владимир.

Тихон судорожно вспоминал, что знает об Эльбрусе. Получается, что ничего. И, выходит, о собственном отце тоже ничего не знает. Эльбрус. Пять шестьсот. Отряд православных скаутов.

- Ну и как... там? – спросил осторожно. Собственные поездки по всяким Таиландам показались вдруг детским садом.

- Красиво! – лучезарно улыбнулась Лиза. – Очень. Ты не думай – с нами проводники были, из местных. И мы готовились. И вообще... Здорово было!

- А... отец как? – Тихон все никак не мог переварить эту мысль. Его отец. Священник. И горы! Да какие. Серьезные, кажется.

- Ой, он молодец! Шел наравне с нами. То есть... - Лиза смутилась. – Папа в отличной форме, в общем! Он сказал, что это обязательно нужно сделать – посмотреть на мир Божий с такой высоты. Это как... паломничество.

- Круто! – наконец подвел свои впечатления Тин.

- Ага, - согласилась Лиза. – Только мама сильно переживала - за папу и за меня.

Наконец на семейном совете Тихих было решено, что Тиша вполне способен жить один. С регулярным контролем, разумеется. Забирать Лизу приехали отец с матерью.

- Может, поужинаем у меня в ресторане? – все-таки решился предложить Тихон, вспомнив разговор с матерью трехмесячной давности. – Ни разу же вы... не были.

Ожидал отказа все-таки. И снова дождался.

- Да что ты, Тиша, - серьезно ответил отец. – Какой ресторан, когда я так одет? Да и матушка тоже... Надо же, чтобы было красиво, нарядно, раз уж в мир выходить. У нас вот с Серафимой Андреевной через неделю тридцать пять лет будет, как мы друг дружке глянулись. Так вот и пригласи родителей отметить такую важную дату.

- Ты помнишь! - всплеснула руками Серафима Андреевна.

- Да как такое забудешь, - улыбнулся Аристарх Петрович.

Договорившись по горячим следам с родителями на следующую субботу, Тихон расцеловался со всеми, усадил свое семейство в машину к Сергею Леонидовичу и какое-то время еще стоял у подъезда. Уже скрылся за углом дома черный служебный седан, который увез его родителей и сестру в Коломну – сам Тин еще не рисковал так надолго за руль. Уже можно возвращаться домой – впервые за почти пять месяцев в пустую квартиру. Уже на дворе конец июля. Уже прошло сто пятьдесят три дня без Вари.

Что он сделал, чтобы вернуть ее? Чего он добился за это время?

Ничего.

Действие четырнадцатое. Обе трупы - из столицы и из провинции – дают совместное представление.

Из авторской суфлерской будки, со вздохом: «Что ж вас так много-то?» А потом, раздраженно побулькивая коньяком из кофейника: «Ну пустите уже Героя к Героине, не толпитесь рядом!»

Он обрел то, что уже и не чаял. Не ждал, но все-таки надеялся. Семья. Теперь у него есть семья. Но, как это часто бывает в жизни, приобретение обернулась и потерей. Что-то получаешь – тебе кажется, что просто так. Повезло. Но нет. Где-то убыло. Или убудет.

Только вернувшись к корням, Тин полной мерой осознал, что натворил. Что он там думал на завтра после того проклятого дня? Что купит Варе цветочный магазин? Предложит обручальное кольцо? Ха. Всего золотовалютного запаса самых богатых стран мира не хватит, чтобы купить Варино прощение. И дело даже не в том, что сам Тин вернулся к другой, изначальной системе ценностей. Он теперь лучше знал Варю. Познакомился с ее отцом и братом. Узнал, что это за люди. И понял, кто на самом деле Варвара Глебовна Самойлова. Не сладкая рыжуля, с которой ему охрененно в постели и нескучно вне ее. Нет, другая. Та, которую он старательно пытался игнорировать все время. Ее интеллект, сила характера, чувство юмора, жизненные принципы. Все теперь вышло на первый план. Из-за Вариной аккуратной спины возникли две здоровенные фигуры. Двое мужчин, так похожих между собой и на нее. Ее отец и брат. И это окончательно и бесповоротно показало Тихону, что за человек Варя, в какой семье выросла, кто ее воспитывал. И яснее ясного сказало о том, что у Тина нет шансов. Такая, как она, не простит того, что он сделал. Это невозможно простить. Да и сам он - он теперешний - никак не мог понять, как та Варя, которую Тин теперь узнал, сможет простить его тогдашнего, тот его поступок. Который был просто за гранью всего. Хотел отрезать ее, и отрезал. Окончательно. Обрыв, обвал. Катастрофа.

То, что поначалу, в первый момент казалось ему всего лишь большой лужей, препятствием значительным, но преодолимым – ну, подумаешь, ноги намочит в худшем случае – оказалось на деле огромным океаном. Не докричаться, не переплыть. Только утопиться с горя.

Как же он тосковал без нее. По разговорам. По улыбке. По тому, как много нового и интересного узнавал. У Тихона за годы самостоятельной жизни выработалась привычка в разговорах помалкивать и мотать на ус, отделяваясь шутками. Сказывались пробелы в образовании и университеты только жизни. С Варей же было нереально интересно и комфортно – включались на полную мозги, появлялось желание и слушать, и говорить. И много что еще делать. Сколько же всего у них было. Не сосчитать. Старательно не вспоминал то, что связывало их в постели, хотя прорывалось иногда неконтролируемо. Как обвивают его пальцы ее тугие гладкие локоны. Как идеально ложатся его руки на ее тело – кажется, все Варины впадинки и выпуклости точно созданы под его пальцы и ладони. Как сказано – каждой твари по паре? Он свою пару нашел. И потерял. И память снова вероломно возвращала его в тот злополучный день. Дверной проему и Варины глаза. И потом – спина. Все, что ему осталось, – видеть ее натянутую до звона удаляющуюся спину.

- Тихон Аристархович, вас тут спрашивают.

- Кто?

Услышав в трубке ответ метрдотеля, едва ли не бегом срывается с места. Ну наконец-то!

- Здорова.

- Привет, - с видимым удовольствием отвечая на рукопожатие. – Какими судьбами?

- Да так, - пожал плечами Самойлов-младший. – О здоровье заскочил разузнать. Как рука?

- Ага, как же! Поужинать на халяву заехал - так и скажи, - Тихон так рад Николаю, что тут же начал нести чушь.

- Не знаю, не знаю, - протянул Ник. – Рискну ли я в вашей забегаловке что-то съесть. Без опасения нажить гастрит.

- Пошли уже! – рассмеялся Тин и хлопнул Самойлова по плечу. – Доширак тебе заварю.

Под удивленным взглядом метрдотеля две похожие мужские фигуры двинулись в сторону входа в зал. На пороге Тихон обернулся.

- Никодим Иваныч, запомни хорошенько этого человека. После его визитов - всегда ложки пересчитывать.

Спутник Тихого только фыркнул. И они все-таки прошли в глубину помещения.

Виталий слова хозяина во внимание не принял. А взгляд расшифровал однозначно. Этот молодой мужчина - гость, и не просто гость, а из числа самых дорогих. Да и наружность больно примечательная. Рыжие волосы, голубые глаза. Никак брат Варвары Глебовны пожаловал. Хороший признак.

- Слушай, куда в тебя столько влезает? Ты меня разоришь!

- Я ем редко, но метко, - не смутился Николай.

Тихон теперь отчетливо представлял, из чего мог состоять день Коли. А ведь он – детский хирург. Почему-то это Тину казалось гораздо более значимым. Взрослые что? Взрослые уже пожили. А маленький ребенок... Такая ответственность.

- Ты в первый раз за день ешь?

- Почему в первый? – не согласился Ник. – Меня из дома без завтрака не отпускают. Так что это второй. Так, - сыто откинулся на стуле. - Я, кажется, все.

- Неужели? И даже чаю не попьете?

- Сейчас прямо! – расхохотался Николай. – Чаю обязательно. Но уже без ничего. Если только лимончик. Эх, последняя порция рыбы явно была лишней. Но не оторваться – так вкусно.

- Я передам повару, - скупой улыбнулся Тин. Дождался, пока сервируют чай, лимон, орешки в меду и варенье. И задал вопрос, который давно вертелся на языке: – Как Варя?

Николай задумчиво размешивал чай в чашке. Думал, как ответить поддипломатичнее. Чтобы соблюсти интересы всех, так сказать, сторон. И в итоге брякнул как есть.

- Никак!

- В каком смысле?

- В прямом! О тебе слышать ничего не хочет. Только имя твое помяни – и сразу ясно становится, почему я ее Рыжим Орком в детстве дразнил.

- Орк? Варя – Рыжий Орк? Да ладно, чушь какая! - недоверчиво покачал головой Тин.

- Это ты ее плохо знаешь, - Николай отпил чаю, одобрительно кивнул. – Сейчас с ней лучше о тебе не заговаривать – огребешь столько, что не унесешь за раз.

- Ну а в целом... как она? - Тин изо всех сил пытался не показать, как разочарован. Хотя чего он ждал? Все закономерно.

- А что в целом? – Николай подцепил с тарелки кружок лимона и, слегка поморщившись, принялся жевать. – Живет. Работает. У нас бывает часто – Любаву развлекает, Леночку нянчит.

Любава – жена, Леночка – дочь. Это Тихон уже выучил.

- Как дочка? Растет? – переводя разговор в нейтральное русло. Все важное для себя Тин узнал.

- А куда она денется! – довольно отрапортовал молодой отец. – Щеки отъела как у хомяка – из-за спины видно. Смотри.

Тихон осторожно взял в руки телефон. Вообще, это знак доверия, как он сам лично считал. Тин свой телефон кому попало в руки не давал.

С экрана довольно улыбалось очаровательное круглощекое создание. И щеки, и улыбка были такие, что Тихон поймал себя на том, что улыбается в ответ – хотя это всего лишь фото.

- По-моему, дочка на тебя не очень похожа.

- Ну, оно, может, и к лучшему, - невозмутимо ответил Ник.

Палец Тина дернулся на экране, и фото пухлощеккой малышки сменило фото молодой женщины. Сразу было очевидно, что это фото очень личное, хотя видно только лицо вполборота и голое плечо. Очень красивые и лицо, и плечо.

- Извини, - неловко вернул телефон Николаю. – Я нечаянно.

Ник спокойно кивнул и, выключив экран, убрал аппарат в карман.

- У тебя... очень красивая жена, - Тин попытался сгладить свою досадную оплошность.

- Угу, - Самойлов снова вернулся к чаю. – Там, где взял, уже нет. Всех разобрали.

- Почему - всех? Их много было? Не думаю, что таких девушек бывает много. Штучная работа.

- А вот и нет! – рассмеялся Ник. – У меня Любава – из тройни. Их три таких красавицы, представляешь?

Тин только удивленно покачал головой.

- Но все уже при мужьях, - зачем-то уточнил Ник.

- Да мне и не надо. У меня своя есть. Или... нет, - и тут Тихон низко опустил голову. Устал вдруг задирать подбородок и делать вид, что все в порядке. А какое «в порядке»? Даже дышится в последнее время будто через силу. Словно сквозь несколько слоев марли. Будто только рядом с Варей можно дышать. А рядом с ней ему места нет. Не достоин.

- Вот какого хрена?! – Ник резко и с досадой звякнул о блюдце чашкой. – Какого, я тебя спрашиваю, ты все это натворил?! А теперь – зашибись! Варька мается, ты маешься, все несчастные! Какого лешего ты это сделал, если ты ее любишь?!

Ответа не было. Он и сам не знал. Все ответы, что придумывались, не отвечали на главный вопрос. Как он мог убить то, чем дышал?

- Не знаю, - ответил только чтобы не молчать. – Испугался.

- Чего?! Чего может испугаться такой большой мальчик, как ты?

Тин разглядывал узор на чашке. Внимательно. Все причудливые завитки махровой розы, украшавшей бок пузатой чашки.

- Того, что она стала мне нужна. Своей зависимости от нее. Не привык. Тогда еще не знал, что по-другому не бывает. Если по-настоящему.

Пузатая чайная чашка с махровой розой на боку, целиком и полностью поглотившая внимание Тина, избавила его от жалости, которая откровенно читалась во взгляде собеседника. А жалости Тихон в свой адрес не любил.

- Дурак ты, - вздохнул Николай.

- Угу, - уныло согласился Тин.

- А, знаешь, я ведь тоже в свое время... - Ник сам не понимал, зачем решился на эту откровенность. И с кем?!

- Ты? – Тихон наконец-то поднял взгляд от чашки. – Что, тоже натворил дел?

- Не думай - не так, как ты! – фыркнул Николай.

- Расскажи! – голос Тина прозвучал требовательно. Но Ник не обратил на это внимания. Все равно решил рассказать. Жалко дурня. Неправильно, но жаль.

- Ну... в общем... это... короче... случилась такая... гхм... ситуация. И Люба мне говорит: «Я люблю тебя».

- А ты?

- А я такой: «Спасибо, мне очень приятно».

Тин смотрел на собеседника пару секунд, потом захохотал. Потом резко замолчал.

- Ну и кто из нас дурак?

- Да я в тот день в аварию попал! – тут же принялся защищаться Ник. – У меня была сломана нога, сотрясение средней степени и вообще!

- А у меня - ангина! И интоксикация!

А потом они замолчали оба.

- Вечно мы придумываем себе какие-то оправдания, да? – вздохнул Ник.

- Угу, - снова уныло подтвердил Тин.

Когда они уже прощались у дверей «Тина», Ник все-таки сказал. Хотя до последнего сомневался в целесообразности.

- У Варьки четырнадцатого день рождения.

- Апреля? – и тут же спохватился. Конечно, апреля, чего же еще. Четырнадцатое марта уже прошло. А ведь он даже не знал, когда у Вари день рождения. Не удосужился поинтересоваться. Как она вообще его выносила столько времени со всем его эгоцентризмом? От осознания стало совсем тоскливым.

- Ну, - кивнул Николай.

- Считаешь, мне стоит... - Тин не закончил свою мысль. Он и сам не мог до конца сформулировать.

- Не знаю! – раздраженно отозвался Ник. – Ты умный, собственный бизнес имеешь – вот и думай.

- А где она праздновать будет?

- Нигде не хочет, - хмуро ответил Ник. – Но фиг ей кто позволит слить днюху. Так что, скорее всего у родителей дома.

Тихон представил, как он приходит к родителям Вари. И как его спускают с лестницы. Интересно, какой этаж? Нет, это его не пугало. Но контрпродуктивно же.

- Коля, пять минут потерпи, сейчас на стол накрою.

- Спасибо, - отозвался Ник, принимая дочь с рук сестры. – Я не голоден.

- Где ты успел? – удивилась Люба. – У вас какой-то фуршет внезапный на работе организовался? У кого-то день рождения?

- А... Ну... - Ник прокашлялся. И решил, что лучше сказать правду. У него ребенок на руках. Не должны убить. – Я у Тина поужинал.

Повисла тишина. Любава переводила встревоженный взгляд с мужа на невестку.

- Коляя... - у Вари свистящий голос и очень нехорошие интонации в нем. – Скажи мне: что происходит, а? Какого черта ты якшаешься с человеком, который меня оскорбил?! Которому ты в морду лица дал?! Ты же знаешь... Да как ты мог... Да что происходит, в конце концов?!

Ник плотнее прижал к себе теплое тельце дочери.

- Слушай, не ори только, ладно? Я все помню. И все понимаю. Но вспомни и ты. Мы... точнее, я... Я же его чуть не убил. А потом мы чудом его спасли – с батиной помощью.

- Я все это прекрасно помню! – Варвара воинственно уперла руки в бедра. – Я на память не жалуюсь. Я ВСЕ помню!

- Ну не ори ты так! – почти взмолился Ник. – Ребенка разбудишь. Помнишь, в какой-то книжке было: «Мы в ответе за тех, кого спасли»?

- Мы в ответе за тех, кого приручили!

- Один хрен! - рявкнул, не выдержав, Николай. – Все равно я чувствую за него ответственность. Он такой дурень...

Люба тихонько охнула. Варя шумно выдохнула.

- Он почти двухметровый, здоровенный детина, у которого за плечами секция борьбы, в собственности три ресторана и вдобавок куча хамства и наглости! Он не нуждается ни в чьей опеке! Коля, ты соображаешь, что ты говоришь и что делаешь?!

- Все-все, - Ник понял, что спорить бессмысленно. – Проехали, забыли.

- И отдай мне Леночку!

А Елена Николаевна всю бурную дискуссию благополучно проспала.

- Люб, - Варя уверенно форсировала колесами очередной бордюр. – Ты понимаешь, что двигает твоим мужем? Я вот совсем не понимаю, какого... какого хрена он общается с... ним?!

- Не знаю, - вздохнула Люба. Потянулась к коляске, достала из кармашка бутылку с водой. Жарко, и солнце печет совсем уже по-весеннему. – Но видишь ли... Нет, я все понимаю, у вас с Колей свои отношения, и вы часто подшучиваете друг над другом. Но, знаешь, Ник очень хорошо разбирается в людях. Правда. Он научился - общение с родителями его маленьких пациентов заставило. И довольно редко ошибается в своих оценках.

- И ты его защищаешь?!

- Нет! Я Тихона не защищаю, - имя, которое сама Варя старалась не произносить, сказанное голосом Любы, заставило сердце болезненно дрогнуть. Да сколько же можно?! Почему ее не оставят в покое?! – Я его совсем не знаю как человека, а с тобой он поступил омерзительно. Я тебе говорю про Колю. Коля фальшь в людях за версту чует. У него на это звероящерское чутье.

Варя вздохнула. Не знала, что сказать. И поэтому просто спросила:

- Купим мороженого?

- Давай! – с радостью согласилась Люба. А потом уточнила нарочито строго: - Ты подумала насчет подарка на день рождения?

- Подумала, - кивнула невесело Варя. – Мне бы какой-нибудь стиратель памяти. Чтобы вычеркнуть кое-что из воспоминаний.

- Значит, подарим абонемент в СПА-салон, - деловито кивнула Любава и махнула рукой. – Вон там киоск.

- Может, не надо СПА?

- Надо! – безапелляционно ответила Люба.

Он не пошел к ней на ее день рождения. Знал, что своим визитом доставит только неприятные переживания. Но Тин физически не мог пропустить этот день. И сделал то, что потом не раз приносило ему облегчение, когда становилось совсем невмоготу.

Тин сидит на качелях на детской площадке. Эскалада припаркована в соседнем дворе. Качели негромко скрипят. На двор уже спустились плотные сумерки. Он знает, что Варя отмечает день рождения у родителей. Скоро она должна вернуться – уже поздно.

Ее ждет букет из двадцати восьми белых роз – по числу лет. Безымянный букет белых роз, лежащий на коврике у дверей ее квартиры. Если, конечно, его уже не прибрал к рукам кто-то из ушлых соседей. Но Тин оставил вопрос на волю случая. А сейчас слегка поскрипывают качели, временами налетает порыв сырого ветра, и все гуще делаются апрельские сумерки.

Которые прорезает свет фар. Машина останавливается у Вариного подъезда. В вечерней тишине отчетливо слышатся знакомые голоса. Николай. Варя. Судя по всему, за рулем жена Ника. Видимо потому, что она не употребляет спиртное – маленький ребенок, все такое.

Качели замерли, не скрипят. Тихона не видно в сгустившихся до темноты сумерках. Еще смех. Слова прощания, хлопок подъездной двери. Машина уезжает.

Тин запрокидывает голову и долго всматривается в окна. Пока одно, нужное, не загорается теплым светло-оранжевым светом. Тогда он встает с качелей и идет к двери подъезда. У него есть ключ от домофона – его заказать оказалось совсем несложно, достаточно иметь немного денег и каплю наглости. И того, и другого у него с избытком. Поднимается пешком. Букета у дверей нет.

Долго стоит, прижав ладонь к двери. И как мальчишка мечтает, чтобы сейчас по мановению волшебной палочки вдруг открылась дверь .

Но чудеса только для других, и он уходит. Чтобы еще не раз вернуться в этот двор. Чтобы как мальчишка смотреть на заветное окно на пятом этаже. В густых апрельских, тонких майских, бледных июньских и душных июльских сумерках.

И только качели скрипят все время одной и той же нотой.

Она точно знала, от кого цветы. Знала сердцем. Ах, если бы был какой-то знак. Записка. Хоть что-то, за что можно зацепиться и с чистой совестью вышвырнуть их в мусорное ведро. Да просто оставить там, в подъезде. Но ничего не было. Только двадцать восемь безымянных белых роз.

Она точно знала, кто их принес. Но так и не смогла их выбросить. А цветы стояли две недели, не демонстрируя ни малейших признаков увядания. Говорят, что если цветы подарены от чистого сердца, они стоят долго и не вянут. Чушь какая.

- Здравствуйте, Глеб Николаевич.

- Здравствуй, Тихон, - Самойлов-старший нимало не удивился, кажется. – Что, принес?

- Да, - Тин протянул заведующему упакованные в файл результаты сканирования сосудов. Собственно, Тихону сразу сказали все необходимое, но он предпочел показать данные обследования Глебу Николаевичу. К тому же – повод.

Самойлов-старший просмотрел результаты – вроде бы беглым, но наметанным, внимательным взглядом. Кивнул удовлетворенно.

- Отлично все. Как по ощущениям?

- По ощущениям тоже хорошо.

Заведующий задумчиво кивнул. Вряд ли его мысли были заняты тем, что принес Тин. И, в общем-то, можно было далее чужое время не занимать. Но вместо этого Тихон сел на стул с другой стороны стола.

- Что мне делать, Глеб Николаевич?

- Да все в обычном режиме делать. Ну, может, самую малость в щадящем. Не давай руке лениться. Но и не перенапрягай. Прислушивайся к ощущениям. Ну и курс массажа не худо бы повторить через месяц.

- Я не о том.

- А о чем? – искренне удивился Самойлов.

- Я о Варе. Как мне с ней помириться?

Глеб Николаевич изумленно покачал головой.

- Ну ты даешь... Мало того, что ты обидел мою дочь. Мало того, что мне пришлось тебя спасать, когда тебе совершенно заслуженно вмазал мой сын. Так теперь ты приходишь ко мне и имеешь наглость спрашивать совет по поводу того, как заработать прощение у моей дочери? А не обнаглел ли ты, Тихон Аристархович?

- Мне деваться некуда, - вздохнул Тин. Ему уже и в самом деле было все равно. Кто и что о нем подумает. Все в жизни расплзлось куда-то, ускользало от внимания. Потому что исчезло

главное. Как он упустил, когда она стала центром всей его жизни? И как умудрился не понять и потерять? А теперь собирает все по клочкам, но безрезультатно. Словно лоскуты на одеяле у матери. Только вот узор не получается, лишь бесполезный ворох тряпья. Потому что не знает, не может понять – как?

- Каков страдалец, - хмыкнул Самойлов без тени сочувствия. – Чего ты от меня-то хочешь? Неужели совет?

- Да. Или... Как вы думаете... Варя простит меня?

- Бог простит, - буркнул Глеб Николаевич. А потом смягчил тон. – Женщины так устроены, что если любят, простят. Точнее, могут простить. А мы, мужики, этим... - тут его голос стал задумчивым, и свою мысль он закончил после вздоха: – Подло пользуемся.

- А Варя меня... любит?

- А я-то откуда знаю? – округлил глаза Самойлов. – Это только Варвара знает. Но... - он потер лоб. – Черта с два она тебе это скажет.

- Так что мне делать тогда?!

- Ты все-таки вымогаешь у меня совет? - вздохнул Глеб Николаевич. – Ничего не делай. Пока. Варвара тебя сейчас все равно к себе не подпустит. Я свою дочь знаю. У нее сейчас вулкан внутри. Сунешься – обожжешь ее, обгоришь сам. Хотя на тебя мне плевать. В общем, дай ей время остыть.

- Долго?

- Как повезет, - пожал плечами Самойлов. – Учитывая гены Вариной мамы, может крепко не повезти.

- А если она... А как она без меня...

- За Варварой мы присмотрим и глупостей делать не дадим. Но если на горизонте появится приличный, порядочный и не такой контуженый как ты...

- Глеб Николаевич!

- Брысь с глаз моих, Тихон. Я все сказал.

Его надо вычеркнуть. Удалить. Сделать так, чтобы не вспоминать. Чтобы жить так, будто его не было.

Невозможно.

Не сходились края раны. Физически не стягивались, не доставали друг до друга. Не хватало ткани. Нужна заплатка, имплантат, но чем?! Чем заткнуть эту дыру?

Думала – работа. И прогадала. Совсем не помогало. Словно в черную дыру проваливались дежурства, подготовка к квалификационной работе и два семинара. Карьерные устремления

улетели туда же, в ту же самую черную дыру. Теперь все казалось бледным и несущественным. Тихий прогрыз в Вариной жизни огромную дыру, и ее не удавалось заполнить ничем.

Только Леночкой спасалась, но даже общение с племянницей отдавало какой-то горечью. Чертов Тихий разнес Варю весь гормональный баланс. Вслед за проснувшимся ли-би-до поперли в режиме гиперфункции эстрогены и прогестины. Желание иметь собственного ребенка вставало комом в горле, когда Варя брала Леночку на руки. Будь ты проклят, Тихий...

И если бы еще о нем не напоминали постоянно. Предатель Колька. Форменный предатель! И отец туда же. Будто невзначай, как о каком-то постороннем, но интересном случае, он взял и за семейным обедом поведал в красках и лицах историю семьи Тихих. Варю поначалу хотелось закричать, заткнуть уши. А потом с замиранием сердца молчала во время рассказа отца. Удивительная история, просто удивительная. И... и Тишку жалко. Того строптивного, не сумевшего поладить с семьей парнишку ей было до слез жаль. И пуля эта... В груди холодело, когда представляла, что все могло случиться в другом месте, когда Коли и самой Вари не было бы рядом. Может, и благо это? Может, для того она появилась в его жизни? Для того и возникла вся цепь событий – чтобы спасти ему жизнь? Тогда цена не велика.

Нет, неправильные мысли, гнать от себя, гнать.

Единственное достижение за все это время – она не позволила себе придумать ему оправдание. Не морочила голову, зачем он тогда пришел. Это не имело никакого значения. То, что он сделал, не могло иметь ни оправданий, ни объяснений. Так какая, к черту, разница?

Но Тихон застрял в ее жизни. Как чертова пуля в его плече застрял в ее жизни. Постоянно болит, ноет, не дает о себе забыть. И не удалишь. Слишком близко к сердцу.

Она страстно хотела стереть его из памяти. А вместо этого Тин поселился в ее жизни. Присутствовал постоянно незримой тенью. Иногда казалось, что если вдруг открыть дверь, он окажется за ней. Будет стоять, опираясь ладонью о дверной косяк.

Визит родителей в ресторан пришлось перенести на вторую половину воскресенья – Тихон уже успел забыть, как жизнь отца накрепко связана с ритмом жизни храма. А там службы: утренняя воскресная, вечерняя субботняя. Тут же попутно сообразил и уточнил у Софии: нет ли каких постов, чтобы меню скорректировать. Но оказалось, что сейчас как раз все можно, ограничений нет.

Отец настоял, что они доберутся сами, и Тихон в этом вопросе пошел ему навстречу. Лишь вышел встречать к дверям ресторана.

Отец облачился в допотопный темно-серый, почти черный костюм. На матери было что-то синее в мелкие розовые цветы. Они были такие старомодные, такие родные, что непривычно сильно защемило сердце и даже зашипало в глазах. Тихон сам открыл двери и искоса посмотрел на Виталия. Всему персоналу была даны строжайшие указания, официантов муштровал Тин с утра лично, а с кухни его выставили – дабы не мешал. Тихон жутко волновался. Так, словно к нему сразу налоговая, санинспекция и ОБЭП до кучи пожаловали. Даже нет – сильнее. Одобрение отца значило гораздо больше остального.

Аристарх Петрович, остановившись на входе, оглядел зал. Кивнул удовлетворенно.

- Хорошо тут. Тихо. Спокойно. Солидно, - помолчал и добавил: - Добротно.

- И вкусно, - рискнул немного похвастаться Тин. – Пойдем?

К чаю Тихон выдохнул. Понял, что отцу понравилось его заведение. Впрочем, Аристарх Петрович и словами на похвалу не поскупился. Немного сказал, но от души. И у Тина так отлегло от сердца, что тут же от облегчения сморозил глупость.

- Батя, на тебе, никак, тот самый костюм, в котором ты...

Тут Тин вспомнил, когда в последний раз видел отца в этом костюме. И замолчал смущенно.

- А что? – отец невозмутимо поправил лацкан. – Хорошая вещь. Шевиот. Нынче так не шьют, верно, матушка?

Серафима Андреевна с улыбкой кивнула.

- Я в этом самом костюме еще Серафиму Андреевну в ЗАГС водил. Английская вещь. Сносу ей нет.

Тихон не смог сдержать улыбку.

- Получается, ты за все эти годы нисколько не поправился?

И, кажется, даже наоборот – костюм сидел на отце немного мешком. Будто велик.

- А чего мне поправляться? – улыбнулся Тихон Аристархович. – Воздержание в пище и активный образ жизни не способствуют накоплению излишков. Это вот ты, Тиша, отъел за годы... щеки-то.

Тин смущенно хмыкнул. Что скажешь? Правда. За то время, что прошло с его ухода из родительского дома, он набрал с десяток килограмм. А то и два. А, может, и три. Он не считал.

- А с другой стороны, - невозмутимо продолжил Аристарх Петрович, – какой же ты хозяин заведения, где людей кормят, ежели тош, как вобла сушеная?

Тихон рассмеялся. Даже не думал, что спустя столько лет холода в душе он вдруг возьмет и враз растает. И что так покойно и хорошо окажется с родителями. Так бы и сидел с ними, хоть до утра. И слушал бы рассказы: об их молодости, о своем детстве, о том, как росли София и Лиза, о деде и прадеде.

Только все имеет обыкновение заканчиваться. Даже такие душевные семейные вечера. Но прощаться не хотелось, и Тин вдруг предложил - неожиданно для себя – самому отвезти родителей домой. А что – надо руку в бою проверить. К тому же, что там ехать до той Коломны? Тем более сейчас, когда пробки все уже рассосались. К одиннадцати точно будут дома.

Его предложение было обсуждено и принято. С одним условием. Обрато он ночью никуда не поедет – останется ночевать у родителей. Да и пусть. Завтра понедельник. Для всех нормальных людей – первый рабочий день. А рестораторы после бурных выходных отдыхают. Вот и Тину разок можно. Оставив краткие инструкции Виталию, Тихон Тихий покати́л в Коломну. Впервые за долгие годы с четким ощущением, что возвращается домой.

И спалось ему в родительском доме крепко и без сновидений, что вообще удивительно. Словно стены старого дома хранили его сон, не позволяя ничему дурному проникнуть.

И Тин позволил себе выспаться. Да что там – он нагло подрых до половины одиннадцатого. Сквозь сон слышал, как орут соседские петухи, как звонят к заутрене в храме, который был совсем неподалеку. Ему, уже десяток лет живущему в Москве, было гораздо привычнее просыпаться если не от будильника, так под соседский перфоратор. Или, если повезет, - под Лепса. А звуки этого утра, от которых давно отвык, не помешали. Лишь улыбался во сне.

Когда проснулся, еще позволил себе поваляться в постели. И подумать о Варе. С этого начинался и этим заканчивался каждый его день. Последнее время не покидало ощущение цугцванга. Тин вдруг невесело усмехнулся сам себе, вспомнив, как употреблял это слово к месту и не к месту, когда узнал. А сейчас оно как нельзя лучше отражало его, Тихона, общее настроение. Куда ни кинь – везде клин. Это если по-простому и без выпендрежа. Тин решил, что хватит валяться, встал и побрел умываться и завтракать.

Поздний завтрак – яичницей, как он любил. У деревенских яиц желток темно-желтый, почти оранжевый. Вкусно невозможно, как в детстве. И утренние препирательства с Лизой и серьезные разговоры с Софией под духовитый чай со смородиновыми листочками. На который подоспел и глава семейства.

И так хорошо, что хоть не уезжай. Непонятно совершенно, почему Тину душно здесь было пятнадцать лет назад. Сейчас же дышалось полной грудью. Не надыхаться. Как давно уже не дышалось ему. С того проклятого дня.

- Долго еще киснуть будем, Тихон Аристархович? – вопрос отца прозвучал, как говорится, громом среди ясного неба. Тин едва чаем не поперхнулся.

- Чего?

- С Варенькой когда на мировую идти намерен?

Тихон с шумом выдохнул и отставил в сторону чашку.

- Думаешь, просто?

- Не думаю. А делать все одно надо, - невозмутимо ответил Аристарх Петрович.

Обо всех тех событиях Тихон рассказал отцу сам. В день первой, после многолетней разлуки, встречи, когда слова удержать было невозможно, и он ими просто захлебывался. И все рассказал. О чем, может, и стоило умолчать. Но не молчалось тогда, совсем. А, возможно, последствия наркоза. Кто его знает.

- Тишенька... - мать погладила его по руке. – Ну нельзя же так... Во грехе. Если любишь, так чего ждешь? Женись – как положено по людским и божьим законам. Раз такая девушка хорошая.

- Ты-то откуда знаешь? – Тин вздохнул. – Что хорошая?

Тихон бросил косой взгляд на отца. Верил, что у того достало ума все неприглядные подробности не доводить до сведения матери. Аристарх едва заметно кивнул.

- Ну так отец говорил, что это дочка Глеба Николаевича. А Глеб Николаевич – такой человек, на которых земля держится. Как же у него может быть дочка плохая?

Железная логика, что тут скажешь.

- Ну, когда свататься сподобишься? – отец явно не намеревался менять тему.

- Да не пойдет она за меня! – он сам поразился, сколько отчаяния прозвучало в голосе. Вместо ожидаемой бравады.

- Спрашивал? – поинтересовался отец деловито.

- Толку? И так знаю, что скажут.

- Ты за других не решай, - отец степенно отпил чаю. – А возьми да спроси. Не переломишься поди.

Тин только вздохнул. Мать снова погладила его по руке.

- Тишенька... Ну поругались – с кем не бывает. Милые бранятся – только тешатся. Вспомни, чем ты ее завоевал, как ухаживал. Вот и сейчас сделай то же самое.

Завоевал. Ухаживал. Нет, судя по словам матери, ничего она не знает. Так, в самых общих чертах.

Да какое там ухаживание? Пришел, облапал, в машину посадил. Цветы, конфеты, рестораны. Постель. Именно сейчас, сидя на родительской кухне, Тихон вдруг понял, как это все было чуждо Варе. В свете того, что он о ней узнал и понял, – как она это все позволила ему? Почему? Зачем села в машину? Зачем вообще стала продолжать эти отношения? Ведь он точно теперь знал, что это было совершенно не для нее. Не те формат и уровень. И тем не менее...

Значит, было что-то. Что-то, что преодолело все противоречия между ними, всю их несхожесть и где-то даже полярность. Что-то, что не измеришь и не осознаешь логикой. Но что-то же было. Было?!

Видимо, какие-то из его эмоций отразились на лице. Отец кивнул матери.

- Ставь тесто, Серафима. К вечеру у нас гости.

- Какие гости? – не сообразила Серафима Андреевна.

- Тиша невесту привезет, - Аристарх Петрович встал из-за стола.

- Очень смешно, батя, - Тин зеркально встал следом. Что-то странно холодило в солнечном сплетении. – Ты уж как пошутишь так пошутишь.

- Не до шуток в таком серьезном деле, - Аристарх размашисто и троекратно перекрестил сына. – Не по чину тебе, Тиша, сидеть да ждать у моря погоды. И девушка там мучается. Езжай. Вечеру ждем для благословения. А я икону Спаса Вседержителя пойду приготовлю.

Тихон хотел что-то возразить. Что-то сказать. И вдруг передумал.

Увидел узор в ворохе пестрого тряпья. Вот же он.

Жизнь – не шахматы, люди – не фигуры на доске. К черту чужие советы и умные слова. Надо идти и делать. И будь что будет. Сколько он придумывал слов разных для Вари. Да только все равно кроме правды ничего лучше не изобретено.

Коротко кивнул отцу, подставил лоб для материнского поцелуя. И вышел в двери. Успев услышать батино: «Ставь, ставь тесто, Сима. Будут гости».

Эх, Тихону бы отцову уверенность.

Формально она была уже в отпуске с этого понедельника. Но в пятницу случился ожидаемый аншлаг, «проставиться», как положено, не вышло. А делать сегодня все равно нечего. И к обеду Варя с тортом и заготовками для бутербродов пришла на работу. Попили чаю, уже без спешки побеседовали, даже Данила Григорьевич соизволил на полчаса явиться. В общем, проводили Варю в отпуск как надо, пожелали отдохнуть как следует и все, что еще положено. Честно сказать, Варвара бы еще посидела, но работа - уже временно не ее - буквально скреблась в двери. И пришлось прощаться, улыбаться и собираться домой. Только вот что там делать? Ближайшие три недели?

На море она так и не решилась ехать. Сколько бы ни намекали родители – не хотелось. Вот просто не хотелось, и все. Коля собирался отправить на пыльный и жаркий август жену и дочь в один из многочисленных подмосковных пансионатов. И Варя вяло подумывала о том, чтобы составить им компанию. И Любаве не скучно, и Варя свежим воздухом подышит, переключится на что-то. Но и эта перспектива особого энтузиазма не вызывала.

А, может, воспользоваться советом Ларки, и сделать что-то из ряда вон? Записаться в секцию скалолазания? Прыгнуть с парашютом в тандеме? Сходить на мужской стриптиз?

Варя усмехнулась. Все суета сует и томление духа. После того, через что она прошла. Чего она на том стриптизе и парашюте не видела - после Тихого?

Солнце из дверей ударило прямо в глаза. Яркое послеполуденное августовское солнце. Варя рефлекторно сощурилась и потянулась в сумочку за очками. И поэтому не сразу заметила фигуру неподалеку от входа. Фигура стояла спиной к солнцу и поэтому казалось темной. И лица не видно. Но Варя сразу и безошибочно поняла, кому принадлежит эта фигура. Мрачный силуэт, который словно вырезали острыми ножницами из светлого солнечного дня. Черная дыра, в которую провалилось все в ее жизни.

Сердце трепыхнулось жалобно, а потом забилось сильно и ровно. Варя шагнула вперед. С твердым намерением не дать Тихону Тихому доломать остатки ее жизни.

Действие пятнадцатое. Герой смывает грим. Героиня... Да что там Героиня – Автор тоже обалдел.

Из авторской суфлерской будки слышится меланхолический вздох: «Ну, или так...»

Лети, лети, лепесток, через запад на восток, облети вокруг Земли, быть по-моему вели.

Немного не дотянули до полного оборота. Чуть меньше года назад дождливым сентябрьским днем он так же встречал ее возле дверей травмпункта. Круг замкнулся – не полностью, но почти. Однако все равно – быть по-моему вели. Вели, чтобы я выстояла.

- Здравствуй, Варя.

Только кивнула. Не задумываясь, почему. Выстреливало что-то из подсознания, подсказывая то, что надо делать. Как себя вести. Сейчас - молчать. Может быть, в голосе была пока не уверена.

- Я бы хотел с тобой поговорить.

Еще один кивок. Посмотрела на забытые в руке «авиаторы». Нет, ей достанет сил и смелости провести этот разговор, не пряча взгляд за черными стеклами. И спокойно взглянула в его лицо, едва различимое из-за светящегося прямо в спину солнца.

- Только быстро. Я спешу.

Кажется, он вздохнул. Грудная клетка в вырезе клетчатой рубашки с короткими рукавами заметно дрогнула. Теперь настала его очередь кивнуть.

- Ладно. Быстро – так быстро. Я люблю тебя, Варя. И не могу без тебя жить. Прости меня, пожалуйста.

Она удивилась? Неважно. Да какая теперь разница? Главным было другое. Она не поверила. Ни одному слову.

Все может быть и ядом, и лекарством. Дело только в дозе. Кто это сказал? Авиценна? Нет, кажется, Парацельс. Если бы эти слова прозвучали до. Если бы его «люблю» заменило ту картину в дверном проеме. Это сделало бы Варю счастливой. Просто и ослепительно счастливой. А сейчас эти слова – яд.

Она покачала головой – спокойно и медленно. И отрицательно.

- Не веришь? – зачем-то спросил он. – Совсем не веришь?

И этот простой вопрос вдруг едва не подкосил ее. Где-то внутри начала зарождаться мелкая и противная дрожь - словно озноб от порыва промозглого ветра.

Выстоять. Выстоять. Выстоять.

- Не нужно. Не говори ничего, Тихон. Я не хочу это слышать. Твои слова все равно ничего не изменят.

Вот и все. А теперь она его не слышит. Не хочет слышать. Сейчас между ними опустится стекло. Толстое бронированное стекло. Она будет Тихого видеть, куда уж тут денешься. Но слышать – нет. И ни одно из его ядовитых слов до нее не долетит.

- Ну и правильно, - кивнул вдруг он. – Как мне верить? Я же тебе пообещал, что не обижу, а сам вон что натворил. Пообещал и не сдержал слова. Так что моему слову теперь веры нет. Не веришь и правильно делаешь. Не верь моим словам, Варя. Они ничего не значат.

Она удивилась бы, если могла. Но сейчас все ее внимание было сосредоточено на медленно опускающемся в ее сознании бронированном стекле. Пусть говорит все, что хочет. Еще чуть-чуть, и ей станет плевать. Их разделит прозрачная, но прочная преграда. И эта преграда не позволит ему сделать Варю больно.

- Да, - он выдохнул шумно и сильно. – Словам моим веры нет. Так что если и смогу я тебя чем убедить, Варюша, то только делом. Поступками.

Еще совсем немного, и ей будет совершенно безразлично, что он там говорит. Еще немного. Уже больше половины опустилось. Что же так медленно двигается это проклятое стекло...

И тут Варины ноги оторвались от земли. А саму Варю прижали к бежевой клетчатой рубашке.

- Отпусти меня!

- Нет.

И они куда-то двинулись. Варя пыталась вырваться, но поняла, что, во-первых, это бесполезно, а, во-вторых, бесплатный цирк для людей вокруг.

- Куда ты меня тащишь!?

- К машине.

- А что же вы не прямо к входу подкатили, как обычно, Тихон Аристархович?

- Так у вас там шлагбаум на въезде.

Тихого остановил шлагбаум? Чудеса, да и только.

- Отпусти меня! – Варя предприняла еще одну попытку изменить свое, как ей виделось, весьма унижительное положение. – Немедленно!

В ответ то же спокойное «Нет». И тут ей вдруг вспомнилось. Про сложную пластику сосудов и долгую реабилитацию.

- Тихон, поставь меня на землю. У тебя же рука после операции. Тебе наверняка нельзя поднимать тяжести!

- Да, - ради разнообразия согласился он. – Нельзя. Поэтому я буду тебе очень признателен, если ты перестанешь дергаться у меня на руках. Будет не так трудно.

Варя выдохнула. Ладно. Чего она переживает? Подумаешь, на руках тащит. Примитив какой. Будто это что-то решает. Хочет поиграть мускулами – пусть играет. Взрослый мальчик уже.

Так они и шли. Варя старалась не представлять, что подумал охранник в будке на въезде. А так же все встреченные ими люди. Среди которых, по счастью, не попалось знакомых. Кажется. Впрочем, Варя большую часть дороги со старательно невозмутимым видом разглядывала формы редких белых облаков на образцовом голубом небе. Ну подумаешь, несут ее на руках. Кого-то носит сотня лошадиных сил. А ее одна. Ослиная.

У припаркованного джипа Тихий умудрился, не спуская Варю с рук, добыть из кармана джинсов ключ, пиликнуть сигналкой. После чего все так же, прижимая к себе драгоценную ношу и проявляя чудеса ловкости, открыл заднюю дверь и не очень аккуратно впихнул Варю внутрь салона, на третий ряд сидений - просторный черный кожаный диван. Оперативно втиснулся следом, щелкнул центральным замком и, приподняв бедра, демонстративно убрал ключи обратно в карман джинсов.

В другое время все это показалось бы даже смешным. Наверное. Сейчас же Варя мечтала, чтобы это чертово стекло опустилось, и Тихий ей стал безразличен. И без разницы, что он говорит или делает.

- Ну? – она поерзала, устраиваясь на сиденье с видом крайне важной персоны, сложила руки под грудью и уставилась на Тихого. – Каким образом ты собрался доказывать делом свою... свои чувства? Притащил меня сюда, двери запер. Насиловать будешь? Это, конечно, впечатляющий доказательный поступок, что тут говорить.

Тихон вздохнул. И голос его прозвучал как-то даже устало. И очень серьезно.

- Вот как мы поступим, Варвара Глебовна. Ты мне не веришь. И правильно делаешь. Нельзя верить тому, кто тебя обманул. Я подлец, я предал тебя. Так что правильно ты мне не веришь.

Она не выдержала и зажмурилась.

Опускайся. Опускайся. Опускайся скорее, черт тебя раздери!

- А вот я тебе верю, Варенька. Ты человек порядочный и честный. Ты врать не умеешь и не станешь. Поэтому мы поступим так, как ты скажешь. Если ты сейчас скажешь, что не любишь меня, что я тебе не нужен, я открою машину. Отпущу тебя. И больше никогда не побеспокою. Твое слово, Варя. Как ты скажешь, так и будет.

Холодное, даже ледяное бешенство обожгло ее всю. Опять. Как в тот раз, когда пришел к ней «на пироги». Снова вынуждает ее говорить слова, которые ему выгодны. В прошлый раз – признаваться, что ей что-то в нем нравится. В этот раз... О, в этот раз ставка гораздо выше.

Сидит такой спокойный, такой невозмутимый. Как ни в чем ни бывало. Словно с Росей о каких-то рабочих пустяках разговор ведет. Спокоен и уверен, что все проблемы решаемы. И эта – тоже.

Думаешь, такой умный? Думаешь, все просчитал? Думаешь, поставил мне шах и мат? Считаешь, что я не скажу тебе этих слов?

Ты просчитался, Тихий.

Скажу, и с огромным удовольствием. Один раз. Два. Десять. Плюну тебе эти слова в лицо. С радостью. С наслаждением. Потому что это правда. Потому что я тебя на самом деле ненави...

Взгляд ее зацепился за каплю, сползавшую с его виска по скуле. Потом щека. Дальше капля нырнула куда-то вниз, под подбородок. К шее, где бился пульс на сонной артерии; бился так, словно, кожа на шее сделалась совсем тонкой, и биение пульса стало видно глазом.

Потом взгляд съехал ниже, к вырезу рубашки. Ткань двигалась чуть-чуть. Пуговица держалась на тонкой ниточке; скоро оторвется, наверное. И вместе с тканью пуговица двигалась едва-едва – от дыхания. Кажется, Тихон дышал так, будто каждый вдох - последний.

Еще ниже опустила глаза. На колене, обтянутом темно-голубой джинсой, покоился кулак. Сжатый так, что костяшки побелели. И снова кажется, что кожа между суставами такая тонкая от натяжения, что еще чуть-чуть – и порвется. И левый кулак такой же.

Обратным транзитом по левой руке вверх. И левую щеку расчертила ртутная дорожка – очередная капля пота съехала вниз, ненадолго повисла, задержавшись ровно посередине тонкого шрама по линии челюсти. И упала. На один из бежевых квадратов рубашки, сделав его тон чуть более темным, чем у соседних.

Варя какое-то время, словно замороженная, смотрела на эту более темную, чем остальные, клетку. А потом подняла взгляд. К глазам.

И зачем только она посмотрела ему в глаза? Сколько там всего было! Только вот спокойствия, уверенности и невозмутимости – ни следа. Еще одна капля прочертила скулу совсем близко от глаза. И в Эскаладе совсем не жарко. Скорее холодно. Потому что ледяная дрожь внутри снова завибрировала. И зачем только Варя посмотрела ему в глаза... Почему она молчит? И почему все еще не опустилось это проклятое стекло!?

А оно опустилось. Чертова бронированная преграда заняла свое место. Оставив их двоих по одну сторону.

Варвара резко отвернулась к окну. И глядя невидящим взглядом в тонированное стекло выдохнула устало и обреченно.

- Гад. Какой же ты гад, Тихий...

А в следующий миг она была уже у него на коленях, верхом, притянутая туда могучими руками, и этими руками он обнимал ее, прижимал к себе и шептал куда-то в волосы.

- Дааа, Варенька, дааа... Не можешь сказать, да? Потому что это неправда. Потому что ты меня... - и замолчал. Дышал как после стометровки и прижимал ее к себе крепко-крепко, пряча лицо в облаке волос.

А она сидела в его руках безвольно, как кукла. Накатило сильнейшее опустошение. Проиграла. Сдалась. Без сопротивления. Без боя. И никаких чувств сейчас не испытывала. Только дикую усталость. После всех этих месяцев – в попытках его забыть, вычеркнуть, возненавидеть – где оказалась? На его коленях. А ведь всего-то и надо было - сказать нужные слова.

А он все обнимал ее. И все шептал куда-то в волосы ее имя и нараспев: «Дааа». И, кажется, что-то еще, какие-то слова, но она не различала. Ее накрыло пыльное отупляющее равнодушие, глуша все чувства.

- И откуда ты только взялся на мою голову? – выдохнула едва слышно, со всхлипом, . – За какие грехи ты мне достался?

- Не знаю, - он по-прежнему прятал лицо в ее волосах. - Тебе виднее, Варюш. Где-то накуролесила, видно. Или батя твой, а ты за его грехи расплачиваешься. – А потом все-таки

повернул голову и посмотрел ей в лицо. - Но я точно знаю, за что ты мне. Матушка намолила тебя. За все эти годы...

И зачем только она снова посмотрела ему в глаза? Потому что он прочитал все и получил ответы на свои вопросы. И принялся целовать – часто, мелко, торопливо. Лоб, скулы, щеки. И руки заняли привычное место на талии, и сейчас поползут вниз. И губы коснулись угла ее губ. И тут Варя словно ошпарило, и она проснулась. Да что же за морок, за наваждение такое?

- Так, стоп!

Она отодвинулась. И для надежности уперлась ладонью ему прямо в вырез рубашки.

- Мы должны поговорить, Тихон.

Он кивнул немного торопливо.

- Не могли бы начать разговор с того, что ты отпустишь меня на сиденье?

- Нет, - сегодня это его излюбленное слово.

- Ну хотя бы перестань меня лапать! У нас будет серьезный разговор!

- Я не лапаю.

И это при том, что его мизинцы уже практически сползли ей на ягодичцы.

- Ну да, конечно! Или что, снова волнуешься, боишься, и тебе для успокоения нервов надо подержаться за что-то мягкое?!

Его пальцы лишь сильнее сжались на талии.

- Чувствую, обстоятельства нашего знакомства мне будут всю жизнь припоминать. Но я и в самом деле волнуюсь. Очень.

Варя сжала губы. Тихон Тихий – номинация «Предсказуемость и Непредсказуемость года» в одном лице. Ну и ладно. Начинать серьезный разговор со скандала из-за того, что его пальцы расположены на ее ягодичках, глупо. Варя вздохнула. Тихон на секунду отвлекся от ее лица, но потом снова посмотрел ей в глаза.

- Я готов к серьезному разговору. Слушаю тебя внимательно, Варя.

Готов? Получи.

- Вот как мы поступим, Тихон Аристархович, - Варвара нацелила указательный палец ему прямо в переносицу. - Прежде чем ты начнешь что-то еще говорить и что-то еще делать, я обозначу тебе свои условия. На которых будет строиться наше дальнейшее взаимодействие.

- Взаимодействие? – он продемонстрировал идеальный изгиб брови. – Угу. Понятно. И какие это условия?

После своей позорной капитуляции терять Варя было нечего. Стало быть – ва-банк. Или, может быть, Тихий все-таки испугается? Варвара сама не знала, чего хочет больше. Но выскажет все.

- Во-первых, я не собираюсь играть с тобой в отношения. Никаких больше свиданий-ресторанов-букетов. Никаких «мы встречаемся». И никаких «давай попробуем пожить вместе». Если ты меня любишь и я тебе нужна, Тихий, – женись. Отныне я признаю только официально зарегистрированные отношения.

Он недолго помолчал. Потер правый висок. Вздохнул.

- Слушай, Варь, это как-то несерьезно...

- Кому не нравятся условия, может смело идти на хрен!

- Не, туда не пойду, я там был. Ничего интересного там нет. Слушай, я просто к тому, что... Во-первых, твой отец совершенно точно знает, что он моей тушкой имеет полное право распоряжаться по своему усмотрению. И если он захочет, чтобы я пошел с тобой в ЗАГС... а он может захотеть, как мне кажется... я Глебу Николаевичу ни словом не возражу. Как-никак он мне жизнь спас. А во-вторых, мой собственный батя там с утра полирует любимую икону, чтобы нас благословить на священный брачный союз. И потом, позже, он нас обязательно сам обвенчает – в этом я не сомневаюсь. Поэтому после двух солидных, уважаемых и умудренных жизнью людей ставить еще какие-то условия – это просто несерьезно, Варвара Глебовна. Там до тебя все решили уже.

Варя пару раз моргнула от неожиданности такого заявления. Он побил ее короля тузом. Но у нее в запасе есть еще.

Она не то, что не хотела говорить об этом. Нет, она мечтала высказать ему все!

- Хорошо, - кивнула так невозмутимо, как могла. Получилось, вроде бы, неплохо – с учетом того, что она сидела у него на коленях, и он все-таки ее лапал! – Тогда переходим ко второму пункту.

- Переходим, - согласно кивнул Тихон и прижал ее к себе чуть плотнее.

Варя решила на провокации не обращать внимания. Тем более, ей было что сказать. Вдохнула поглубже. Тихон снова ненадолго отвлекся от ее лица. Но все же вернулся взглядом к глазам.

- Ты изменил мне, - ее голос прозвучал убийственно тихо. – Ты меня предал. Не знаю, как ты сам оцениваешь то... событие, но я считаю именно так.

Ему пришлось отвести взгляд. Слишком и невозможно стыдно.

- Да, - кашлянул. – Ты права. Именно так я и поступил.

- И ты знал, что у меня отягощенный анамнез в этом вопросе.

- Что? – нахмурил брови. И тут же сообразил. – А, ну да. Да, знал. Про этого... Послушай, Варюш... Я не собираюсь себя оправдывать. Я два слова скажу – почему, ладно?

Варя помолчала, потом кивнула. Наверное, стоит услышать.

- Я струсил, - слышался тихий ответ. – Тогда, накануне, я почувствовал.... Свою зависимость от тебя. Как ты мне нужна. А я же еще не знал, что это такое. И струсил. Испугался

того, что я ситуацию никак не контролирую. Вообще никак. Поэтому и сделал... так. Потому что трус. Тогда. Был.

- А сейчас? Что, больше не боишься?

- Нет, - серьезно ответил он.

- Все равно сделанного не вернешь, - после паузы ответила Варя. – Меня предал Юрий. Потом меня предал ты. В итоге у меня образовалась фобия. Нет! У меня чертова паранойя!

- Варь...

- Не перебивай меня! Да, именно паранойя! Я теперь панически боюсь измен и неверности! И вот что это для тебя означает, Тихон Аристархович! Если я увижу какую-то Жанну рядом с тобой... Если мне покажется, что ты кому-то чересчур ласково улыбнулся... Если мне не понравится, как ты говоришь с кем-то по телефону и во сколько ты пришел домой... Тихий, прекрати ухмыляться! Я – ревнивая и неуравновешенная истеричка! Подумай хорошенько, хочешь ли ты со мной связаться? Я буду проверить твой мобильный, карманы пиджака и воротнички рубашки! Если мне что-то покажется подозрительным, я устрою тебе дикий и безобразный скандал. И мне будет плевать, если на нас кто-то смотрит. Я схожу к Устинову, и он даст мне справку, что у меня паранойя!

- Кто такой Устинов? – совершенно не тем заинтересовался Тихий.

- Однокашник мой, он психиатр. Так, не переводи тему! Подумай хорошенько, Тихий, нужна ли тебе рядом женщина, которая будет патологически ревновать ко всему! Я это официально обещаю и заявляю, как женщина и врач!

- Какое может быть «официально», если ты еще справку не получила у этого своего однокашника, - вздохнул Тин. А потом прижал ее к себе совсем плотно и зашептал на ухо, сквозь пряди волос. – Варя... Варенька... Что хочешь, то и делай. Можешь ругать, бить... да хоть скалкой! Проверь рубашки, пиджаки, трусы. Устраивай скандалы с криками и битьем посуды. Все, что тебе взбредет в голову, маленькая моя... Только будь со мной. А с остальным я справлюсь.

Он вытащил из рукава джокера. И побил ее козырного туза. Ничего не осталось на руках. Только блефовать. Хотя уже не слишком-то и хотелось.

- Ладно. Третье условие. И дай мне немного жизненного пространства.

- Угу, - слегка разжал руки. – Давай третье.

Между ее бровей залегла морщинка. Не было никакого третьего условия. И его надо было срочно придумать. Ага. Есть!

- Ну, а в-третьих... Мы меняемся машинами.

- В каком смысле? – вот тут Тихон, кажется, в самом деле опешил.

- В прямом. Я забираю твою Эскаладу. А ты будешь ездить на моем Матизе.

- Варя! - это было великолепное возмущение: интонированное, артикулированное. – Это совершенно невозможно!

- А кому не нравятся условия, тот идет...

- Я помню! Но, Варя... Я же в него не влезу!

- Коля влез, значит, и ты влезешь!

Варя почувствовала какой-то неуместный спортивный азарт. Словно одержать верх в этом дурацком и, по сути, ничего не значащем споре по поводу машины было сейчас самым важным делом. Поэтому задрала подбородок и всем видом продемонстрировала полное отсутствие склонности к уступкам. Тихон задумчиво потер большим пальцем скулу, со своей стороны демонстрируя наисерьезнейшие раздумья.

- Колька, говоришь, входит... Знаешь, давно я не носил ничего обтягивающего – со времен борцовских трико. А теперь придется машину в обличку носить. А с другой стороны, - потер уже другую скулу, но тоже весьма задумчиво. – Если этот Матиз где-то застрянет, я же его из любой ямы на руках вынесу. Ладно. Уговорила! Давай меняться.

И пока Варя хлопала глазами, Тин, прижав ее одной рукой к себе, другой принялся добывать ключ из кармана джинсов, беспардонно ерзая и выгибаясь под Варей. Это оказалось некстати волнующе. Варвара трянула головой в попытке сбросить неуместное наваждение. И тут ей о ладонь шлепнули брелоком сигнализации с ключом.

- Держи. Поехали.

- Куда? – Варя растерянно смотрела на ключ в своей руке.

- В Коломну.

- Зачем?!

- Поклониться памятнику Дмитрию Донскому! – фыркнул Тихий.

- Тиша!

Он не смог сдержать улыбку. Наконец-то. Тиша.

- Говорю же – отец с иконой ждет. С утра ее полирует. И мать ждет – с пирогами.

- Зачем?!

- Ты меня слушала или нет? Благословлять. На законный брак, - и, поскольку Варвара продолжала молчать, ткнул себя в грудь пальцем. - Я - твой мужик. – Потом зажал ключ в ее ладошке. – Это - твоя машина. Давай, Варя. Вступай в права собственности и владей.

После этого он бесцеремонно спихнул ее со своих коленей.

- Ну, пошли вперед. Или тебя снова на руках нести?

Варя, разумеется, заявила, что справится сама.

Ей показалось, что она сидела перед панелью управления звездолетом. Десятки каких-то непонятных датчиков. Все огромное, под мужские руки. Даже оплетка руля такая, что у Вари

пальцы едва смыкаются. А вот Тихий в пассажирском кресле выглядел абсолютно довольным жизнью. Опустил козырек от солнца и повернулся к Варе.

- Ну, чего ждешь? Заводи, и поехали.

Я заведу. Я сейчас тебе так заведу!

Нет, машину Варя завела. Тут ничего сложного. И даже нашла, как включить фары. И где рычаг коробки. И где на нем положение «Drive». Многое оказалось все-таки интуитивно понятным. Но самое ужасное заключалось в том, машина простиралась вокруг нее бесконечно. Варя даже смутно не представляла, где заканчивается капот Эскалады. О том, что творится сзади, думать не хотелось вовсе. А ведь надо сдавать задним ходом. Парковочная камера стала приятным сюрпризом, но ситуацию в целом не спасла. Варя сдавала по сантиметру. Все время ожидая противного хруста. Она просто не представляла, насколько далеко находится от нее задний бампер. Не машина – баржа какая-то. В конце концов, ей все это надоело, и, воткнув на коробке нейтраль, Варя щелкнула ремнем безопасности.

- Я передумала.

- Только насчет машины! - предупредил серьезно Тин.

- Может быть... - протянула Варвара. – Ну, мы поедем сегодня куда-нибудь?

- Торопишься? – не удержался он.

- Еще одно слово и уже я никуда не поеду.

Тихон изобразил жестом застегивание рта на «молнию» и тоже щелкнул замком ремня безопасности.

Рот он на замке продержал ровно до тех пор, пока они не выехали на трассу. После чего на Варю полился поток информации. Обо всем. О ресторане и его нетривиальной истории. О семье. О городе, в который они едут. Аудиосистема Эскалады сейчас была совершенно не востребована – ее с успехом заменил Тихон Тихий.

Словно они с Варей поменялись местами. Когда-то, в самом начале знакомства, она много рассказывала о себе. Теперь пришла его очередь. А ей было интересно. Очень. Что-то она знала, в основном, со слов отца. Но когда об этом говорил сам главный участник событий, все выглядело несколько иначе. Его видение, его интерпретация, его мысли, чувства. И его голос. В общем, о том, куда и зачем они направляются, Варя спохватилась, когда мимо мелькнул знак «Коломна – 2 км».

Она едет знакомиться с родителями будущего мужа. И тут Варе стало страшно. От того, как все быстро, нет, даже молниеносно произошло. Еще утром... да что там утром... еще в обед главная концепция ее жизни была «Забыть Тихона Тихого». А теперь она едет с ним, к нему на родину, знакомиться с его родителями. В качестве – даже вдумываться подробнее страшно - невесты! Как это произошло? Непостижимо. А еще она вспомнила, кто есть ее будущий свекор... Господи, свекор! У Вари будет свекор, свекровь, а еще... как называются сестры мужа? Мамочки... Как же это с ней случилось?

Варя решила сосредоточиться на конкретном. Отец Тихона – батюшка. И в этой связи есть вопрос.

- Тиш...

- Ммм? – в их разговоре возникла редкая пауза.

- А что значит... что нас благословлять будут? Ты про икону пошутил?

- Аристарх Петрович такими вещами не шутит.

- Ой. А что... что делать надо будет? Есть какие-то правила? Надо будет на колени вставать? Я... я не хочу.

- Я тоже. И не буду. Думаю, обойдемся без коленопреклонения. Не бойся, - легко тронул ее руку. – Батя сам все сделает. Держись рядом со мной, и все будет в порядке.

Словно почувствовав ее волнение, Тин возобновил монолог. Варя уже знала, что он сейчас возвращается в свой город впервые за долгие годы. Нет, формально он вернулся сюда вчера, когда привез родителей. Но это было поздно вечером, почти ночью, и ничего не было видно. А сейчас он возвращался по-настоящему. Со щитом.

И рассказывал Варе о том, что проносилось мимо окон Эскалады.

- Ну что, к князю Дмитрию в гости пойдём? – Тин махнул рукой в сторону кремля. – Я толком вблизи сам ни разу не видел памятник. Его поставили не так давно.

- Давай отложим до следующего раза, - нервно усмехнулась Варя.

- Ладно, - легко согласился Тин. – После ЗАГСа сюда приедем. Внесу тебя на руках через кремлевские ворота, как положено.

- А там что? – Варя решила не заострять внимание на пугающем слове ЗАГС. Хотя сама... ведь сама же... - Вон то. Белое. Большое. Что это?

- Это? – Тихон ненадолго повернул голову. – Охренеть, какое здоровое. Тут раньше было другое... А, слушай, точно! Нинок рассказывала. Это новый конькобежный комплекс.

- Красивый.

- Угу. Сейчас увидишь старые улицы, город.

Они ехали вдоль коломенского кремля. От древней высокой стены, темно-красной, словно впитавшей за день солнечное тепло, веяло надежностью и степенностью. И Варя неожиданно успокоилась. Перед красивой желтой колокольней машина повернула налево, и показалась старая часть города.

Она все равно так волновалась, что практически ничего не запомнила. Кроме его большой и горячей ладони, в которую Варя вцепилась мертвой хваткой. И каких-то фрагментов. Бас Аристарха Петровича – вот в кого у Тиши такой низкий голос. И борода у Аристарха Петровича

мягкая, но с каким-то душным запахом. Приятным, но душным. Ладан, наверное. И как утирает слезы Серафима Андреевна. А икона и в самом деле была.

А потом пили чай с пирогами трех видов и шестью сортами варенья. Разговоры, шутки, рассказы. Варя – только слушатель. И руку его под столом не отпускает. Кажется, что если отпустит, водоворот быстро меняющихся событий, людей, впечатлений ее просто унесет.

- Варюх... - они стояли с Ниной около высокого забора. То самое место, где, как Варю в числе прочих историй было рассказано, Нина Аристарховна в возрасте двенадцати лет повисла новой юбкой на заборе. И как над ней хохотали все друзья-подружки. И как Тишка ее с этого забора снимал. – Он балбес, я понимаю. Дурень, каких еще поискать надо. Он обидел тебя, верно?

Варя неуверенно кивнула. Нина ей очень понравилась, в том числе и тем, как сильно они похожи с Тихоном. И муж у нее славный, только очень молчаливый. Но как с ней обсуждать свои отношения с Тихом, Варвара не представляла.

- Он не со зла, - Нина тронула рукой уже начавшее наливаться яблоко. – Он дурной, но хороший. И любит тебя очень сильно. Правда. Видно это. Прости его.

- Варя! – раздался из-за деревьев голос Тихона. А потом он и сам появился. – Вот вы где! Нинка, хватит морочить Варю голову детскими байками!

- Цыц. Нечего старшей сестре указывать, что делать. Мало я тебя в детстве поколачивала!

Тихон только глаза закатил, протягивая Варю руку.

- Варя, Вы на него не сердчайте, пожалуйста.

София – единственная из семейства Тихих, кто говорит Варю «Вы». И Варю это кажется правильным – она бы и сама не смогла «тыкать» этой тонкой, хрупкой и очень серьезной девушке. Из всех детей она кажется Варю больше всего похожей на отца Аристарха. Чем-то внутренним, что видно в глазах.

- Да я не... - молчит, не зная, что сказать.

- Он добрый. Он будет о вас заботиться, любить и уважать, как положено мужу. Вы не сомневайтесь в нем. Он очень... очень хороший.

Варя только вздыхает. Интересно, это готовилось заранее? Или импровизация? Хотя в искренности Софии Варя несколько не сомневается. Любопытно только, приложил к этому руку Тихон Аристархович или нет?

Хоть Лиза не стала убеждать Варю простить Тихона. Вместо этого утащила в свою комнату – фотоальбом показывать. Но все равно через слово: Тиша, Тихон, брат. Нет, это все-таки не запланированная акция. Все так и есть. За Тихого сестры – горой.

- Да не ехали бы уже на ночь, - мягко пожурил молодых Аристарх Петрович. – Переночуйте у нас, а завтра с утра пораньше отправитесь. Или не пораньше. Варюшка в отпуске, Тиша сам себе хозяин – куда торопиться?

- Не надо, - неожиданно строго возразила Серафима Андреевна. – Не дело это. Пусть Тиша Вареньку домой отвезет.

Аристарх Петрович хмыкнул, но спорить не стал. А Серафима Андреевна перекрестила отъезжающий джип.

- Ты как?

Варвара не имеет понятия, как ответить на вопрос. Как она? Да Варя сейчас даже не уверена, кто она. Вместо слов губы вдруг складываются в зевок.

- Устала?

Варя кивает. Мимо, но теперь справа и уже темная пролетает стена кремля, за ней светится Соборная площадь с церквями и колокольнями, мигает на прощанье огнями белая летающая тарелка конькобежного комплекса. Машина въезжает на мост через речку Коломенку, перила которого украшены свадебными замками. И сюда добралась западная традиция. К тому моменту, когда мелькает знак конца населенного пункта, пассажирка черной Эскалада спит, склонив голову на плечо.

А водитель уже никуда не торопится, и джип неспешно катит в сторону столицы. Сказывается усталость – по этому маршруту Эскалада едет уже второй раз за день. А еще Тихону хочется продлить этот отрезок времени – когда она спит в его машине, и есть только этот поздний вечер, переходящий в ночь, темнота, урчание мотора и негромкий рассказ о далекой Анголе трубы Ирвина Мэйфилда.

Это их время – его и Варино. Еще будут трудные разговоры и непростые ситуации. Они сделали только первый шаг. Первый, самый важный, самый значительный. Но он держит ее за руку, и она не отнимает руки, а это главное. И сейчас она здесь, с ним, в его машине, спит. И больше он ее уже не отпустит – какие бы трудные разговоры и непростые ситуации им не предстояли. Дальше – только вместе.

А сейчас – сейчас их время. Только для них. Тин снял одну руку с руля и протянул, коснулся ее волос. Да. Все. Его. И снова переключил внимание на дорогу.

Варя так сладко спала, что около подъезда ее пришлось аккуратно потрогать за плечо, чтобы проснулась. Она смешно терла глаза и зевала.

- Уже приехали?

- Точно так, - улыбнулся Тин. – Выйдешь сама? Или на ручки?

Варя посмотрела через стекло на подъездную дверь. Помнится, когда-то ей очень хотелось, чтобы он взял ее на руки – перед тем самым «галстучным» свиданием. Мечталось об этом. Да, она оказалась права: Тихона Аристарховича хлебом не корми – дай возможность проявить силу богатырскую. И прооперированная рука не помеха.

- Не надо, я сама, - отпустила на волю ремень безопасности. – И не провожай меня. Все равно не...

И замолчала, не зная, как закончить фразу. Нет, Варя спросонья явно не очень хорошо соображает. И говорит тоже не очень связно. Тихон спокойно вытащил ключ из замка зажигания и открыл дверь. А спустя несколько секунд уже распахнул дверцу с Вариной стороны и протянул руку.

- Идем.

Ладно. Давай отложим финальный разговор до дверей квартиры.

А у двери квартиры Варя решительно повернулась к нему.

- Слушай. Знаешь... - тут решительность вдруг куда-то делась. - Я думаю, нам не стоит... То есть, я считаю, что мы не должны... И сейчас нам не нужно...

Тихон терпеливо ждал, когда она завершит свою мысль. А у Варвары в голове совсем каша, причем крутая такая. Всего там намешано. А еще из-за того, что спала сидя, немилосердно ныла шея, и отдавало в голову, в виски. А там и так стучало на все лады. Что Варя натворила? А вот что. Простила. Замуж согласилась. С будущими родственниками познакомилась. И все это за каких-то полдня. Что с ней происходит? Хоть чему-то в своей жизни она хозяйка?! Или все теперь будет идти под дудку того, кто стоял сейчас напротив и спокойно смотрел на нее? Ожидая, пока Варя сформулирует свои мысли. И это ее разозлило всерьез. Что она, девочка маленькая, чтобы за нее решали? Она взрослая женщина, врач и умеет называть вещи своими именами. И принимать удобные для себя решения. Пока еще поезд не уехал окончательно.

- Я считаю, что нам не надо жить половой жизнью до свадьбы.

Мысль правильная. Формулировка идиотская! Половая жизнь. Варя на секунду зажмурилась. Господи, ну почему она не сказала как-то иначе?! Хотя бы «заниматься сексом». А Тихий сейчас совершенно точно скажет, что он согласен вместо «половой» на «диванную» жизнь.

- Хорошо, - кивнул Тин. – Ты права. Наверное, это правильно. И разумно. И... И, да, точно, ты права. Так будет лучше.

Вот так вот, да? После всего, что было сегодня в Эскаладе, у Вари получилось не показать изумление.

- Тогда спокойной ночи.

- Спокойной. Я тебя... поцелую. Можно?

- В щечку?

- В ручку.

Ткнулся носом ей в ладонь. Прижался щекой. Поцеловал тепло и влажно. Шепнул ей туда что-то. Потом еще в запястье. Перевернул и легко коснулся тыльной стороны ладони губами. Еще погладил большим пальцем ладонь и запястье. И отпустил руку.

- Иди, Варя. Устала же.

- А ты?

- Дверь за тобой закроется, и я пойду.

- Хорошо, - неуверенно кивнула. Повторила еще раз зачем-то: – Спокойной ночи.

- Спокойной. Я завтра позвоню.

Она сделала это. Закрыла перед ним дверь. В этот раз они остались по разные стороны. Должна гордиться собой. И она гордится!

Механически, на автомате щелкнула выключателем в прихожей, потом в кухне. Прошла туда-сюда несколько раз. С каждым разом все выше поднимая подбородок. Да, все правильно сделала. Как и положено всякой уважающей себе женщине с чувством собственного достоинства.

Варя представила, как согласно кивает мать. Как поднимает вверх большой палец отец, и таким же жестом реагирует брат. Как несколько раз хлопает в ладошки Любава. Варвара в ответ милостиво всем кивнула.

Серафима Андреевна склоняет голову – кажется, одобрительно. А воображаемый Аристарх Петрович почему-то ее крестит. Нина пожимает плечами. София кивает серьезно, но тоже, похоже, с пониманием. Лиза просто улыбается, наверное, еще не очень представляет, о чем речь. Поверь мне, Лиза, я все правильно сделала. Вырастешь – поймешь.

Варя остановилась в центре кухни, прервав свой мысленный, полный истинно королевского достоинства диалог с воображаемыми собеседниками. Замерла.

Зачем она его отпустила? Куда? На ночь глядя?!

Ведь вляпается же. Как пить дать вляпается! Этот дурень и балбес просто чемпион в области собирания приключений на свою голову. Пуля в плече. Распоротая щека. Отобранные пальто и часы. Он просто не может не вляпаться в какие-то неприятности, потому что... потому что! Видимо, человек такой. И нельзя его отпускать ночью никуда из дома. Нельзя. Да чем она думала?!

Варя кинулась к окну, чуть не расплющила о стекло нос. Вон, Эскалада стоит на месте, Тихона не видно. Теперь что - кричать ему посреди ночи на весь двор: «Тихон, вернись!»? Нет, лучше догнать; если быстро, должна успеть, пока он машину заведет, пока развернет.

Варя опрометью сорвалась с места. Обулась, не глядя, зажала в кулаке ключи и надавила на ручку двери, распахивая.

За дверью стоял он. Чуть в стороне, так, что распахнувшаяся дверь его не задела. Опершись ладонью о косяк и низко склонив голову, стоял Тихон Тихий.

Варя замерла. Лишь пальцы разжались, и мягко шлепнулись на коврик ключи.

- Ты не ушел... - выдохнула она.

Тин поднял голову и их взгляды встретились.

- Не смог уйти.

Действие шестнадцатое. На сцене гаснет свет. Но действие продолжается.

В авторской суфлерской будке, нарушая всю интимность момента, шуршат фантиком от конфеты и нагло ждут предложений от кондитерских концернов по поводу продактплейсмента.

- Не смог уйти. Не могу я. От тебя уйти.

Они шагнули друг к другу одновременно. И поцеловались на пороге: между вчера и завтра, между прошлым и будущим, застыв на пороге новой жизни. Жизни вдвоем.

Целовались взахлеб, на разрыв, как в первый и в последний раз одновременно. Тонули в этом поцелуе, задыхались без воздуха, выныривали и снова падали в него. Друг в друга.

А потом все-таки шагнули. Вперед.

Щелкнул дверной замок. Оба дышали, словно соревнуясь, кто надрывнее, кто громче. И снова – друг к другу. Его пальцы путались, как мечталось, в ее огненных прядях. И он шептал в них, задыхаясь от счастья и волнения.

- Варенька, ты мне постели на полу... На кухне... Пальцем тебя не трону. Просто не могу сейчас уйти от тебя. Не могу, понимаешь? Мне просто надо рядом с тобой быть. На кухне постели, ладно?

- Конечно, - прошептала она. Под ее пальцами все-таки оторвалась пуговица на длинной нитке. – А еще лучше на коврике. У входной двери. На радость соседям.

А потом ее губы нашли в расстегнутом вороте рубец от шва. Шва, который наложил ее собственный отец. Она прижалась щекой к рубцу и вдруг тихо заплакала.

- Варя... Варешка, ты чего? - она почувствовала, как дрожат его пальцы, когда он гладит ее по спине. – Ну, перестань, родная, пожалуйста. Не плачь. Все же хорошо. Ну, тише, Варенька, тише...

- Не «тишкой» мне, Тиша! – шмыгнула носом. – Ты умирал у меня на руках! Ты бы что делал на моем месте?!

- Лег бы рядом и сдох, - честно сознался в ответ. – Я же теперь не знаю, как без тебя, Варь. Я все эти месяцы как в погребе прожил. Без света. А теперь... - он снова зарылся лицом в ее волосы. – Теперь мое солнце со мной. Светит мне. Греет.

И у нее тоже что-то начало греть внутри. От его слов. Варя улыбнулась сквозь слезы и решительно взяла его за руку.

- Пойдем.

- Варь... - в это было невозможно поверить, но он уперся. – Я, правда... На кухне лучше лягу, на полу. Дай мне одеяло какое-нибудь.

- Сейчас прямо! Никакого «на полу»! Мы не живем половой жизнью до свадьбы, ты забыл?

- Варенька...

- Раздеваться и в постель! – и в спину его подпихнула для надежности.

- Да я в постели ноль без палочки...

- Бегом!

У дивана Тихон Аристархович снова изволил выразить сомнения. Варваре Глебовне стало это уже немного надоедать.

- Ты мой?

Он замер в каком-то жесте с поднятой рукой. Потом аккуратно ее опустил. Осторожно кивнул. Вспомнил обстоятельства, при которых в предыдущий раз звучало это слово.

- Твой.

- Тогда, господин «собственность Варвары Глебовны Самойловой», изволь разобрать диван и снять штаны.

- И трусы тоже?

Варваре решительно осточертел этот цирк, и она простимулировала Тихона Аристарховича снятием футболки. И дальше все начало происходить в гораздо большем темпе.

Он не помнил, как раздевался. Потому что видел только ее, сколько хватало тусклого света из прихожей и с улицы. Помнить и ощущать он начал – зато десятикратной мерой, – лишь когда они оказались без одежды и в горизонтальной плоскости.

Словно скряга, скупец, получивший обратно свое сокровище, которое утратил и не чаял вернуть, – вот как он себя чувствовал. Руки жадно трогали и оглаживали, точно подмечая все изменения. Похудела его девочка. Тут не хватает. Вот тут очень много не хватает. Здесь пальцы не так лежат, как надо. И там. А вот здесь – здесь все, как и раньше. Нежно и... И что это?!

Его указательный обвел тонкую дорожку коротких волосков на лобке.

- Рыженькие? – выдохнул Тин восхищенно.

- Ага, - улыбнулась она ему в шею.

- Варяря... - это прозвучало так умоляюще, что она сразу поняла, о чем он. Рассмеялась легко.

- Завтра посмотришь!

- Ты похудела! – высказал он ответную претензию. – Вот тут не хватает! И тут. И вот тут.

- Ты себе придумываешь! – она ежилась и покрывалась мурашками от его прикосновений.

- Нет! – внезапно. И одновременно робко: - Ты моя?

- Твоя.

- Так вот, госпожа «собственность Тихона Аристарховича Тихого», мне лучше знать, где моей собственности убыло! У меня все учтено! Буду тебя откармливать.

- Обязательно. А сейчас займись другим делом. Пожалуйста.

И он занялся. С усердием и удовольствием. Точно знал, что сегодня ему не быть в числе марафонцев. Не опозориться бы до начала основных событий. Но о своей девочке он должен позаботиться. Чтобы ей стало сладко и хорошо. А уж потом он сам.

Только вот сладкая девочка оказалась иного мнения. Позволив ему немного интимностей высшей пробы, Варя мягко, но решительно убрала его руку, вжалась в него и шепнула горячо на ухо.

- Хочу!

- Варюша... - жалобно выдохнул он. - Я же не смогу долго. Я же пять месяцев без тебя. Мне бы не кончить сразу, как войду. Маленькая, давай я сначала тебя, а потом уж...

- Я. Хочу. Тебя. Внутри.

Пока Тин героически пытался придумать хоть один аргумент в пользу своего плана действий, Варя так прижалась. Так потерлась. Так обняла. Что все благие и не очень намерения вылетели в приоткрытое окно.

Едва не задохнулся - только от одного того, как она его обняла *там*. Не только ее тело приняло в себя часть его тела – приняло, горячо и сладко сжав. Нет, словно Варя его сердце в руки так же взяла; взяла в свои нежные руки и сжала. Не сильно, но себя он потерял. Она забрала его всего. А еще он вдруг четко понял, что сейчас вернулся. Вернулся на свое место. Туда, где должен быть. Будто домой. И навсегда.

А потом она обвила его еще руками и ногами, имея нахальство выдохнуть на ухо:

- Только попробуй кончить раньше меня.

Таким здоровенным мужикам просто по уставу не положено всхлипывать. Но сейчас он именно всхлипнул – ничем иным этот звук не мог быть. Какое своевременное предупреждение. А он уже чуть было не. Вот прямо так сразу. Потому что охрененно до невозможности. Полминуты от силы еще.

- Варенька... - надо же что-то сказать. Точнее, прохрипеть. – Я не смогу. Я же говорил. Я же прямо сейчас... Прости, малыш, не могу.

- Сможешь, - мурлыкнула рыжая ведьма. – Я верю, что сможешь. Хочу с тобой, Тишенька. Пожалуйста. Ты сможешь, я знаю. Я верю в тебя.

Вот так несколькими словами убила на корню все надежды. И вознесла на небо.

Герой фильма «Матрица» умел зависать в воздухе. Красивые кадры получались. Но это в кино. А у Тихона получилось в жизни. Когда она шепнула: «Я верю в тебя» - у него не осталось выбора. И он смог.

Замер на верхней точке наслаждения. Там, где любая секунда могла взорваться кульминацией. Но, застыв и замерев внутри, он продолжал двигаться. Попирая весь свой предыдущий опыт возможностей собственного тела. И все равно ждал с паникой, что сейчас его накроет. Не выдержит. Рванет. А не должен. Права не имеет, если она ему доверилась.

Варенька под ним расцветала томными вздохами, стонами и пальцами, сдавившими плечи. Ей хорошо. А должно стать замечательно. Ему бы только выдержать.

А ей было так сладко, томно и нежно. И торопиться не хотелось – чтобы тепло перетекло в огонь не спеша, со всеми оттенками. Как же хорошо, как же сладко. И он такой нежный, такой восхитительно неторопливый, такой... такой... мерзавец!

Когда он понял, что дошел до предела... кажется, до пятого по счету предела, но этот был и вправду, видимо, последний, он вдруг начал говорить.

Ей на ухо хриплым низким шепотом посыпались версии того, что он будет с ней делать. Сегодня ночью. Завтра утром. И еще много-много других ночей и утр. С бесстыдными и возмутительными подробностями. Местами матом. И при описании сцены, в которой принимали участие Варины коленки и ягодицы, руки Тихона и два очень неприличных слова, нежность и тепло переплавились в огонь и электричество мегаваттного оргазма. Тряхнуло до самых кончиков пальцев.

После нее он успел еще два раза дернуться. А потом – все. Его вынесло. Из этой Вселенной, из собственного тела, отовсюду. От него осталось не больше, чем от лопнувшего воздушного шарика. Кажется, даже мозги вместе со спермой вышибло.

Он рухнул на Варю. Сквозь забившую уши вату нервного опустошения услышал Варин возмущенный писк, но не отреагировал. Понимал, что придавил, но шевельнуться был не в силах сейчас. Хотя бы пару минут отдышаться. Ты сама затеяла эту игру со мной, малышка. Поэтому придется потерпеть и чуток полежать под потным, горячим, тяжелым и охреневшим от счастья мужиком.

В конце концов Варины полупридушенные писки и возня под ним возымели свое действие, и совесть у Тихона проснулась. А он приподнялся на руках и откатился все-таки в сторону. Но едва Варя успела вздохнуть свободно, как ее тут же прижали к горячему боку, шлепнули тяжелой рукой по бедру. И в комнате прозвучало негромкое, удовлетворенное, на выдохе «Уууххх».

- И все? – подначила его Варя. - «Ух» - и все? Как-то Вы раньше были более красноречивы, подводя итоги, Тихон Аристархович.

- Сейчас... - он перевел дыхание. – Сейчас подведу итоги. - Сжал ее бедро. – Я люблю тебя.

- Не тот текст, Тихон Аристархович, - странно, что у нее получалось ерничать вопреки сжавшемуся сердцу. – Слушай и запоминай правильные слова: «Классно потрахались».

- Я люблю тебя, - упрямо повторил он.

- Вот ты настырный, - с притворным сожалением выдохнула Варя, удобнее устраивая удобнее голову на его груди. И эти ее телодвижения привели к неожиданным открытиям. Что-то горячо потекло по внутренней поверхности бедра. Чем могло быть это «что-то», версий имелось немного. Да что там – одна-единственная. Но Варя все-таки решила проверить. Ее пальцы коснулись сначала мужского бедра, потом горячей усталой мягкой плоти. Никаких следов силиконового изделия там не обнаружилось, зато под пальцами мягкое тут же начало превращаться в твердое. А Тин выдохнул довольно:

- Смелее. И выше!

Варя поспешно убрала пальцы под его разочарованный выдох. Приподнялась на локте.

- Тихон!

- Я за него, - лениво протянул он. Не прекращая – да словно приклеились его руки там! – лапать ее. За ягодицы, разумеется.

- Ты вообще в курсе, что от этого дети бывают?!

- Серьезно?! – ей срочно захотелось стукнуть его за это идиотское и наигранное изумление. – Вот от этого?! Нет, ну откуда же мне знать? Я медакадемию не заканчивал, парень простой, деревенский.

- Тиша! – хлопок ладони по его влажной груди вышел очень звонким. – Прекрати паясничать, я серьезно! Это... это... - у нее все никак не находилось нужных слов, и Варя продолжила как-то беспомощно. – Так нельзя... Без защиты...

- У меня есть санитарная книжка, - после небольшой паузы и спокойно произнес он. - Я вместе со своим персоналом мед.осмотр ежегодно прохожу. Последний раз – восемь месяцев назад. А уже в тебе я совсем уверен.

- Да нет, я не в том смысле... - ее растерянность нарастала. Возможная необратимость того, что только что произошло, холодила в груди, несмотря на наличие горячего мужского тела рядом. Не о гипотетических пресловутых ЗППП она думала. С учетом того, что Тин не так давно был прооперирован. Уж там бы нашли, если бы что-то было.

- А в каком? – снова это дурацкое удивление! Варя уже просто зашипела, и Тин прижал ее крепче, не давая возможности отодвинуться. – Ладно, все, я понял. Слушай, Варь... Если ты мне сейчас скажешь... Что не хочешь от меня ребенка... - он вздохнул. – То я попрошу у тебя прощения за то, что сейчас произошло, оденусь и пойду искать ближайшую круглосуточную аптеку. Твое слово, Варя. Если ты не хочешь от меня ребенка, скажи.

Опять. Снова. Да что же такое! Любимый метод Тихона Тихого – припирять ее к стенке и заставлять делать выбор. Как? Вот как ему удастся каждый раз задать вопрос, который выворачивает все внутри, все ее тайные желания и страхи?! Раз за разом у него получается попасть в самое... самое больное. В самое уязвимое. В самое важное. А потом Варя вдруг

осознала, что первым стояло «от меня». А потом уже – «ребенка». Важно? Наверное. И... И она не собирается отпираться. И скрывать или стесняться своих желаний. И даже если потом пожалеет, она ответит ему так, как чувствует сейчас. *Ты задаешь такие неудобные вопросы, Тихон. Вот и получи честный ответ.* Варя уткнулась носом ему в ключицу и едва заметно кивнула. Затем решила, что это малодушно, и вообще он может не так понять. И шепнула.

- Да. Хочу. От тебя. Ребенка, - и зажмурилась, словно перед прыжком в ледяную воду.

- Ну вот видишь! – в следующую секунду он уже подмял ее под себя. – Мы все правильно делаем!

И не поспоришь. Особенно если тебе рот поцелуем затыкают. Шелковый же язык. Шел-ко-вый.

После третьего раза Варя запросила пощады.

- Тиша, давай спать!

- Какой «спать»?! – наглые лапы на теле уже и снова воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. – Варька, я почти полгода без секса! Нееет. Так просто ты от меня не отделаешься!

- Тиша, тебе трех раз мало?!

- Мало. Четыре как минимум.

-Тишааа... Я завтра ходить не смогу! Мои коленки уже очень соскучились друг по другу и хотят побыть вместе!

- Я по тебе больше соскучился! - лапа в виде разнообразия погладила колено. – А твоим коленочкам я все компенсирую.

- Тишенька... давай четвертый раз завтра утром, а? Пожалуйста. Правда, я засыпаю уже.

- Ладно, - демонстративно посопев. – Завтра утром. Четвертый и пятый.

У нее достало сил хихикнуть ему в грудь. Бизнесмен фигов. А потом Варя беспардонно вырубилась. Пока он не передумал насчет утра.

А утром Тихон Аристархович оформил себе десерт. «Десерт» порадовался, что проснулся раньше и успел сходить в душ. И сейчас Варя, приподнявшись на локтях, сквозь ресницы замороженно смотрела на свои ноги на его плечах. Они кажутся еще меньше обычного этой косой сажени. Как Тин оглаживает ее ступни своими ладонями, накрывает их. Почти одного размера – ее ступни и его ладони. Как, повернув голову, целует пальцы с темно-вишневым лаком. Как трется его колючая щека о внутреннюю поверхность голени. Следом накрывает ладонями, ласкает, как обещал накануне, колени. А потом шершавая щека касается уже бедра – тоже с внутренней стороны. А затем силы у Вари в руках кончаются, и она падает обратно на простыню, закинув руки за головой, разметавшись в облаке золотых волос.

Потому что шелковый же. Шел-ко-вый.

Звонок телефона застал их, когда они наперегонки пытались отдышаться после первого утреннего раза. Тин буркнул что-то вроде «неберитрубкупошливсевпень», но она уже протянула руку. Потому что знала, на чей номер стоит эта мелодия. Села, подтянув в груди одеяло, прокашлялась, вздохнула и ответила в трубку.

- Да, мамочка?

Тут и Тихон сел, привалился к стене. Только на одеяло претендовать не стал. Напряженная складка между его бровей согнала с лица выражение блаженной истомы.

- Доброе утро, мамуль. Нормально. А... Ну да, - Варя нервно заправила прядь за ухо, еще выше подтянула одеяло. – Нет, я не... мы... Да, я поняла. Хорошо. К четверем мы приедем. Ладно. Хорошо, мама, до встречи.

Отложила мобильный в сторону. Взгляд ее был растерянным. Если не сказать паническим.

- Нас кто-то сдал! Мои уже в курсе. Мне устроили выволочку за то, что... что твои родители уже все знают, а мои еще нет!

Тихон шумно выдохнул. Пододвинулся, прижал Варю к себе вместе с одеялом.

- Кто-то сдал... Я даже знаю – кто. Тут вариант один.

- Твои?

- Мои, - Тихон еще раз вздохнул, уткнувшись подбородком в ее макушку. – Отец.

Варя не стала выяснять, откуда у Аристарха Петровича номер ее отца. Да и какая сейчас разница? Поерзала, устраиваясь удобнее под боком Тихона. Они остались по одну сторону. Бронированного стекла, двери, всего. Теперь они по одну сторону всегда. Она сделала свой выбор, и столькими своими поступками уже успела за неполные сутки его подтвердить, что... А кое-что, чего уже ничем не изменишь, вполне могло произойти этой ночью. Или только что. Варя вздрогнула. Вздохнула. Внутренне констатировала, что совсем никак не может идентифицировать свои чувства сейчас. А вслух сказала.

- Пойду я в душ. И завтрак соображу.

- Какой-такой завтрак? – секунда, и она уже на спине, и он навис сверху. – У меня по плану сейчас пятый раз!

- Тиша, - Варя попыталась выбраться из-под него, но дело кончилось тем, что только прижалась плотнее. – Нас мои родители ждут! На обед!

- Во сколько ждут?

- К четверем.

- Куча времени еще, - легко прикусывая ее за нежную кожу шеи и тут же спохватываясь. Сияк сейчас будет совсем некстати. – Успеем. Ты мне обещала четвертый и пятый!

- Ну да, конечно. Ты снова нервничаешь, и только секс способен унять твоё волнение.

- Я очень нервничаю, - он лизнул место, которое прикусил. – Мне сегодня предстоит знакомство с тещей. Нервы что-то совсем расшалились.

Насколько сильно он нервничает, Варя оценила, когда по дороге Тихон заявил, что надо заехать за цветами.

- Да не нужен мне никакой букет!

- Не тебе. Твоей маме.

- И папе коньяк не забудь!

- Точно! – Тин хлопнул себя ладонью по лбу. – Какой он любит?

- Тиша, прекрати, я пошутила!

- Да какие шутки в таком серьезном деле, - вздохнул Тин, сворачивая на парковку к торговому центру.

- Дело кончится тем, что он тебе этот коньяк...

- ... об голову расшибет, - закончил за нее Тихон. – Я в курсе. Но цветы все равно куплю. Цветами не так больно, как бутылкой.

Цветочный магазин пестрел и благоухал всеми всевозможными красками и ароматами.

- Варя, твоя мама какие цветы любит? – обернулся Тин к Варваре.

- Бордовые розы, - уверенно ответила Варя.

- Отличный выбор! – к ним незаметно подошла женщина-продавец. – Бордовые розы – синоним любви и страсти. Лучший подарок для любимой девушки.

- Мне для тещи, - мрачно оборвал восторженную речь женщины Тихон. – Кактус не предлагайте. Не исключено, что этим подарком я получу по роже.

Продавщица ошарашено замолчала. Варя негромко хихикнула. Тин стрельнул в нее хмурым взглядом, а потом обернулся к сотруднице магазина.

- Ну что вы молчите? Посоветуйте что-нибудь еще.

Женщина окинула его оценивающим взглядом.

- В какую сумму хотите уложиться?

Тин выудил из кармана портмоне, оттуда достал платиновую «визу» и принялся ею демонстративно и томно обмахиваться.

- Для любимой тещи ничего не жаль.

Ему ответом - широкая искренняя улыбка продавца, почуявшего выгодного клиента, и экспрессивный щелчок пальцами.

- Тогда орхидеи! Десять минут, и вам соберут букет из самых свежих цветов.
- А они не колючие? – запоздало проявил подозрительность Тихий. – Без шипов?
- Орхидеи - очень нежные и хрупкие цветы!
- Это хорошо, - вздохнул Тин и потер затылок, – что нежные и хрупкие.

Дверь им открыл Глеб Николаевич. Варя едва сдержала изумленное восклицание – отец был одет в светло-серый костюм. Правда, рубашка под ним свободно расстегнута на пару пуговиц, и галстука тоже не наблюдалось. Но видно было, что сам факт наличия костюма Самойлову-старшему настроения явно не прибавлял.

- А, явились? Ну, проходите... дети.

То, что на рукопожатие ему ответили, принесло Тину физическое облегчение. Может, и дальше будет не так страшно, как он себе представлял. Надежда растаяла, едва Глеб Николаевич отступил в сторону. И Тихон увидел, кто стоит за его спиной.

Наверное, это природный талант - смотреть на человека, который выше тебя ростом все равно сверху вниз. И у Вариной мамы этот талант наличествовал. Это была первая мысль. Дальше Тин решил не думать, а действовать.

- Это вам, Юлия Юрьевна.

Протянутый букет так и остался в держащей его руке. Стройная женщина с темными прямыми волосами до плеч разглядывала его в упор. Не таясь, не обращая внимания на правила вежливости и протянутый букет, она смотрела на него не отрываясь. Что ему еще оставалось? Тоже смотреть.

Голубые глаза у матери его любимой. У Вари тоже голубые, но не такие. У Варезки отцовы глаза - яркие, искрящиеся. А у Юлии Юрьевны светлее. И в сто раз холоднее. Тину даже показалось, что температура воздуха в прихожей упала на пару градусов, пока он ей в глаза смотрел.

Варя больше похожа на отца и брата, хотя они оба здоровенные крепкие мужики. Но опасаться следует не их, а именно этого человека. Именно эта тонкая хрупкая женщина - последний бастион на его пути. Последний и самый крепкий. Тихон почувствовал, как давятся стебли нежных и хрупких цветов, которые он сейчас сжимал в своей протянутой руке. Кажется, он даже услышал приглушенный хруст.

Негромко кашлянул Глеб Николаевич.

- Мама, это... - тихо, но решительно начала Варвара. Ее прервал дверной звонок.

- Это Коля с Любавой! – Самойлов-старший будто обрадовался даже. Тому, что нарушилась эта почти звенящая тишина.

За дверью и в самом деле оказались Самойловы-младшие. В составе Николая, Любавы и Леночки. И сразу стало шумно и живо в прихожей, в которой до этого ощущался буквально

арктический холод. Все стали здороваться, обниматься, целоваться. Тихон опустил руку с хрупкими, нежными и, видимо, уже сломанными цветами.

- Коля, давай мне Леночку и разувайся! – оказывается, у обладательницы ледяных глаз вполне теплый и живой голос. Когда она говорит с родными и любимыми людьми.

Однако упитанное чадо в белой маечке с ярко-алой клубничной на груди и кокетливых штанишках с оборочками, гордо восседавшее на руках у Николая, отвернулось от бабушкиных рук, уткнувшись носом в отцовское плечо.

- Ко мне хочет, - довольно рассмеялся Глеб Николаевич. – Ленок, иди к деду.

Но и Глеба Николаевича привередливая Леночка проигнорировала. Зато распахнула свои и без того немаленькие глазки на сочный желтый букет с яркими алыми вкраплениями. А потом обратила внимание на то, что к букету прилагалось. И чуть не вывернулась из отцовых рук, подкрепив свое намерение громким возгласом.

Все шестеро взрослых уставились на извивающуюся на руках у отца малышку, которая всем своим видом и протянутыми пухлыми ручками демонстрировала, чего она хочет. Точнее, кого.

- Ну... - Ник прокашлялся. – Придется тебе ее взять, Тинич. Если Ленка чего-то удумала...

Тину казалось, что все замерли. И смотрят только на него. И женщина с ледяными глазами, и совсем не по-домашнему в костюме заведующий травмой, и красивая черноволосая жена Николая – тоже с проблесками льда в темно-синих глазах, и сам детский хирург, борец-вольник и отец Леночки в одном лице. И его любимая Варешка. Все смотрели на него.

Потом Варя протянула руку, и он отдал ей букет. И сам неловко протянул руки к Нику.

- Коля, не стоит, - раздался предупреждающий голос Юлии Юрьевны.

- За спину придерживай, - строго наказал Николай, сделав вид, что не услышал мать. – И не присаживай – рано еще.

Тихон всего этого не слышал. Он вообще не понимал, что ему говорят. И было страшно так, как, наверное, не было еще никогда в жизни. Когда принял на руки чужого ребенка. А руки вдруг взяли и вспомнили. Да, тогда он был совсем мальчишкой, но его часто оставляли посидеть с младшими. И с Софией, и с Лизой. И хотя это было давно, и, кажется, в другой жизни, руки как-то сами повернули и прижали малышку. На него уставились два любопытных синих глаза в обрамлении ресниц, которые посрамили бы любую фотомоделю. Взрослый мужчина и почти полугодовалая девочка внимательно смотрели друг на друга. А на них смотрели все остальные.

Леночка принялась что-то влюбленно ворковать Тихону и хлопать своим кинодивными ресницами. Зрелище выходило завораживающее и уморительное одновременно. Поэтому Тин упустил момент, когда маленький пухлый пальчик вошел ему в ноздрю до упора.

- Ай! – и чудом больше не добавил ничего из не допущенного к публичному употреблению. Было неожиданно и в целом больно. Леночка обиженно поджала губки и попыталась сунуть палец себе в рот, но Тин успел перехватить ее за руку. Перевел беспомощный взгляд на Любу, не зная, что делать в такой ситуации. И тут взрослые словно по команде дружно

расхохотались. Любава достала из сумки упаковку влажных салфеток и вытерла дочери палец. Леночка, как только получила снова в свое единоличное пользование собственные ручки, принялась проверять, как у ее новой игрушки прикреплены ухо и воротник рубашки.

- Ну, все! – отсмеялся Ник. – Елена Николаевна признала дядьку.

- Нет, ты посмотри на эту молодежь, Юленька, - обратился к супруге Самойлов-старший. – Мы с тобой еще ничего не решили, благословения своего родительского не дали. А они уже в дядьки определили.

- Это не мы! Это Леночка, - не согласился с отцом сын. – А ты же в курсе, что характер у нее настырный. В деда.

Глеб Николаевич только хмыкнул. Леночка продолжала проверять на прочность все, до чего могла дотянуться. Нос от нее предусмотрительно прикрыли, чем весьма расстроили ребенка. На какое-то время наступила пауза.

- Ну, что мы в прихожей-то стоим? – нарушила тишину Юлия Юрьевна. – Проходите в столовую. Варенька, давай мне букет. Это же мне... Тихон подарил.

Действие семнадцатое. Воспользовавшись тем, что Героиня прислушивается к замечаниям из суфлерской будки, Герой поворачивается к зрительному залу и показывает язык.

В авторской суфлерской будке обреченно машут рукой,

едва не опрокидывая кофейник с коньяком.

Дорога от Самойловых-старших проходила в молчании. Слишком много сказали, пережили и прожили за эти несколько часов оба. И сейчас под тягучий саксофон ехали сквозь вечернюю августовскую столицу без слов. Молчали задумчиво, а, может, умиротворенно.

- Варь, - на очередном светофоре все же заговорил Тихон, – я сейчас тебя завезу и домой съезжу. Кое-что взять надо. Потом вернусь. Переночую у тебя, ладно?

Все задом наперед сказал. Но сообразил тоже задним числом, только когда произнес.

Варя повернула к нему голову, посмотрела задумчиво.

- Ладно, - согласилась просто. - Переночуй. Только зачем круги наматывать? Поехали сейчас сразу к тебе - возьмишь, что нужно, а потом ко мне.

Вот чего бы ему раньше язык не прикусить? Почему сначала Варю домой не отвезти, а потом не заикаться о том, что надо вернуться к себе на квартиру?

- Не, давай я сначала тебя отвезу, ты же устала, наверное...

- Не настолько. Не дури, Тихон. Нам почти по дороге. Поехали к тебе.

Он чертыхнулся про тебя. Но промолчал. Спорить было еще нелепее, чем начинать этот разговор.

Припарковавшись у подъезда, предпринял еще одну попытку.

- Подождешь меня в машине? Я быстро.

Вместо ответа Варя отстегнула ремень безопасности и открыла дверь. Ему осталось только едва слышно вздохнуть. И запретить себе думать о том, о чем думать сейчас было не надо.

И все-таки зажмурился, открывая дверь. Торопился, уронил ключи - заминка перед дверью вышла еще заметней. Кой бес понес его сюда? Лучше бы завтра, один. Приспичило, блин, сменить трусы и рубашку!

- Варя, я сейчас, я быстро, - дернул в стороны двери шкафа. Черт, кто опять все переложил в шкаф?! А, точно, Лизка. Переворшил одну кипу вещей, другую. Зараза, да где все нужное?! За спиной раздался шорох, и Тихон замер. И почему-то не хотелось оборачиваться. Он скосил взгляд. В зеркальной дверце шкафа отражалась Варя. Без одежды. Только в белье. Красивом. Из его рук выскользнула футболка.

- Зачем?

- Раздевайся, - спокойно и без эмоций.

- Варя... - он все-таки обернулся. – Поехали к тебе. Оденься, пожалуйста, и поехали. К черту вещи. Я вот... - нагнулся, подобрал оброненную футболку. – Все взял.

- Раздевайся, - повторила она.

- Ну не здесь же!

- Именно здесь.

Она завела руки за спину. Красивый розовый, отделанный черным кружевом бюстгальтер скользнул вниз. Ему снова захотелось зажмуриться. Снова полетела на пол футболка. А он шагнул вперед. Прижал к себе.

- Я сделаю это. Если ты... если тебе нужно. Я сделаю все, что ты захочешь, Варя... но... тебе точно это нужно?

- Да.

- Зачем?!

- Раздевайся.

Зашибись у них диалог выходит. Содержательный. Тин всегда, с самого начала их знакомства хорошо понимал ее - мотивы, чувства. Не всегда утруждал себя тем, чтобы как-то корректировать свое поведение в соответствии с этим знанием, но он Варю читал. Читал как открытую книгу. Сейчас буквы в книге превратились в японские иероглифы. И он ни хрена не мог разобраться в происходящем.

Они разделись и легли в постель. На бок, лицом к лицу. В этом не было ни капли эротики. Тихон притянул Варю к себе, прижался губами ко лбу. Может быть, они просто полежат вот так немного, и все? Движение ее руки не оставило от этой надежды ничего. Варя раздраженно зашипела. Да, его тело отказывалось принимать участие в этом абсурде.

- Мы будем трахаться или нет?!

Если бы сейчас они каким-то чудом оказалось в другом месте. Сколько тут по прямой до Варинной квартиры? Километра полтора, наверное. Вот там бы он ответил ей «Да!» и любил бы ее до самозабвения. Здесь – нет. Здесь это похоже на пытку. Что угодно бы сейчас отдал, чтобы узнать, что за мысли у нее в голове. О чем она думает? Зачем это все? С какой целью?

- Варя... - он погладил ее по шелковым кудрям, по спине. – Варюша... Не надо...

- Придется брать дело в свои руки.

И она взяла. Основательно. А он сдался. Да, бесчувственная скотина и похотливое животное, но сдался. Тело отреагировало. На ее близость и обнаженность, на запах и шелк волос, на совершенно откровенные движения руки. Происходи это на расстоянии каких-то полутора километров, в другом доме, в другой квартире – и он был бы сейчас офигенно счастлив. Но здесь... здесь ощущал себя участником какого-то дурного спектакля, в котором не понимал смысла и не представлял, что у него за роль.

Она закинула ногу на его бедро.

- Ну?!

Он прижал ее плотнее к себе и скользнул ладонью по гладкой коже вдоль тонкой линии коротких волос. И выдохнул укоризненно:

- Ты же даже не хочешь...

- Так сделай, чтобы я захотела!

Как скажешь, родная.

Он знает все ее тайные местечки и точки. Все-все. Куда надо надавить, погладить, потереть. Только это все механика. *А что творится у тебя в душе, милая? Чтобы ты там себе не придумала, а я буду действовать по своим правилам.* Он взял ее, одновременно шепнув в приоткрытые губы.

- Люблю тебя.

И дальше, под каждое неторопливое движение.

- Люблю тебя. Люблю. Слышишь, люблю. Веришь? Нет, не верь. Это все слова, они ничего не значат. Просто будь со мной. Просто. Будь. Со мной. И все увидишь. Как я тебе люблю. Люблю. Люблю.

Эти слова звучали многократным рефреном. В такт его движениям. Между поцелуями, которыми он покрывал ее лицо – закрытые веки, лоб, скулы.

Я совсем не могу догадаться, что сейчас чувствуешь ты. Но я не буду молчать о том, что чувствую сам.

Она начала дрожать. Он знал, что это означает. Да, с ней это скоро случится. А он сегодня пролетает мимо. Потому что это механика. А на душе у него совсем другое.

Движения стали быстрее. Прикосновения – смелее. Поцелуи - чаще. «Люблю» - громче. Сейчас. Скоро.

И вдруг он замер.

- Скажи мне! - порывал он. - Скажи мне, черт возьми! Скажи, что любишь меня! Почему ты этого мне не сказала?! Скажи! Не молчи! Скажи!

Она задрожала сильнее. Всхлипнула. И это его вмиг отрезвило. Да что же он, на самом деле?! Нашел, когда приставать к любимой с идиотскими вопросами.

- Прости меня. Прости, родная. Не говори ничего. Неважно. Это слова... Они ничего не значат. Просто будь со мной. И все. Будет. Хорошо. Ты увидишь. Ты поймешь.

И в несколько уверенных движений отпустил ее. На волю. В полет. Но держал в руках, пока она сладко вздрагивала, и не разъединял тела.

Ухо не уловило тихий шепот. Слова будто прозвучали в голове. Но он не поверил. Показалось. Просто показалось. Выдает желаемое за действительное. Однако губы дрогнули сами собой в вопросе.

- Что? Ты что-то сказала?

Да, она сказала. Тихо, но прямо ему на ухо. Повторила. Еще раз. Потом еще. И еще. А потом он просто взорвался оргазмом. От одних только слов. Но тех самых.

Странное время для умных мыслей. Но именно за несколько секунд до освобождения, в состоянии дикого сексуального напряжения тела и еще более дикого раздвоя в душе, под его хриплое «Люблю. Как же я тебя люблю, родная» она вдруг поняла.

Любовь нельзя заработать, купить, заслужить, выпросить. Когда получаешь что-то в обмен, неважно на что: деньги, вещи, поступки, – это товар. То, что дали просто так – это дар. Любовь – дар. Как и другие, самые главные вещи в этом мире она дается в дар. Как жизнь, которую нам дарят родители. Просто так. Ни за что. Потому что так устроен мир.

У Вари, конечно, не получилось поделиться с ним своим открытием сразу. Но как только дыхание выровнялась и смогла говорить, сказала.

Тебе не надо ничего делать, чтобы заслужить мою любовь. Она и так твоя.

- Не представляешь, как я тебя люблю, - ей так много хотелось сказать теперь. Дать понять, что они на равных, и что ее любовь так же сильна, как его. – Ты - лучшее, что случилось в моей жизни.

- Варька... - как-то полузадушено хохотнул Тин. – Я же сейчас начну тебя жалеть. Если у тебя такое «лучшее»...

- Ты - потрясающий. Я буду задирать перед всеми нос и гордиться тем, какой у меня муж.

- Нашла кем гордиться. Я же неуч, у меня даже образования нет.

- Ты – самый лучший.

- Все, прекрати! – почти всерьез взмолился Тихон. – Я сейчас лопну от важности!

Прижал ее к себе, лицом в плечо, уперся подбородком в ее макушку.

- Не говори ничего больше. Не надо. Я этого не заслужил. Хотя... нет. Скажи еще раз. Любишь?

Она часто закивала, задевая носом его грудь.

- Все. Больше ничего не надо. Остальное я сам.

Они еще полежали какое-то время так, обнявшись. Потом Тин завозился.

- Варь, я сейчас быстро в душ схожу и вещи начну собирать. А ты пока тоже в душ сходишь. Я у тебя переночую, хорошо?

Опять у него получилось задом наперед. Варя усмехнулась.

- Давай. И поторопись, пока я не заснула.

Он сорвался с места и чуть ли не бегом помчался в ванную. Наверное, у соседней снизу закачалась люстра, когда такой «стоплюс»-мальчик проскакал бодрым галопом.

Варя закинула руки за голову, довольно, по-кошачьи потянулась. Ночевать ему приспичило у нее. Тиша, Тиша, у тебя там из-за этой истории в голове тоже что-то явно сдвинулось. И на место так не встало. Кто бы мог подумать, что он такой чувствительный и впечатлительный?

Варя оглядела комнату. Смятую постель. Входную дверь, видную в проеме. Комната как комната. Постель как постель. Дверь как дверь. Варвара попыталась вспомнить ту картину, что, как она думала, навсегда выжглась в ее памяти. Нет, Варя ее не забыла. Но картина казалась какой-то нечеткой: так и норвила то ли расплыться, то ли рассыпаться. Прошлое потеряло актуальность, свои силу и власть над ней. Варе стало плевать, кто был в этой постели до нее. Какая теперь разница? Прошлое осталось в прошлом. У Вари теперь на память о нем рубец. У Тина на память о прошлом шрам на плече. У нее – на душе. Но он – лишь напоминание, жить и быть счастливой ей не мешает. Наверное, такого, как Тихон, нельзя приручить, не заработав отметин. Не самая высокая цена.

Ее размышления прервало появление любимого мужчины.

- Я все, - отчитался он. – Ванная свободна. Можешь идти. Ну, чего ты ждешь?

- А ты? – Варя кивнула на его обернутые полотенцем бедра. – Чего не переодеваешься?

- Может, я стесняюсь? – он демонстративно затянул крепче узел на полотенце. – Варька, по-хорошему прошу – прекрати валяться голый и беги в душ.

- А то что?

- А то все! – передразнил он ее и вытащил из шкафа огромную спортивную сумку.

- Ничего себе – кое-что взять! - Варя села на кровати по-турецки, уперлась локтем в колено, а ладонью подперла щеку. – Ты, я смотрю, серьезно к вопросу решил подойти.

- Я переезжаю к тебе.

- О как. Люди добрые, дайте воды попить, а то так жрать хочется, что переночевать негде. Полчаса назад речь шла про «переночевать у меня».

- Ставки выросли, - ухмыльнулся он. – Не тебе одной машины у меня отжимать.

- Ой-ой-ой, - Варя закатила глаза.

- Можешь ойкать сколько угодно, - в сторону кровати полетело добытое из шкафа чистое полотенце. – Но через пятнадцать минут мы отсюда выходим. И только от тебя зависит, выйдешь ты на моем плече, голая и растрепанная после секса. Или чистая, одетая и своими ножками.

Варвара посчитала ниже собственного достоинства отвечать на такие возмутительные заявления, перекинула полотенце через плечо и гордо прошествовала в ванную.

У входной двери он снова замялся. Даже зажмурился от досады – как нелепо и не вовремя, после всего, что было, все еще спотыкаться на пороге. Перехватил покрепче спортивную сумку.

- И меня... - вдруг прижалась к его плечу Варя. – Ты обещал меня на плечо. На руки хотя бы возьми. И перенеси через порог.

- Слушай... Вроде же вносить надо жену. А не выносить.

- А у нас с тобой много чего наоборот – не только это. Так что бери на руки. Пожалуйста.

И он поднял. И шагнул за порог. Там поставил Варю на ноги, но все так же прижимая к себе. Не оборачиваясь, захлопнул дверь. Оставляя за ней все дурное и страшное. За спиной. В прошлом.

Она припарковала Эскаладу возле «Тина». Разумеется, Разумеется, криво и не по разметке – уж как получилось. Но Варе специально было выделено на парковке у ресторана два места – как раз поэтому. Вздохнула. С этим бегемотом она никогда не сладит. Вообще, зряшная была идея. Варя была уверена, что шуткой все и кончится. Но нет.

После того, как Тихон переехал к ней, он демонстративно пересел на Матиз. И даже слушать ничего не хотел о том, чтобы ездить на своей машине. Варя ради интереса полюбопытствовала, чем он объясняет перед деловыми партнерами такую радикальную смену имиджа. Тин в ответ сказал, как о чем-то обыкновенном: «Говорю всем, что жене проспорил». Вот так. Жене. Не невесте, не подружке. Все эти стадии Варя благополучно и мгновенно миновала, став сразу для всех знакомых Тихона Тихого женой. Отсутствие обручального кольца и штампа в паспорте никого не смущало. Как пояснил Рося, у Тихона репутация человека, всегда держащего слово. Сказал жена – значит, жена. Мало ли что кольца на пальце пока нет. Ерунда какая.

И во всем так. Объявил, что жена – переехал к ней жить. В одночасье стал неотъемлемой частью ее жизни. Нет, когда она сама заявляла про законный брак, то понимала, что куда-то туда дело и может выйти. Но чтобы вот так сразу. И много. Была ли она не довольна? Да черт его знает.

Тин купил диван, огромный траходром – иначе не скажешь. Который загромоздил половину комнаты. И все равно спал Тихон на нем по диагонали, оставляя Варю места с гулькин нос. В ответ на претензии предлагал: «Пинай и буди меня». Как же, ноги отобьешь его пинать.

Он вечно что-то пил: чай, кофе, какао. И оставлял везде кружки. На фырканье отвечал: «Не трогай, вечером сам все уберу». И ведь убирал! Но эти кружки по всей квартире, словно звериные метки, Варвару дико раздражали.

А однажды он обнял ее и повез в коттеджный поселок. И там показал ничем не примечательный участок земли с выкопанной ямой и следами строительных работ.

Прижал к себе, прикрывая от порыва теплого, в общем-то, ветра.

- Я понимаю, Варь, меня много. Меня... всегда будет много – такой уж я человек. И не намекай мне, чтобы я убрался к себе – все равно не поеду. Я квартиру уже продал. Можем снять побольше и пожить там. Но вместе. А потом у нас будет дом, - махнул рукой в сторону котлована. – Двухэтажный. Вот там можем даже на разных этажах жить – чтобы не мешать и не раздражать друг друга. А пока потерпи, маленькая моя. Я все равно никуда не уйду.

Потерпи. Вообще-то, несмотря ни на что, она была счастлива. Здесь и сейчас. С ним.

Сколько у них всего сразу стало много. Сколько они говорили – теперь, когда оказались в одной квартире, на одной кухне, в одной постели. Начиная с «Знаешь, что мне подумалось при первой встрече?» и дальше, по всей цепочке событий. Они словно прожили свое знакомство и отношения заново, только теперь предельно честно и открыто, рассказав о чувствах в той или иной ситуации. Правда, Тихон пару раз, наказав ей строго запомнить, на чем они остановились, прерывал откровения на секс. Впрочем, Варя не слишком возражала. Они и в самом деле соскучились друг по другу. А еще она привыкла к тому, что он практически никогда не мог просто пройти мимо или оказаться рядом – и не поцеловать, не обнять, не полапать, а то и не ущипнуть. Нагло уверял, что у него выработался рефлекс, за что был обозван идейным последователем академика Павлова, после чего в ответ на все Варины возражения заявлял, что делает это исключительно по академическим соображениям.

А еще они снова принялись гулять. По инициативе Тина Варя провела экскурсию по корпусам родной Пироговки. Была уверена, что Тихон ее затеял, чтобы лишний раз напомнить об образовательной пропасти между ними. Такой смешной. Чтобы сбить любимого мужчину с нелепой мысли, стала задавать всякие неудобные вопросы о его юности. И с какой-то щемящей болью поняла, что Тихон отвечает на все честно. Не пытаясь приукрасить себя. С намерением нащупать границу его откровенности спросила, как он невинности лишился. Лучше бы не спрашивала! Этот гад умудрился смутить потомственного хирурга! Но Варя поняла, что границы нет. Если она спросит, он ответит. На все.

В качестве все той же проверки она как-то раз вечером без предупреждения уехала в гости к брату. Имеет право отдохнуть от самозванца в собственной квартире, между прочим! Телефон начал жалобно пиликать еще по дороге, сигнализируя о разрядке батареи.

Собственно, дома у Коли была подходящая зарядка. Но Варя забыла, увлекшись общением с племянницей.

В восемь вечера по ее душу явился Тихон Аристархович. Внешне спокойно полюбоществовал, что с телефоном и почему абонент недоступен, вручил Леночке игрушечный ксилофон под обреченной стон Николая и простосердечно испросил у хозяйки чаю.

И все вроде бы вышло мило и даже весело. Леночка, разумеется, оккупировала коленки своей любимой живой игрушки и увлеченно стучала молоточком по брускам ксилофона. В паузах между взрослые успевали немножко поговорить. Ник обозвал Тина сволочью неблагодарной, потому что только абсолютно черствый душевно человек мог подарить ребенку ЭТО. Люба с милой улыбкой налила и протянула гостю чаю.

- С пургеном? - уточнил Тин.

- С виагрой! - фыркнула Любава.

- Ого, - только и успел многозначительно протянуть Тихон, и тут снова вступили ударные.

В общем, хорошо посидели. В целом. И на обратной дороге в машине привычно вздыхал альт-саксофон. Но, наверное, из-за того, что салон этой машины гораздо меньше, Варя как-то трудно дышалось. Или это от его молчания? Спокойного, казалось бы, молчания. Хотя, какого черта спокойного. Она же чувствовала его напряжение. Физически чувствовала, что он с трудом себя сдерживает.

- Извини, - вздохнула. – Извини, что я не позвонила. И что с телефоном так вышло.

Машина внезапно приняла вправо, жалобно взвизгнула тормозами, остановившись на обочине. Он резко открыл свою дверь. Не понимая, что это значит, Варя так же быстро распахнула свою.

Они встретились ровно посередине капота Матиза, между двух лучей света от фар. Он прижал ее к себе так крепко, что казалось: что-то хрумкнуло в позвоночнике. И прорычал на ухо.

- Не делай так больше никогда, слышишь?!

Она только кивала, прижимаясь щекой к его груди. И слушая, как там бухало его сердце.

- Я, бл*дь, чуть с ума не сошел! Пока не додумался Кольке позвонить! Я же постоянно боюсь, что ты не справишься с управлением! Там подушек безопасности, конечно, до фига вкруговую, и пассивная безопасность – тоже фактор, но на дороге столько идиотов! А у тебя телефон не отвечает. Я уже такого успел напридумывать... Не смей так больше делать, слышишь?!

Она снова только закивала и прижалась сильнее. И решила не говорить, что стрелка на спидометре Эскалады ни разу не перевалила за отметку «сорок» - быстрее Варя просто не рисковала, и плевать, что думают про нее другие участники дорожного движения. И лишней раз старалась за руль не садиться – вот и сегодня поехала к брату общественным транспортом.

- Не надо так, Варя... - прошептал в волосы, успокаиваясь. – Я, может, и заслужил. Даже, наверное, заслужил. Но я чуть не сдох от такой педагогики за те десять минут, когда я не знал, что с тобой.

Она отодвинула лицо от его груди и, привстав на носочки, поцеловала в подбородок.

- Я больше не буду, - произнесла торжественно.

- Конечно, не будешь! – хмыкнул Тин. – Я куплю тебе второй телефон - с батареей на шесть тысяч миллиампер-часов! Так будет больше вероятность, что какой-нибудь из двух телефонов обязательно будет включен.

А еще Варя динамила его с ЗАГСом. Причем сначала это получилось нечаянно. У Тихона как назло случился аврал в бизнесе, и в рабочие часы было очень плотно со временем. Но когда он ей позвонил как-то днем со словами: «Варь, у меня пара часов свободных образовалась, поехали в ЗАГС», разумеется, получил красочный и мотивированный отказ. Ей некогда. Она только что ванну набрала и лицо маской намазала. Никуда ЗАГС не денется.

Тин сделал еще один подкат на эту тему, а потом будто принял ее позицию, что они никуда не торопятся. А теперь - все. Приплыли, блин. Доигрались.

Варя вздрогнула. Она глубоко задумалась, положив руки на руль Эскалады. А теперь в ее размышления вторгся посторонний звук. Она повернула голову. У двери машины стоял Виталий, постукивал указательным пальцем по стеклу и улыбался. Варя вздохнула и дернула ручку двери.

Метрдотель подал руку. Это было кстати – выбираться из «танка», не обладая ногами такой длины как у Тихого, было не очень удобно. Даже туфли на танкетке не спасали.

- Добрый день, Варвара Глебовна.

- Привет, - Варя улыбнулась. Ее забавляла эта игра в церемонии с персоналом Тина. А потом улыбка поблекла. – Барин на месте?

Хотя вопрос лишний. Точно. Вон же ее бывшая машина.

- На месте, - кивнул Виталий. А потом нахмурился. – Варя, что-то случилось?

- Угу, - Варвара решительно двинулась к дверям. Огненные пружинки воинственно прыгали по плечам.

Виталий догнал ее уже у входа, открыл дверь, придержал за локоть, поворачивая к себе. Игры в церемонии кончилась.

- Варя... Что случилось?

- Случилось... что-то, - ее усмешка вышла кривой.

- Что он опять натворил?! Помощь нужна?

- Сама справлюсь, - Варвара легко тронула Виталия за плечо. – Спасибо за заботу.

- Варя, ты имей в виду: если что – мы рядом! Только свисти! Мы тебе спину прикроем.

- Хорошо, - с улыбкой кивнула Варя и вошла внутрь. Помахала рукой на воздушный поцелуй Леша, который варил кофе и развлекал какую-то блондинку, пристроившуюся на барном табурете – блондинку совсем не силиконового, а очень даже бизнесвуменовского вида. Варя шла через зал к служебной двери, не торопясь. Собираясь с мыслями. А они, как назло, разбегались.

Состояние панической растерянности не отпускало с самого утра. С того самого момента, как Варю после чайного перерыва с бубликами чуть не стошнило прямо в кабинете. Едва успела добежать до туалета. Спазмы были просто жуткие – такое ощущение, что желудок вывернулся и выдал из себя все свое содержимое, и там теперь стерильно.

В кабинет Варя возвращалась медленно и по стеночке. Слабость накатывала, прибывала к земле. И бублики вроде бы только вчера покупала, ну как же так? Надо посмотреть срок годности на упаковке. А в кабинете Зоя Анатольевна подхватила под белы ручки, усадила на кушетку и спросила участливо:

- Какой срок, Варвара Глебовна? Ох, меня, помню, аж до пяти месяцев точно так же полоскало...

Хорошо, что Варя уже сидела. Иначе на ногах бы точно не устояла.

Впору смеяться над собой. На бублики несвежие грешила. Да. Конечно. А отравились мы овсяным печеньем. Если в течение нескольких недель жить регулярной половой жизнью, не предохраняясь, утренняя тошнота должна в первую очередь навести на другие мысли. Отличные от бубликов и их срока годности.

По дороге домой заехала в две аптеки. Купила три теста от разных производителей. А потом долго сидела на краешке сиденья унитаза, глядя на тесты, разложенные на полу. Охренеть, какое богатство. Целых шесть полосок. Все тесты, как один, показали идентичный результат. Беременность.

Варя поджала пальцы ног в попытке избавиться от холода кафеля, обхватила себя руками. Она этого хотела? Хотела. Должна радоваться? Должна. Вместо этого паника.

Попыталась включить хоть какую-то логику. Пошуршала инструкциями к тестам и извилинами. Проинспектировала память. Господи, у нее же задержка уже две недели, а Варя ни сном, ни духом. Не вспомнила. Водоворот по имени «Тихон Тихий» так ее закрутил, настолько влез в жизнь и все поменял, что Варя забыла о таких важных вещах как собственный менструальный цикл! Она нервно усмехнулась. При выявленных провалах в памяти удивительно, что еще так быстро сообразила. А не когда ребенок уже шевелиться начал. Ребенок... Ребенок... Ей показалось – что-то затикало внутри. Словно запустился часовой механизм. А Варя поняла, что дико замерзла. Ей срочно нужна ее персональная двухметровая грелка. И вообще...

Это он. Это он все это затеял! Он во всем виноват!

Она резко толкнула дверь его кабинета и решительно шагнула внутрь. Хозяин ресторана сидел, уткнувшись носом в монитор. Без Ракеты рядом – и на том спасибо. Обернулся на звук и тут же откинулся в кресле. Улыбнулся.

- Привет. Почему не позвонила, что приедешь? А я уже почти закончил дела и собирался домой.

Она смотрела на него молча.

- Что-то случилось? – улыбка сползла с лица. – Варя, что случилось?

- Случилось? – она уперла руки в бедра. – Да, именно, случилось! Что, довыпендривался, Тихон Аристархович? Допрыгался?! – тут Варя поперхнулась двусмысленностью фразы, понятной сейчас только ей. И замолчала. Ей казалось, что она сейчас задохнется. Или лопнет.

- Варя... - он заговорил негромко и стал медленно вставать. – Что случилось? Говори толком!

- Я беременна! – закричала Варя. – Доволен?! Ты меня обрюхатил! Господи... - ее руки опустились и безвольно повисли вдоль тела. – Мы не женаты еще. Мы даже заявление в ЗАГС не подали. А я уже беременна! Ты чертов сперматозавр, Тихий! Я залетела от тебя в самую первую ночь!

Замолчала. Переводила дух. И смотрела, как он идет к ней. Словно подкрадывающийся хищник. Медленно, но неотвратно. А потом в решающей броске прижал, развернул спиной к себе, присев на стол. Положил обе свои огромные лапы на ее живот, уткнулся губами куда-то в основание шеи. И выдохнул, раздвигая дыханием волосы.

- Дааа, Варенька, дааа... Теперь ты точно от меня никуда не денешься.

Она всхлипнула. Горячие руки на животе успокаивали. А слова немного... пугали.

- Нельзя так, Тиша. Для тебя ребенок – только средства удержать меня? Да я и так никуда не денусь, правда. А ребенок... он сам по себе будет. Совсем новый человек. Не ты, не я. И его надо любить и желать его рождения не потому, что ты надеешься привязать сильнее к себе его мать. А потому что... потому что... - у нее перехватило дыхание и не находилось нужных слов. Чтоб все понятно объяснить.

- А я буду его любить, - донеслось негромко из-за спины. – Еще как буду. Я его уже люблю. Я это знаю. А ты увидишь. Потом. Когда он родится. Ты мне только роди.

- А я перезвоню, - всхлипнула пополам со смешком Варя.

- Чего?!

- Одноштишье есть такое. Ты мне роди, а я перезвоню. Владимир Вишневский.

- Ааа... Ясно. Я перезвоню, точно. Ты мне, главное, роди.

Снова раздался смешок пополам со всхлипом. Он снова развернул ее – лицом к себе.

- Ты не рада, Варюша?

- Я... - со вздохом. – Наверное, просто охренела.

- Я тоже, - он прижал ее голову к своему плечу. – Я тоже, малыш.

Они стояли обнявшись какое-то время. Дыхание успокоилось. Варя тоже. Мысли улеглись. Кроме одной, довольно странной.

- Слушай, - поерзала в его руках. – А нам же теперь венчаться нельзя, да?

- Чего это?

- Ну как же... Что я за невеста, если буду... в положении. Это же значит, что мы с тобой... до свадьбы... то есть, до венчания... - замолчала неловко.

- Надо полагать, тот факт, что ты бы венчалась, не будучи невинной девушкой, тебя не смущал? – весело хмыкнул Тин.

- Меня вообще все смущает! Все, что касается венчания...

- Не бойсь. Сейчас у эксперта уточним, - Тихон повернулся и сцапал со стола телефон. Одной рукой он по-прежнему обнимал ее, другую поднес к уху. – Аристарх Петрович, приветствую. Как ваше здоровье, как давление? - рассмеялся легко. – Ладно, я понял! Ты сидишь, стоишь? А, в трамвайчике. Слушай, я матери машину подарю – может, хоть она согласится? Все-все, не ворчи, уж и пошутить нельзя. Там места в трамвайчике есть свободные, чтобы ты сел? Не хочешь? Ладно, мое дело предупредить. Держись тогда крепче. Держишься? Ну, все тогда, слушай. Варвара Глебовна в положении!

И Варе тут же прижали к уху телефон, и она смущенно слушала взволнованный бас Аристарха Петровича, его немного сбивчивые, но радостные слова. А потом Тин вернул телефон в исходное положение.

- Спасибо, папа, мы тоже очень рады. У Варюши тут технический вопрос возник. Будешь ли ты нас венчать, если мы уже согрешили? Не, - Тин хохотнул, - я тоже считаю, что это не грех, а радость, но Варя... Погоди, вот для нее это еще раз повтори!

Снова Варе поднесли к уху трубку, и она с улыбкой выслушивала, как ей мягко пеняет на неразумность будущий свекор.

- Вот такие дела, Аристарх Петрович, - Тин снова вернул себе телефон. Доверяю тебе сообщить новость матушке. Не, она еще не знает. Ты первый, кто узнал. Ну, в смысле, второй. То есть, третий. После Вари и меня. Да? Ну, попробуй, удиви меня. Я-то? Сижу. Варя рядом. Вещай.

А потом была пауза. А потом Варя оглохла от его вопля практически в ухо.

- Да ты что?! Серьезно?! ААА!!! – а потом, уже не в трубку, а Варе: - Нинка беременна, представляешь?!

Ей казалось, что если бы он не прижимал ее к себе одной рукой, то сейчас запрыгал бы от радости. Тихон чуть ли не вибрировал от переполнявших его эмоций.

- Ну, Аристарх Петрович, поперла вам пруха... Ладно, извини, - коротко хохотнул. - В общем, фортуна повернулась к вам лицом, Аристарх Петрович, с чем я вас и поздравляю. Сразу два внука. Ага, или внучки. Или внук и внучка. Да я понимаю, что ты всему рад будешь. Ага? Ну ладно, все понял. До встречи, пап.

Варя чуть отодвинулась и посмотрела ему в лицо. Увидела его глаза. Сейчас они шальные и счастливые.

- Представляешь? - с его лица не сходила дурная блаженная улыбка. – Нинка тоже беременна! Я за них с Тохой даже больше рад, чем за нас. То есть, нет, конечно, за себя больше, но... - махнул рукой. – Они так долго хотели ребенка, и именно сейчас, представляешь?

Наверное, по логике вещей, Варю должна была покоробить такая его реакция на новость о беременности сестры – реакция внешне гораздо более бурная, чем на Варины слова на ту же тему. Да и его реплика о том, что за сестру он чуть ли не больше рад, чем за себя, могла бы задеть. Но вышло наоборот. Все казалось ужасно правильным. И эти его громкие вопли радости по поводу Нины – они словно подтверждали, что и своего ребенка Тихон ждет и любит. Просто это переживание глубже и интимнее, чтобы его вот так же напоказ демонстрировать.

- Слушай... Я позвоню Нинке, ладно? Сейчас лопну от... не знаю от чего, но лопну, если ей не позвоню! Сразу и свой ребенок, и племянник... Точно лопну!

- Звони, - Варя снова устроилась в родном и привычном кольце рук. – И мне трубку дай – хочу поздравить.

А он уже набирал номер.

- Нинок? Угадай, что мне сказал отец? ДААА! Поздравляю! Но! Я к тебе по делу. Мы с Варварой Глебовной вызываем вас с Тохой на соревнование. Главный приз – матушкино одеяло. То самое, которое для первого внука. Кто первый успеет, тому и одеяло достанется. ДА! Представь, мы тоже! Варя, - отодвинул телефон от уха. – У нас какой срок?

Варя усмехнулась и потянулась к трубке.

- Ниночка, прими мои поздравления! Очень рада за тебя и Антона!

- Не переводи разговор, на кону одеяло! – перехватил управление телефоном Тин. – Какой у нас срок?

- Примерно пять недель.

- У нас пять недель, слышала? – это уже было в трубку. – А у вас? Тоже? Ага, а кто – мальчик, девочка? - прижал телефон к плечу и заговорщицким шепотом спросил у Вари: - А у нас кто будет, Варешка?

- Балда ты, - усмехнулась она и легко щелкнула его по носу. – На таком сроке этого никто не знает.

- Ага. Мне уже и Нинка слово в слово то же самое сказала, - а потом снова в трубку. - Ну и ладно! Все равно соревнование за одеяло объявляется открытым! Все, целую будущую мать в щеки крепко-крепко. До встречи, Тохе привет.

А потом он Варю обнял крепко-крепко и стал медленно раскачиваться вместе с ней. И шепнул на ухо.

- Ну, все, родная, что хочешь, то и делай, но одеяло мы должны отхватить!

Валентина Васильевна Лушина, заслуженный работник культуры, обладательница двух почетных грамот Министерства юстиции и заведующая ЗАГСом на протяжении двадцати пяти лет, с сильным неодобрением разглядывала явившуюся для сочетания браком пару и их гостей. За четверть века безупречной службы Валентина Васильевна повидала всяческие церемонии, разнообразных новобрачных, причудливых гостей. Но нынешняя свадьба переплюнула все.

Во-первых, невеста была в положении. В заметном таком положении. Дело житейское, в общем-то. Если бы невеста так не выпячивала это самое интересное положение. Во времена молодости Валентины Васильевны девушки стыдились и всячески пытались маскировать беременность. Эта же несла ее с гордостью, будто достижение какое. Аккуратный круглый животик плотно облегал платье. Красивое, кто б спорил. Но не для невесты же – да притом беременной! – темно-вишневого цвета эластичное кружево на непрозрачном белом чехле!

Во-вторых, невеста была рыжая. Правда – тут Валентина Васильевна была вынуждена признать очевидное – прическа из затейливо заплетенных и красиво уложенных кос невесте необыкновенно шла, и как-то даже примиряла с совсем не невестиным платьем и лаковыми шпильками. Но жених-то... Господи, каков был жених!

Под два метра, наверное. Никакого тебе костюма приличного – ни пиджака, ни галстука, ни бутоньерки. Брюки черные классические – и на том спасибо. Рубаха белая, но навывпуск, и две верхние пуговицы не застегнуты. Подумайте только! Не мог в штаны заправить и застегнуть, как положено! Но больше всего Лушину беспокоило лицо жениха. Точнее, насмешливые глаза. Внимательные, насмешливые и немного снисходительные. Такого выражения лица у мужчины в ЗАГСе быть не должно - в этом Валентина Васильевна была убеждена твердо. Но ни голос, ни рука ее не дрогнули – не напрасно были ей в свое время вручены две грамоты Министерства юстиции и звание «почетный работник культуры».

Церемония шла своим чередом, исключая мелкие эксцессы.

- Перед началом регистрации прошу вас ещё раз подтвердить, является ли ваше решение стать супругами, создать семью искренним, взаимным и свободным. Прошу ответить Вас, невеста.

Рыжеволосая беременная невеста трет переносицу, изображая сильнейшее раздумье. Жених с видом ангельского терпения подкатывает глаза под лоб, а потом, наклонившись к невесте, шепчет ей басовитым шепотом: «В твоём деликатном положении, радость моя, я бы слишком долго не раздумывал».

Невесту это не слишком смущает, и после долгой паузы она отвечает: «Да». Жених на аналогичный вопрос кивает головой: «Ну ясен день, согласен». Стиснув зубы, Валентина Васильевна принимает не соответствующий протоколу ответ. Подобной несвойственной ей уступчивости способствуют конверт с купюрами и бутылка отличного игристого, презентованные свидетелем, стоящим рядом с женихом с самым благонаравным видом, – расторопным молодым человеком по имени Ростислав.

- Подойдите к столу регистрации и своими подписями скрепите ваш семейный союз. Жених, прошу вас.

Вместо того чтобы сразу подписать документ, двухметровый оборачивается к свидетелю и громко спрашивает: «Слава, ты договор внимательно прочел? Точно можно подписывать?» Свидетель лицом и телом изображает утвердительную пантомиму.

- В полном соответствии с Семейным Кодексом Российской Федерации...

В этот момент жених не нашел ничего лучше, чем повернуться к свидетелю и спросить: «А у нее точно есть такие полномочия? Ты сертификат видел?» Лушина скрипнула зубами, но продолжила. Она профессионал!

- Согласно составленной актовой записи о заключении брака, скреплённой вашими подписями, ваш брак регистрируется. Объявляю вас мужем и женой. Ваш брак законный. Поздравьте друг друга. Жених, можете поцеловать невесту.

- Серьезно? Уже можно?! Ну наконец-то!

Жених, целуя, подхватывает невесту на руки. Под хохот гостей разворачивается и собирается покинуть зал для регистрации. В этот момент терпение заслуженного работника культуры и обладательницы двух почетных грамот лопаются. Она топает ногой, а голос срывается на ультразвук:

- КУДА?! А свидетельство?! А паспорта?! Что за цирк вы устроили?!

Не оборачиваясь, жених, а, точнее, уже новоявленный муж кивает свидетелю:

- Рося, разберись там. Если где надо, распишись за меня, ты же умеешь.

После чего эта невозможная пара все-таки покидает зал для торжественной регистрации. Гости принимаются поздравлять друг друга. Ростислав что-то проникновенно шепчет на ухо заслуженному работнику, придерживая даму за округлый локоть и обмахивая ее свидетельством о заключении брака между Варварой Самойловой и Тихоном Тихим.

И, в конце концов, все остаются довольны.

- Вот что ты натворил? – они стояли вдвоем в ярком морозном январе, щурясь на солнце. Одна чисто белая вещь у невесты все-таки имелась – расклешенная норковая шубка, белоснежная, заботливо накинутая на плечи законным супругом. Но Варя не чувствовала холода. Счастья внутри грело похлеще печки. И он рядом. Муж. Законный супруг. И тоже не ощущал холода в тонкой рубашке из хлопка на голое тело. Потому что рядом она – его законная рыжая ведьма.

- А что я натворил? Нас же объявили мужем и женой. Все. Дальше неинтересно.

- Тихий, ты сорвал церемонию, - она засмеялась. – Ты вообще не умеешь себя вести на свадьбах!

- Еще как умею. Главное – результат. Хотя... Тихая, я, если честно, до сих пор не верю, что наконец-то дотащил тебя до ЗАГСа, несмотря на все твои капризы.

- Капризы? – она поправила воротник шубки. – Не было никаких капризов.

Капризов и в самом деле не было. Сначала мучил сильный токсикоз, да такой интенсивности, что Варя пришлось взять больничный лист, потому что реально не могла в первой половине дня ничего делать – валили с ног жуткие тошнота и слабость. И почти два месяца такой котовасии. Как только прошел токсикоз, возникла угроза прерывания. Не то, чтобы серьезная – немного болел живот и появились слабые выделения. Черт Варю дернул сказать об этом Тихону.

На следующий день она уже лежала в /больнице на сохранении. Потом, когда она выписалась, начался рождественский пост – венчаться нельзя. Да и Варя после приключений с токсикозом и прочим не могла на себя в зеркало смотреть. Она осунулась на лицо и вообще, на собственный взгляд, выглядела ужасно – куда с таким лицом замуж? Надо хотя бы немного в себя прийти. Для Вари непростое течение беременности стало неприятным сюрпризом и тяжелым испытанием. Она грешила на перенесенный трихомониаз и с легкой завистью вспоминала, как всю беременность проскакала козой Любава. Варе до такого было далеко. Ей хотя бы время суметь выбрать для бракосочетания: чтобы не тошнило, ничего не болело и не отекало, и она выглядела прилично. Подходящий момент нашелся только к шестому месяцу беременности. Когда, словно по мановению волшебной палочки, у нее прекратились проблемы со здоровьем, принесенные беременностью. Когда все, наконец-то, сложилось. И они с Тихоном поженились.

- И вообще, ты же знаешь, - он плотнее запахнул на ней шубку, попытался застегнуть нижний крючок, но помешал живот: – я, когда нервничаю, всегда веду себя как идиот.

- А ты нервничаешь?

- А то!

- Ну ты нахал... - покачала головой Варя. – Вообще, это невесте положено нервничать! Особенно в моем положении. Если у кого и было право устраивать цирк из церемонии бракосочетания, то это я, а не ты!

- Я думал, тетку в шторе хватит удар, - ухмыльнулся Тихон.

- Какая еще тетка в шторе?!

- Ну, которая объявила нас мужем и женой. По-моему, она была завернута в штору. Не?

Варя вспомнила темно-зеленое бархатное платье регистраторши и засмеялась.

- Колоритная дама. Слава на нее явно запал.

- Думаю, у него нет шансов.

- Слушай, у меня гениальная идея! Давай разведемся, а? И поженимся еще раз! Дадим Славе второй шанс. Заодно во время второго раза цирк смогу устроить я – для ровного счета. Например, начать рожать прямо во время регистрации. Здорово придумала?

- Отличная попытка, Тихая. Но шиш тебе, а не развод. Ты вляпалась в меня всерьез и на всю жизнь.

Варя снова засмеялась. Даже предположить не могла, что после стольких испытаний последних месяцев будет так смеяться на собственной свадьбе.

- Наконец-то! – прокомментировал ее муж появление из дверей ЗАГСа друзей и родных. – Ну что, Варвара Глебовна, поехали в кремль?

- Поехали, - она вложила свою руку в его ладонь. – И познакомь уже меня с князем Дмитрием Донским.

Венчание, состоявшееся на следующий день, прошло тихо и скромно. На нем присутствовали только члены семьи.

Эпилог. На сцену выходит какой-то мужик в простыне. Это не главный герой! Просто именно так в древнегреческих комедиях и трагедиях выглядел Эпилог.

Из авторской суфлерской будки, задумчиво: «Не, я понимаю, конечно, что у нас тут не Древняя Греция – климат и времена не те. И мужику в простыне явно холодно и даже неловко – мне отсюда это хорошо видно. Но Эпилог есть Эпилог. Куда же без него».

Ежась на холодном ноябрьском ветру, Варвара в последний раз помахала рукой отъезжающей машине. И нажала на кнопку на пульте. Ворота медленно поехали вниз, закрывая дом и участок от темноты и холода ноябрьской почти ночи. Варвара обернулась к дому. Свет горел только на первом этаже. И едва теплилось одно окно на втором.

В прихожей повесила на крючок куртку мужа – именно в ней она выходила проводить припозднившихся гостей, прибывших на день рождения Марфуши Тихой. Целых полгода барышне сегодня стукнуло. Юбилей. Варя подняла голову в сторону верхней части лестницы. Около часа назад именинница была покормлена, а потом ее забрал у матери отец. Сказав: «Иди, посиди с гостями, я сам Марфу спать уложу». И с тех пор Тина не было видно. Варя щелкнула выключателем, гася свет в прихожей, в которой, как и по всему дому, были еще видны следы недавнего переезда, и двинулась вверх по лестнице.

Дверь в детскую отворилась бесшумно. Именно здесь горела единственная на втором этаже лампа – светло-голубой шар ночника. В его свете Вариным глазам предстала умильная картина.

Отец и дочь спали. Тихон устроился в большом, добротном, сделанном на заказ кресле-качалке крепко, склонив голову на шитую Серафимой Андреевной пионовыми бутонами подушку. Одна его большая ладонь лежала на спине Марфуши, которая розовой звездой распласталась по сине-бежевой клетке отцовской рубашки. Второй придерживал крохотную пяточку – безо всякого практического смысла, просто на всякий случай. Марфа спала, кажется, еще крепче отца, безмятежно устроившись подушкой пухлой щеки аккуратно на пуговице. Но правый ее кулачок надежно сжимал мягкий хлопок кармана.

Варя смотрела на спящих мужа и дочь. И перед ее глазами прошел словно в режиме обратной перемотки последний год ее жизни. Или чуть больше.

Трудная беременность. Ранний и сильный токсикоз. Угроза прерывания. Потом еще поздний токсикоз. УЗИ в тридцать две недели показало тазовое предлежание. Уже хотелось выть от всех трудностей. Теперь еще и перспектива кесарева сечения нарисовалась во всей красе. Варвара, положив руки на живот, шепотом уговаривала дочь перевернуться. Но будущая Марфа Тихоновна как ни в чем не бывало сидела у мамы в животе в позе Будды, на попе, и не думала переворачиваться. Тогда к делу подключился отец

Две недели Тин о чем-то шушукался с Вариным животом. На саму же Варю накатила какая-то странная апатия. Которая мгновенно слетела в тот момент, когда дочь решила прислушаться к отцовским увещаниям. Варваре показалось, что дыхание у нее не восстановится – настолько сбилось в тот момент, когда ее маленькая «Будда» решила, что выходить будет как положено –

головой вперед. Потом, когда дыхание все-таки восстановилось, Варя решила, что наконец-то все ее проблемы кончились. Не тут-то было.

Видимо, в процессе переворачивания на позднем сроке ребенок намотал пуповину. Не на шею – на руку. Но роды все равно были трудными. Только мастерство и опыт акушерской бригады, которые были существенно подкреплены денежно, и то, что Варя сама прекрасно понимала, что происходит, и не потеряла присутствия духа, позволили вытянуть семь баллов по шкале Апгар. Но все равно – гипоксия, аспирация околоплодными водами. И все-таки пневмония. И все-таки реанимация новорожденных.

Варя принадлежала к врачебной династии. Она сама хирург. Видела всякое. Читала многое. И все-таки, когда увидела свою дочку с иглой в макушке, не справилась. И ведь знала же, что у новорожденных проще всего попасть в вены именно на голове, и это нормально, и ничего страшного, так удобнее. Но все равно не выдержала. Разрыдалась.

А вот Тихон выдержал. Он не дрогнул, когда увидел кроху-дочь с иглой капельницы в голове. Варя понятия не имела, как он умудрился просочиться в реанимацию. В некоторые моменты Тихона Тихого ничто не могло остановить. Его знали все медсестры и врачи отделения. Ему звонили и отчитывались – Варя сама слышала. «Ваша маленькая принцесса сегодня просто молодцом, Тихон Аристархович. А вот мамочка плакала. Но вы не переживайте, мамочки поначалу часто плачут».

Он не дрогнул. Ни лицом, ни рукой, ни голосом. Стеной встал. И повторял только. «Все. Будет. Хорошо. Вот увидишь – все будет хорошо».

«Хорошо» случилось. Но далеко не сразу. Непросто было и когда их с Марфой наконец выписали домой. И неврология вследствие серьезной внутриутробной гипоксии, и проблемы с животом из-за антибиотиков. Варин мир сузился до размеров одного единственного существа – дочери. Все было подчинено ей.

А Тин все время был рядом. Вышагивал с капризничавшей Марфой по спальне, когда она маялась животом, а Варя уже падала от усталости. Договаривался об осмотре с врачами, рекомендованными Глебом Николаевичем, привозил массажистку, строил дом, работал, решал вопросы по найму домработницы. Между прочим, врачи, которые их консультировали, равно как и словоохотливая и очень опытная специалистка по массажу, работавшая с Марфой, все как один принимали Тихона за врача – так легко тот оперировал всякими медицинскими терминами. На что Тин иногда отшучивался: «Я не гинеколог, но посмотреть могу».

Количество сложностей понемногу снижалось. Марфа подрастала. И - так уж устроены маленькие дети - при своевременно принятых мерах многие проблемы со здоровьем растворяются без следа. К пяти месяцам Марфа Тихоновна Тихая подошла здоровым жизнерадостным ребенком, с полностью соответствующим своему возрасту развитием. Но Варю все никак не отпускало состояние тревожной усталости.

А вот уже и полгода. В виде исключения без каких-либо капризов Марфа преподнесла родителям на свои шесть месяцев удивительный подарок. Варя просто глазам своим не поверила, когда сегодня утром дочь ей лучезарно улыбнулась, сверкнув парой аккуратных жемчужных зубиков.

А вечером были гости, вся семья. И все большое семейство Тихих, и Нина с Антоном и малюткой Машенькой, которая будет праздновать свои полгода через неделю после старшей кузины. И родители, и Колька с женой и дочерью, который подарил-таки племяннице барабан, и все, разумеется, дружно хохотали. И поздравляли их с днем рождения дочери: полгода – важная дата! И с новосельем, хотя дома еще кучу всего делать и делать. Но сидя за столом среди большой семьи, в роли хозяйки собственного дома, Варя вдруг поняла – отпустило. Разорвался круг проблем. Они выстояли. И все стало хорошо. Как он и обещал.

Варя наклонилась и легко коснулась плеча мужа кончиками пальцев.

Сначала шевельнулась рука, прижимая крепче дочь к груди – чтобы убедиться, что самое дорогое тут, у сердца. И только потом дрогнули ресницы, и он открыл глаза. Моргнул несколько раз растерянно.

- Ой... - спросонья голос его звучал еще ниже обычного. – Заснул, что ли? А мы это... качались-качались...

- И укачались, - улыбнулась Варя. – Я так и поняла.

- Что так тихо? – сообразил Тин. – Посмотрел на часы на стене. – Ооох...

- Да, гости все разъехались.

- Блин... - он вздохнул, потерся щекой о макушку дочери. – Неудобно получилось.

- Да ладно, все нормально, - Варя протянула мужу руку. – Давай, помогу встать.

- Перестань, - негромко фыркнул он. – Поможешь, ага. Я тебя в два раза тяжелее. Отойди лучше. Мы сами встанем.

Прижав перекладину кресла ногой к полу, он аккуратно встал, прижимая теперь к себе Марфу двумя руками. Судя по тому, как безвольно свисали ручки и ножки, облаченные в розовый комбинезончик, укачалась Марфа в компании папеньки качественно.

Тихон бережно переложил дочь в кроватку, укрыл пестрым лоскутным одеялом. И остался стоять около кроватки, положив обе руки на ее бортик.

Варя встала рядом, посмотрела искоса ни лицо мужа. На обосновавшуюся между русских бровей косую морщинку. На постоянно в последнее время упрямо поджатые губы. И вспомнила вдруг, как давно они не были близки. Очень давно. Последние месяцы беременности было не до того. После родов тоже. Как-то, когда Марфуше было около трех месяцев, попробовали. Но мысли у Вари были все равно с дочерью, и сама себе она казалась жутко непривлекательной, и тело реагировало как-то иначе. И в самый неподходящий момент проснулась Марфа. Больше попыток не предпринимали. Да и без того хлопот была куча: маленький ребенок, переезд, новый дом. А вот теперь...

Она положила руки рядом, на бортик кроватки. Двинула мизинцем и коснулась им его мизинца.

- Трудно было, Тиша? – спросила шепотом.

Это был вопрос на собственные мысли, а не на то, о чем они беспечно болтали до этого. Но Варя была уверена, что Тихон поймет.

Он молчал какое-то время, глядел, наклонив голову, на спящую дочь. На круглой румяной щеке у Марфы отчетливо отпечатался маленький круг - след от пуговицы. Его Тин и рассматривал, будто что-то важное. Наконец упрямо поджатые губы дрогнули.

- Трудно было без тебя, Варя. А это так... решаемо.

Она едва слышно выдохнула и шагнула ему за спину. Прижалась щекой между лопаток, обняла, засунула ладонь в ворот рубашки. Теплый и родной. Ее Тишка.

Он понимал ее. Слишком хорошо знал и понимал. И все ее слова, и жесты, и все-все – даже то, как она чай пьет – все понимал. Что и зачем. И сейчас ее прижавшееся тело говорило ему яснее ясного о том, что Варя хочет. И то, как прижалась, и как легла ее ладонь ему на грудь, и как грело дыхание между лопаток. Но сейчас почему-то не мог поверить этому откровенному языку тела. Слишком долго ждал, наверное.

В последнее время выть хотелось. Именно сейчас, когда все самое трудное осталось позади. Теперь, когда у них есть здоровый жизнерадостный ребенок, собственный дом и вообще все, чего можно только пожелать, ему хотелось выть. Один из трех ресторанов отдал бы, чтобы вернуть ту его Варешку. Хотя бы на час. Чтобы один час она была его и только его. Чтобы любила и видела только его.

Нет, он не ревновал жену к дочери. Марфута - его свет и солнце, и он ее обожает. И готов горы сметать и мир наизнанку выворачивать ради ее благополучия и здоровья. Ведь ситуация выправилась. Уже пару месяцев как. Неужели и ему теперь нельзя хотя бы немного любви и ласки? Он понимал, что Варе пришлось стократ труднее, чем ему. Ощущал это просто интуитивно – что матери всегда в такой ситуации труднее, чем отцу. Но сейчас-то все уже хорошо. А ему - хоть волком вой.

- Тиша... - она потерлась щекой о его спину. – Пригласи меня в ресторан, а?

Вот тут он чуть и в самом деле не завыл. Нет, все-таки показалось, и не так он все понял. Грудь под ее ладонью мерно поднялась и опала.

- В ресторан? Давай. Я тут один неплохой ресторан знаю. Кормят вроде бы сносно. Кухня русская, антураж соответствующий.

- Да? И как он называется? – поддержала его игру Варя.

- «Тинъ». У меня даже пара флаеров туда есть, - не поверил себе, что еще умудряется шутить.

- Флаеры... - хихикнула она за его спиной. – Это здорово. Надо воспользоваться. Завтра сходим?

- Хорошо, - согласился он, всей душой веря, что голос звучит ровно и не выдает разочарования.

- Тиинш... - она еще потерлась о его спину щекой, и еще плотнее прижалась, так что он остро почувствовал ее всю – и грудь, вжавшуюся ему ниже лопаток, и живот с бедрами - к его

ягодицам. И руку просунула еще дальше в ворот рубашки, взъерошила пальцами короткие волоски. – Тишенька, до завтра так далеко... Может, ты угостишь меня сегодня... чем-нибудь домашним?

Он резко вывернулся из ее рук. Не стал заглядывать в глаза, проверять – показалось, нет? Все к черту! И жадно поцеловал в губы.

А она ответила.

Оторвал их друг от друга какой-то звук. Они оба с виноватым видом одновременно метнули взгляды в стороны кровати. Марфа Тихоновна безмятежно спала, никак не реагируя на безобразие, которым в метре от нее занимались родители.

Они одновременно сообразили, что звук издали сами. Он. Или она. Или оба. Кто-то стонал. Потеряв голову от наслаждения.

- Все, блин! – негромко рыкнул Тин, подхватывая жену на руки. – Пошли супружеский долг отдавать, Варвара Глебовна!

Она не ответила, только обняла его за шею крепче. Слова были уже излишни.

В ту ночь Марфа Тихоновна решила, что она уже достаточно большая девочка и может проспать до семи утра без перекусов. Да и куча гостей накануне утомили девчущку.

А вот родители ее в ту ночь так и не спали толком. Наперегонки, жадно, взахлеб. Боясь хоть на секунду отпустить, недодать, недосказать. Не расплетая объятий, не отпуская рук, не отрывая взглядов, не размыкая губ. Возвращаясь друг к другу, наверстывая упущенное, стараясь полной мерой и чашей любить.

Уснули только под утро, вжавшись друг в друга и надежно переплетаясь. Уснули так сладко и крепко, что Марфуше пришлось продемонстрировать весь свой богатый вокальный диапазон, прежде чем утомленные любовью и лаской родители соизволили открыть глаза. Первой подскочила Варя, чуть не свалившись с кровати. В панике стала искать вещи, первыми ей попались трусы Тина, дальше его же рубашка. Ее накинула на себя и бегом помчалась к надрывающемуся криком ребенку.

Когда в детскую вошел Тин, в кресле-качалке в окружении пионовых бутонов на его вчерашнем месте сидела Варя с Марфушкой на руках. Дочь с завидным аппетитом кушала, иногда что-то ворча – видимо, сетовала, что завтрак подали с опозданием. Но, как и вчера, надежно сжимала в кулачке мягкий хлопок кармана.

Варя смущенно взглянула на мужа из-под россыпи растрепанных рыжих локонов. Она старательно отживала его от присутствия при кормлении грудью - стеснялась почему-то. Но сегодня – и, наверное, теперь и дальше – не уйдет. Тихон встал за ее спиной. Марфа на секунду оторвалась от завтрака и что-то приветственно гулькнула родному человеку номер два.

- Привет, хомячок, - улыбнулся Тин дочери. – Ты кушай, кушай, не отвлекайся. Я пока маму твою заплету.

Он принялся разбирать золотые пряди и потом наклонился к Вариному уху.

- И чего это мы такие растрепанные, а, Варвара Глебовна? Кто это нас так... - слегка прикусил за кончик уха. – Растрепал?

- Перестань! – поежилась от его прикосновений. Строго сказать не получилось, и Варя рассмеялась. - Тиша, сделай мне чаю, пожалуйста.

- Хорошо, - он наспех доплел косу и направился к двери в детскую. – Тебе как обычно, с молоком?

- Да. И штаны надень – нечего перед дочерью в одних трусах шастать!

- Она еще маленькая!

- Не заметишь, как вырастет! Так что не заводи такой привычки даже.

- Хорошо, сейчас надену, - он обернулся уже в дверях. Оглядел ее. На скорую руку убранные в косу волосы. Припухшие губы. Засос на шее. В его рубашке на голое тело. Кормит грудью его ребенка. Его женщина. Жена. Его Варя.

Она вдруг покраснела под его взглядом – так обильно и быстро, как краснеть умеют только рыжеволосые люди.

- Тиша! Иди уже за чаем! И оденься!

А когда он вышел, подумала, что есть что-то приятное и правильное в том, чтобы смущаться под взглядом любимого мужчины. Несмотря на все, что было между ними ночью. А, может, благодаря этому.

Он вернулся в штанах и с двумя кружками, устроился на разобранном диване, поставив Варин чай на столик остывать. Варя лишь вздернула бровь на то, что футболку он так и не соизволил надеть. А неудивительно. Сколько она нежностей ему сегодня ночью наговорила, в скольком призналась. И он этим непременно воспользуется. Да какая теперь разница. И будто не знал он раньше, как ей нравится его голый торс. Варя еще раз посмотрела на него, вальяжно устроившегося на диване с кружкой - что он там себе с утра сделал: чай, кофе, какао? Сонный, лохматый, в одних спортивных штанах и с невероятно довольным выражением лица.

А он словно угадал ее мысли. Подмигнул. И, взяв со стола, протянул ей кружку с остывшим чаем. И совершенно точно заметил восхищенный взгляд, которым она прошла по его плечам. Теперь однозначно будет ходить пару месяцев по любому поводу без рубашки или футболки дома!

Марфа Тихоновна проявила мудрость пожившего на белом свете целых полгода человека. То есть решила: «Поели – можно и поспать». Но маму далеко отпускать нельзя, а то потом опять не докричишься. Поэтому Варя прилегла в детской на разобранном диване вместе с дочкой под боком. Тина было, разумеется, уже не выгнать, и он устроился тут же, обняв обеих своих красавиц одним махом. Чмокнул жену в плечо, обтянутое все той же бежево-синей рубашкой. Посетовал на то, что Варя, де, рыжая-бесстыжая, даже трусики не потрудилась надеть. Ответа не дождался, потому что обе его девочки - рыжая и русая - уже спали. И он к ним с удовольствием присоединился, прижав свое сокровище крепче. А ведь вечером они с Варей идут в ресторан. Все хорошо. Ну, правда же – лучше не бывает.

- Варвара Глебовна! - на лице Виталия расцвела широкая улыбка. – Какие люди! Наконец-то почтили нас своим присутствием!

- Никодим Иванович, приветствую, - ответно улыбнулась Варя. – Вы, как обычно, на своем посту?

- А как же иначе? – метрдотель споро освободил ее от шубки. – Вы в кабинет? Или в общий зал? Молодой человек с вами сегодня симпатичный такой – грех его в кабинете прятать.

Ей удалось ограничиться негромким смешком. Тин только бровь изогнул.

- Юноша хорош, бесспорно, - Варя поправила мужу галстук. – Но мы все-таки, пожалуй, в кабинет.

- Тогда прошу за мной.

Перед тем, как закрыть дверь отдельного кабинета, хозяин ресторана обернулся к метрдотелю. Его мимика была прочитана однозначно. *Не беспокоить ни под каким предлогом до особого распоряжения. Что бы ни случилось – НЕ БЕСПОКОИТЬ.*

Посетителей отдельного кабинета за номером три не заходили. Несмотря на то, что ресторан «ТинЪ» славился не только кухней, но качеством обслуживания – с аперитивом и принятием заказа в третий кабинет никто не спешил.

Зато там, за дверями, торопились. Жадно и нетерпеливо торопились любить.

ПослеЭпилог. На сцену для поклона выходят все. Даже те, кого раньше не было.

Перед процедурным кабинетом ранним утром собралась небольшая очередь. Очередь – потому что в виде рудиментарной памяти о не таком уж и отдаленном прошлом. А небольшая – потому что находился кабинет – в частном медицинском центре. И хотя все в обстановке центра было веселым и позитивным, ребяташки, собравшиеся перед кабинетом, нервничали. Родители же в целом – нет. За исключением одного взрослого.

На необычную пару искоса, а то и открыто, смотрели все взрослые: две молодые и симпатичные мамы, одна супружеская чета и одна бабушка с внуком младшего школьного возраста, который был полностью поглощен планшетом. Привлекавшие всеобщее внимание были в самом деле колоритны – двое, одетые в одно и то же: темно-бордовые толстовки с сиреневым мультяшным героем на груди, голубые джинсы и белые кроссовки. Имелись и отличия: один из пары – очень крупный мужчина, второй - маленькая девочка лет примерно четырех. Кроме одежды явных отца и дочь выдавали одинаковые серые глаза и русые волосы: у него коротко стрижены, у нее – заплетенные в затейливые косички. Именно эти косички, в конце концов, исчерпали терпение любопытной бабушки внука с планшетом.

- У тебя такая прическа красивая, - обратилась она к девочке. – Мама заплетала?

Пожилой женщине было скучно, а еще давал себя знать обостряющийся с возрастом интерес к жизни других людей. Любопытно же, почему это с девочкой папа, а не мама, как обычно бывает?

- Меня папа всегда заплетает! – как о чем-то самом обыкновенном бодро ответила сероглазая девчушка. – А мама у нас... Папа, где у нас мама?

Тут уже к диалогу стали прислушиваться все присутствующие. По крайней мере взрослые – точно. Папа в толстовке с Лунтиком задумчиво почесал кончик носа и не торопился с ответом.

- Вспомнила! – торжествующе провозгласила девочка. – Мама у нас в род-до-ме. У нее в животе два моих братика. И в род-до-ме доктор поможет маме их из животика достать.

- Вот оно как... - нейтрально ответила пожилая женщина. Все оказалось просто и житейски.

- А знаете, как у мамы в животике оказались мои братики? – девочка решила продолжить разговор.

- Ну и... гхм... как же?

В холле повисла тишина. Ответа ждали все – одни с любопытством, другие с легкой улыбкой.

- Их туда папа положил! – доверительным громким шепотом ответила девчушка. – Они были маленькие, и папа их туда положил маме. Чтобы они там подросли! А знаете, как он это сделал?

Мужчина - не отец девочки, а второй, из супружеской пары, не выдержал и весело хмыкнул. У затеявшей разговор и уже не раз пожалевшей об этом чьей-то бабушки достало сил только кивнуть. Отрицательно.

- Мой папа это сделал, потому что... - заговорщицки начала девочка. А завершила фразу торжествующе. – Потому что мой папа – ФОКУСНИК!

Все взрослые, кроме пожилой женщины и отца девочки, дружно рассмеялись. Женщина неуверенно кивнула. А отец девочки сидел с самым что ни на есть невинным видом, лишь угол рта выдавал веселье. Но кивнул серьезно.

- Точно, дочь. Папа у тебя – всем фокусникам фокусник.

В этот момент дверь в кабинет открылась, и из нее появился малыш лет трех в сопровождении мамы. Губки у ребенка еще подрагивали, нос розовел, а ватку, прижатую к безымянному пальцу, он нес гордо, даже стоически.

- Следующий заходите, пожалуйста, - пригласила улыбчивая медсестра.

Дочь фокусника вздохнула и печально посмотрела на закрывшуюся за бабушкой с внуком дверь. Ее папа вздохнул еще громче, и девочка тут же переключила внимание на отца. Обхватила крошечными ладошками щеки, преданно заглянула в глаза.

- Папа, ты боишься?

- Немного, Марфута, - еще раз демонстративно вздохнул он и накрыл маленькие детские ладони на собственных щеках своими – большими.

- Не бойся, папочка! – затараторила Марфа. – Это же мне будут пальчик колоть!

- Когда тебе страшно, мне тоже страшно. За тебя, Марфута.

- А я не боюсь! - девчушка старательно округлила глаза. – Там же иголка тонкая-тонкая – ты сам мне говорил. И поэтому я не боюсь! Честно-честно!

- Точно? – переспросил он недоверчиво.

- Правда-правда!

- Ну, тогда ладно, - мужчина повернул лицо и поцеловал маленькую круглую розовую ладошку. – Если ты не боишься, тогда я тоже не буду.

Спустя пять минут одинаково одетая пара уже выходила из дверей кабинета, рассуждая, как сейчас в машине будут пить сок и есть печенье – заслужили, по их общему мнению, оба.

Как раз в процессе поглощения Марфой второго завтрака Тихона Тихого застал звонок от супруги. Он кивнул дочери и вышел из машины – разговаривать при Марфе стало совершенно невозможно: она все слышала, впитывала как губка, а потом по-своему интерпретировала и выдавала в самый неподходящий момент самым неожиданным людям самые непредсказуемые версии услышанного.

- Привет, Тихий, - донеслось из трубки, едва он принял вызов.

- Привет, Тихая, – он не смог сдержать улыбку, хотя она не видит. – Как вы там?

- Мы тут по вам там очень скучаем.

- Мы тут тоже по вам там очень скучаем.

- А мы скучаем больше!

- Да ясен день! – фыркнул Тин и накинул капюшон – вдруг пошел снег. Хотя пора бы уже так-то. – Вас больше – трое. Поэтому и скучаете вы больше, чем мы – нас-то двое.

- Железная логика, - рассмеялась Варя. И поморщилась от очередного приступа ноющей боли. – Точнее, не логика, а математика. Как вы там, Тиш?

- Все нормально. Призывную комиссию в военкомате прошли. Признаны годными к военно-строевой службе.

Варя рассмеялась и тут же снова скривилась. Не к добру эта не проходящая боль, которая разбудила в три часа ночи, да так и не дала заснуть. Точнее, к неожиданным и несколько досрочным обстоятельствам. Видимо.

- Военкомат, Тихон Аристархович? По-моему, ты слегка перепутал что-то.

- Да я забываю все время это слово дурацкое!

- Так я тебе и поверила. Ничего ты не забываешь. Особенно того, что связано с Марфой.

- Ладно, убедила, - он удобнее перехватил телефон, помахал через стекло дочери в салоне машины. – В общем, докладываю, Варвара Глебовна: диспансеризацию мы прошли. Все в порядке. Единственное, что выявлено, – повышенная болтливость. Но это не лечится. Справку в детский сад обещали в конце недели отдать.

- Ну, вот видишь. Все ты помнишь. В том числе и про диспансеризацию. Это я скоро все нужные слова забуду. Из-за тебя, Тихий, я постоянно в декретном отпуске! Даже на категорию никак не могу сдать.

- Категория? - фыркнул он. – Ты скоро будешь матерью троих детей. Это самая высшая категория, какая только может быть.– А потом помолчал и спросил тише и мягче. – Ты как? Как настроение? К среде готова?

- Готова, - ответила Варя демонстративно безмятежно. – Сегодня еще «доплера» контрольно пройду, и все. Буду совсем готовая.

- Позвони мне после «доплера», - тут же потребовал он.

- Обязательно, - пообещала Варя. Прижалась затылком к стене. – Расскажи еще что-нибудь. Про себя. Или про Марфу. Скучаю по вам жутко.

Он не стал ответно рассказывать, как скучает и переживает за нее. Нет, Варю нужно развеселить.

- Дочь наша вчера хомяка окрестила.

- ЧТО?! – он умудрился заставить ее забыть о ноющей боли в пояснице. – Как?!

- В ванной, - невозмутимо ответил Тихон. – Точнее, в раковине. Она же у моих гостила два дня. Дед ей о таинстве крещения рассказывал. А ты же понимаешь, что Марфа не была бы Марфой, если бы не проверила на практике.

- Господи, - охнула пополам со смешком Варя. – Ну и как... Чем все кончилось?

- Хомяк перенес обряд стоически. Был сирийский хомяк Персиваль Джумбал Третий. А стал Раб Божий Пафнутий. Только жрет теперь еще больше, как Пафнутием стал.

Варя уже могла только всхлипывать от смеха. И прострелов в спине.

- Неужели он может есть еще больше? – наконец смогла выговорить Варвара.

- Как выяснилось, может.

Варе казалось, что она чувствует на слух – слышит – его улыбку. И только чтобы еще поговорить с ним, спросила.

- А как Аристарх Петрович... Он знает?

Несмотря на несколько лет, прожитых в браке, и прекрасные отношения со свекром, Варя все равно никак не могла привыкнуть к роду занятий отца мужа. И боялась обидеть его каким-то неловким словом или действием.

- Отнесся с пониманием. Имя одобрил – а я еще гадал, зачем Марфа меня заставила искать в Интернете, у кого сегодня именины? Но на будущее дед ей велел с ним советоваться в таких вопросах. Особенно если ей придет в голову еще и Анфису окрестить.

- Ой, да! Что-то я заперезживала теперь.

- Не дрейфь, - фыркнул Тин. – Ты же знаешь, Марфа может у Анфисы из пасти кость достать, и та ей ничего не сделает.

- Ну все равно, мало ли... Все-таки немецкая овчарка.

- Так, все, прекращай придумывать, Варвара Глебовна. Я-то на что дома? Я все контролирую. – Тут из машины по стеклу забарабанили розовым кулачком. - Слушай, тут дочь наша буянит. Поехали мы, ладно?

- Конечно, - едва слышно вздохнула Варя. – Давай, езжай, отец-одиночка.

- Ничего подобного! – рассмеялся Тихон. – Я без двух дней многодетный отец! Все, целуем тебя с Марфутой крепко в обе щеки. Мальчишками привет передавай.

Варя еще какое-то время потом смотрела на экран телефона. На котором красовалась фотография Тихона и Марфы. Резкий, до перехватившего дыхания, спазм оказался почти ожидаемым, хотя от приступа боли выступили слезы. Какой уж тут «доплер». Мальчишки решили не ждать среды и плановой операции. Все по-своему делают. В точности как отец.

Известие о том, что у них будет двойня, стала для супругов Тихих настоящим шоком. Варвара от нервов снова обозвала мужа сперматозавром. Тихон, пару дней порыскав в Интернете, заявил, что он тут не при чем – это у Варвары Глебовны две яйцеклетки созрели одновременно, а он мужчина хозяйственный – чего добру пропадать? Потом их отпустило, и они даже посмеялись над собой. Ну, двое – значит двое. Правда, ближе к концу беременности Тихон Аристархович начитался такого количества литературы о вынашивании и родах при многоплодной беременности, что Варя пригрозила отключить дома Интернет и отобрать у мужа телефон. После долгих консультаций и обсуждений все же было принято решение о кесаревом сечении.

И вот теперь осталось всего два дня. В среду все случится, и его сыновья появятся на свет. Тихон убеждал себя не волноваться. Не вспоминать о том, что они пережили с Марфой. И не думать о том, что читал на разных форумах. Все будет хорошо. Все должно быть хорошо. Но двое... А Варя такая маленькая... И... Нет. Не думать. Все будет хорошо. Он все подстраховал вкруговую. И Варя у него умница и сильная девочка. Все. Будет. Хорошо.

На вопрос о том, куда ее отвезти – к бабушке Юле или к папе на работу – последовал ожидаемый, в принципе, ответ. Сегодня Лещинскому предстоит очередное испытание нервов и терпения. Лещ твердо знал, что любая разбитая в баре бутылка будет просто списана, и его зарплата не пострадает. Но визиты Марфуши Тихой в его епархию все равно доводили бармена до нервного тика.

Однако с истинно женским непостоянством Марфа Тихоновна только послала Лещу воздушный поцелуй и проследовала с отцом в его кабинет. Там получила чашку какао, пирожок с вишней от Маргариты Сергеевны и планшет с мультиками. Со всем этим богатством Марфа и устроилась на черном кожаном диване, а у Тихона появилась возможность немного поработать. И Слава приехал кстати – есть к нему вопросы.

Тихона с Росей так затянули рабочие вопросы, что Марфин возмущенный вопль заставил обоих мужчин вздрогнуть. Сидящая на диване Марфа энергично тыкала в экран планшета пальчиком и повторяла громко: «Жулик, не воруй!». Даже кончики косичек от возмущения подрагивали.

- Слушай ребенка, Ракета, - хохотнул Тин и принялся разминать шею. – Ребенок дело говорит.

Ростислав криво усмехнулся и снова принялся шелестеть страницами устрашающего вида договора. Тихон потянулся к телефону.

- А что это мне Варвара Глебовна не звонит и не отчитывается. Не поряядок... - вслушиваясь в длинные гудки. И уже в трубку: – Варя, ты почему мне не перезвонила после «доплера»? Обещала ведь.

И тут он резко встал на ноги, тяжелое кресло откатилось назад и ударилось о стену. А Тин выдохнул тихим свистящим шепотом:

- Что значит – «рожаю»?

- То и значит, - ему в трубке отлично слышно, какое у нее тяжелое дыхание.

- Варя... - все мысли разом вылетели из головы. – А как же операция... в среду... планово...

- Концепция поменялась! – рявкнула его жена. – Все, давай, пока. Не до тебя мне сейчас. Рожу – перезвоню.

Тин ошарашено смотрела на телефон. Слава встревожено смотрел на Тихона.

- Тиныч... Что случилось?

- Варька... блин... рожает!

Несколько секунд они смотрели друг на друга. А потом Тин резко снялся с «ручника», принялся что-то переключать на столе, зачем-то сунул вместе с телефоном в карман джинсов степлер и маркер, уронил на пол кипу документов. Что словно привело его в себя.

- Так, Славян, Марфа – на тебе. Отвезешь Вариним родителям. Сейчас адрес напишу.

- А ты в роддом?

- А я в роддом.

Ростислав серьезно кивнул. И шагнул к дивану. Снял с Марфы наушники.

- Красота моя, у папки твоего дела срочные. Поедешь со мной к бабушке?

- На твоей громкой красной машине?

- На ней самой, красота моя.

- Поехали! – Марфа спустила с дивана ножки в розовых носках.

В Москве выпал первый снег. Так вовремя. Так, мать его, кстати! Волоколамка стоит. Стоит наглухо, стоит уже второй час. И он стоит в этой пробке, сходя с ума от беспокойства. Как зверь, запертый в клетке, – в салоне дорогого автомобиля, окруженной сотнями других. И никуда отсюда не выбраться.

Ему тесно и душно, хочется выйти, бросить машину, и бегом в метро, к Варе. Чтобы просто быть там, если вдруг что... Нет, никаких «вдруг». Ага, как же. Вместо плановой операции в среду он услышал сегодня ее сбитое, сдавленное «Рожу – перезвоню!». Сверлит взглядом телефон, на экране которого фоновая заставка - фото Вари и Марфы. И, словно под его взглядом, аппарат оживает звонком. Теща.

- Да, Юлия Юрьевна?

- Тихон, здравствуй. Ростислав Марфу привез, все в порядке. Мы пообедали, и я ее уложила спать.

- Хорошо. Спасибо.

Ее не обманывает его ровный тон. Больше того – он говорит Юлии Юрьевне о многом.

- Волнуешься?

- Немного.

Она совершенно не верит в это бесцветное «немного».

- Ты где? Уже в роддоме?

- Я в пробке! - не выдерживает и орет он. – Тут все стоит, мать их! Колом стоит! Снег этот гадский и авария наверняка еще какая-то. Час уже стою, и конца-краю не видно!

Добавляет еще пару нецензурных, потом спохватывается.

- Извините, Юлия Юрьевна. Я тут просто... - замолкает, не зная, что еще добавить.

- Тиша, перестань дергаться.

Он даже смог выбраться ненадолго из своего невнятного и разобранного состояния. Тиша. Для Юлии Юрьевны он всегда был «Тихон».

- Тиша... - повторила она еще мягче и тише. – Успокойся. Понимаю, это трудно. Все будет хорошо. Я с твоей мамой только что говорила. Они с Аристархом Петровичем в храме, молятся.

Это все здорово, конечно. Но он должен быть там, на всякий случай, должен быть рядом, недалеко, чтобы решать любые проблемы, если вдруг...

Снова схватился за телефон, открыла навигатор, посмотрел последние комментарии и ужаснулся. Еще и фура впереди сломалась. Несколько раз приложился виском к стеклу. Да за что ему все это?! От безнадёги набрал в мобильном приложении:

Ребята, пропустите, а? В роддом еду, жена рожает. Двойня у меня.

Сразу же посыпались комментарии.

Поздравляем!

Кто: пацаны, девчонки?

Тин невольно улыбнулся.

Мальчишки.

И снова заскучавший народ, стоящий в пробке, заторопился с ответами.

Мужик, красавец!

Поделись секретом – как?! Моя два раза уже в роддом ходила. Оба раза с девками возвращалась.

Люди, ну человеку правда надо. Давайте организуем проход хотя бы до заправки. А там можно проскочить и в объезд.

Ты на чем, двойня? В каком ряду? Далеко от светофора?

Черная Эскалада, в среднем.

Юморист, блин! Был бы ты еще на матизе каком-нибудь - мы б как-то растолкались. А на таком танке, браток, только по крышам если ехать.

Не надо по крышам! Женщина и без тебя родит!

И вообще, радуйся, что ты тут, а она в роддоме. А не с тобой сейчас в машине рождает.

Шутники хреновы! Тихон раздраженно отбросил телефон на переднее пассажирское. Черт бы подрал этот город. Эти пробки. Эту раздирающую изнутри тревогу.

Он опустил голову и уперся лбом в руль. Все. Будет. Хорошо. И - все. Больше никаких мыслей.

Он не знал, сколько так провел времени, изредка поднимая с руля голову, чтобы проехать метр или два. Но звонок телефона едва не подбросил его на месте. Повернул голову. Варя.

И стало вдруг страшно. Страшно брать трубку. Подумал почему-то, что сейчас услышит не ее голос. А чей-то чужой. И этот чужой голос скажет ему что-то... что-то, что он просто физически не способен воспринять. Потому что... потому что, если...

Он двинул пальцем, принимая вызов, и молча поднес телефон к уху.

- Тиша?

Она. Ее голос. Выдохнул.

- Привет, Тихая.

- Привет, Тихий.

Он молчал. Не знал, что сказать. Как спросить. Только дикое облегчение сейчас – просто слышать ее голос.

- Ну... как ты?

Она то ли вздохнула, то ли всхлипнула в ответ. И страх снова вернулся. Что-то с мальчишками? Проблемы? Сильные? Один? Или оба? Где проблемы? С кем?!

- Варя... Варюша... Ты плачешь? Что случилось? Говори!

- Я не плачу. Я смеюсь. Наверное.

- Смеешься?! Варенька, скажи толком, как там у вас!

- Все хорошо. Все, правда, хорошо. У меня получилось самой родить. И со мной все хорошо. И с детьми. Восемь баллов. Два семьсот и два пятьсот. Вот только... - и она замолчала.

- ЧТО?!

- Они рыжие! - Варя снова то ли всхлипнула, то ли вздохнула. – Они оба рыжие, Тиша! У тебя ДВА рыжих сына!

Он со стоном откинул голову назад, уперся затылком в подголовник, зажмурился. Рука тяжело и бессильно опустилась на руль, отчего взревел клаксон. Но Тин даже не вздрогнул.

- Хоть рыжие, хоть белые, хоть черные... Главное, что с ними и с тобой все в порядке...

- В полном! – завершила его Варя. - Не считая того, что... - нервно хихикнула. - Знаешь, по моему, они оба на Кольку похожи.

- Коля – хороший человек, и пусть на него похожи, - Тин говорил теперь словно сквозь силу. Напряжение отпустило, и казалось, что он сейчас просто вырубится. Тряхнул головой. - Мне все равно, на кого они похожи. Главное, что родились, здоровые и мои.

- Твои, - снова этот смешок пополам со всхлипом. – А где ты сам, многодетный отец?

- А я, Варюша, в пробке все это время простоял. Но, кажется, уже виден просвет. Скоро буду.

- Мы тебя ждем.

Спустя неделю на семейном совете решали, как назвать новорожденных. На повестке дня было три варианта. Первый – Борис и Глеб – был предложен Самойловыми, а точнее, Юлией Юрьевной. Второй – Петр и Павел - лоббировал Аристарх Петрович. Еще был третий вариант, предложенный Марфой. Но Аристарх Петрович сумел привлечь внучку на свою сторону, и в итоге большинством голосов новорожденных сыновей Тихона и Вари решено было назвать Петром и Павлом. Петруша и Павлуша. Петрусь и Павлусь. Петр Тихонович и Павел Тихонович Тихие.

Потом взрослые пили чай и дружно радовались, какие замечательные имена выбрали детям. Глеб Николаевич заявил, что оно и к лучшему – чтобы в семье был один только Глеб. Варя и Тихон молча улыбались и переглядывались - они давно для себя все решили, но приятно получить одобрение старших членов семьи. А Марфа, утомившись этими взрослыми разговорами, сбежала в детскую. Не свою – к братьям.

Но по дороге зашла к себе в комнату и взяла любимый сиреневый стульчик. Кроватки мальчишек стояли рядом. Марфа поставила стульчик между, села и посмотрела сначала направо, потом налево. Слева лежал малыш под ее пестрым детским одеялом. Справа – под Машиным.

Девочка задумчиво разглядывала спящих малышей. Волосы у них смешные – цветом как Персик. Марфа встала на сиденье, чтобы лучше видеть. Потом нацелила на одного указательный палец правой руки.

- Ты будешь Вупсень! А ты... - левой рукой ткнула в другую сторону. – Ты будешь Пупсень! Не какие-то Петрусь и Павлусь, а Вупсень и Пупсень!

После чего Марфуша Тихая удовлетворенно кивнула и слезла со стульчика.

«Вупсень» и «Пупсень» синхронно сопнули носами и продолжили спать. Они только еще привыкали к существованию в этом мире. Все у них было впереди: и Великие Споры со Старшей Сестрой, и Большая Любовь с ней же. И всех троих ждала просто Жизнь.

Из авторской суфлерской будки вылезает человек. В одной руке у него кофейник, другой он держит подмышкой растрепанный сценарий. Человек подходит к краю сцены, садится, свесив ноги в оркестровую яму. Обменивается рукопожатием с дирижером. Маэстро достает из внутреннего кармана фрака серебряную фляжку и чокается с протянутым ему кофейником.

Автор допивает остатки коньяка через носик. Занюхивает протянутым скрипичным смычком. Ммм, канифолька! Вкусно. Потом человек с кофейником запрокидывает голову назад и смотрит вверх, на пыльные медные кольца и механизмы. Поворачивает голову вбок и кивает Лене Лидману – старшему рабочих сцены. И произносит, махнув рукой и едва не уронив сценарий: «Занавес!». А затем, уже в зрительный зал:

«КОНЕЦ»